

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ

реклама
Победоносцев
творчество
послание
несказуемый
язык
Августин
исповедь
журналистика
риторика
мотивация
Патриарх
патриотизм
поучение
психологизм
экзистенциализм
антропоцентризм
образование
Бибблия
лексема
добродетель
Августин
исповедь
журналистика
риторика
мотивация
Православие
богатырь
генезис
грех
стилистика
Библихин
антропоцентризм
церковнославянизм
Дионисий
диглоссия
богословие
сакральный
русский
горнее
мгновение
концепт
индоевропейский

христоцентризм
герменевтика
эсхатология
филология
поэтика
Тарковский
Интернет
Евангелие
поэтика
ЕГЭ
норма
диалект
протопоп
стихотворение
храм
структура
Россия
стиль
раславянский
философия
понимание
телевидение
дух
лирика
жанр
понимание
жест
храм
текст
миг
реализм
поэзия
текст
фразеологизм
секулярный
церковнославянский
резтимологизация
печать
лингвистика
масс-медиа
перевод
Церковь
религия
культура
традиция
этимология
эпистемология
Розанов
стилистика
лингвокультурология

литературоведение
теолингвистика
понимание
жест
храм
текст
миг
реализм
поэзия
текст
фразеологизм
секулярный
церковнославянский
резтимологизация
печать
лингвистика
масс-медиа
перевод
Церковь
религия
культура
традиция
этимология
эпистемология
Розанов
стилистика
лингвокультурология

Министерство науки и высшего образования РФ
ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»
Филологический факультет
Кафедра русского языка

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ

*Материалы
научно-практической конференции,
приуроченной к 65-летию профессора
филологического факультета ТвГУ
В.В. Волкова*

17 октября 2019, г. Тверь

Тверь
2019

УДК 81'06/82.09

ББК 80/84

Т33

Рецензенты:

Кафедра русского языка ФГБОУ ВО «Тверской медицинский университет»
(зав. кафедрой кандидат филологических наук, доцент *В. М. Мирзоева*);
Ю. В. Доманский – доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и исторической поэтики Института филологии и истории
ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»

Тенденции развития современной отечественной филологии: материалы научно-практ. конф. к 65-летию проф. В. В. Волкова (Тверь, 17 октября 2019 г.) / Сост. И. В. Гладилина. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2019. – 203 с.

ISBN 978-5-907005-48-8 (А. Н. Кондратьев)

Сборник составлен по материалам конференции, приуроченной к 65-летию филолога-русиста, профессора кафедры русского языка Тверского государственного университета Волкова Валерия Вячеславовича. Авторы обсуждают разнообразные проблемы и направления развития современной русистики как науки о русском языке и литературе, русской культуре и русском народе, место филологического знания в различных коммуникативных практиках (художественная литература, литературоведение и лингвосомиотика, журналистика и реклама, деловое общение и лингводидактика). Особое внимание уделяется теолингвистике православия в контексте истории и современного состояния русского языка и российского общества.

Для широкого круга специалистов в области русской филологии, теории и практики коммуникации.

Ключевые слова: антропоцентризм, теолингвистика, герменевтика, менталитет, язык и культура, семантика и прагматика, языковая личность, духовный реализм.

УДК 81'06/82.09

ББК 80/84

ISBN 978-5-907005-48-8
(А. Н. Кондратьев)

© Коллектив авторов, 2019
© Гладилина И. В., сост., 2019
© ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Гладилина И. В.</i> От составителя	5
<i>Волков В. В.</i> Реэтимологизация и актуализация внутренней формы церковнославянизмов в практике изучающего чтения молитвословных текстов	7
<i>Антонов-Овсенко А. А., Шитикова Е. М.</i> О причинах уменьшения объемов рекламы в отдельных видах отечественных СМИ	42
<i>Бойников А. М.</i> Поэтика мгновения в слепнёвских стихотворениях А. А. Ахматовой	47
<i>Брызгалова Е. Н.</i> Поэзия А. Н. Вертинского как экзистенциальное пространство	53
<i>Бушев А. Б.</i> Стилистические особенности медиастилия и перевод	63
<i>Васильева С. А.</i> Квас как символ русской жизни в романе И. А. Гончарова «Обломов»	72
<i>Власова О. Б.</i> Соматические речения фразеологического типа в лингвометодическом аспекте	78
<i>Волкова Н. В.</i> «Вот и лето прошло...». Тоска по горнему Арсения Тарковского	86
<i>Габлина Т. В.</i> Жанровая специфика тверских официально-деловых документов XVII века	97

<i>Ганжина И. М.</i>	Отражение праславянского лексического фонда в составе тверской лексики	103
<i>Гладилина И. В., Сергеева Н. М., Усовик Е. Г.</i>	Логические ошибки и пути их устранения в сочинениях в формате ЕГЭ по русскому языку	113
<i>Глушков С. В.</i>	Концепт «богатырь» и его эволюция	125
<i>Дударева А. А., Ерохин В. Н.</i>	Истинное православие: протопоп Аввакум и Н. В. Гоголь. Типологические параллели	136
<i>Елкина А. А.</i>	Концепт «зрение» в японских впечатлениях русских журналистов (путевые «Очерки из кругосветного плавания» А. В. Вышеславцева и «Ветка сакуры» В. В. Овчинникова)	144
<i>Некрасова А. В.</i>	Лексемы <i>грех</i> и <i>добродетель</i> в духовной прозе Н. В. Гоголя: узуальные и контекстуальные значения и смыслы	155
<i>Николаева С. Ю.</i>	О литературном генезисе «Сказочной трилогии» М. Е. Салтыкова-Щедрина	164
<i>Парафонова В. А.</i>	255 лет с момента издания Вольным Экономическим Обществом своих «Трудов...»	176
<i>Редькин В. А.</i>	«Всему начало – отчий дом»: творческая индивидуальность Андрея Дементьева	187
<i>Об авторах</i>		201

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

17 октября 2019 года кафедрой русского языка филологического факультета ТвГУ была проведена научно-практическая конференция «Тенденции развития современной отечественной филологии», приуроченная к 65-летию профессора кафедры Валерия Вячеславовича Волкова. В данном сборнике представлены статьи авторов, принявших участие в конференции.

Родился Валерий Вячеславович 17 октября в г. Рубцовске Алтайского края, куда дед юбиляра, чудом выживший в сталинских лагерях православный священник, был отправлен вместе с семьей для восстановления храма и возобновления служения.

В 1976 году Валерий Вячеславович с отличием закончил Барнаульский пединститут по специальности «Русский язык и литература», работал в отдаленной сельской школе в районе компактного проживания этнических немцев, затем в Барнаульском педагогическом училище и Алтайском университете.

После окончания аспирантуры в МГУ им. М.В. Ломоносова и защиты кандидатской диссертации по способам образования инхотативных глаголов (1984) Валерий Вячеславович работал в Ужгородском университете (Западная Украина), где с 1988 по 1996 г. заведовал кафедрой русского языка, в рамках международного сотрудничества периодически работал в сопредельных Венгрии и Словакии.

В 1994 г. в рамках научной школы идеографической грамматики и словообразовательного синтеза под руководством доктора филологических наук профессора И.Г. Милославского защитил в том же Московском университете докторскую диссертацию «Деадъективное словообразование в русском языке».

После развала Советского Союза и предельного сокращения преподавания русского языка и литературы в вузах и школах Украины переехал в Тверь, где с 1997 по 2008 г. работал заведующим кафедрой методики русского языка и профессором кафедры русского языка, преподавал в различных общеобразовательных учреждениях города. После объединения кафедр – профессор кафедры русского языка нашего университета.

Основные научные интересы: лексикология и лексикография, морфемика и словообразование, лингвокультурология и лингвоконцептология, психолингвистика и когнитивная лингвистика, прагмалингвистика и прагмастилистика, лингвометодика.

Основные научные достижения. Книжные издания «Русский язык: Учебник для 4 класса школ УССР с венгерским языком обучения» (Киев; Ужгород, 1989, в соавторстве), «Компьютерные методики в деривационном исследовании» (Киев, 1989), «Прагмастилистика текста» (Словакия, Кошице, 1991), «Русский язык и компьютер: Как составить самую простую учебную или исследовательскую компьютерную программу» (Словакия, Кошице, 1991), «Деадъективное словообразование в русском языке» (Украина, Ужгород, 1993), «Введение в психолингвистику» (Украина, Ужгород, 1994), «Внутренний лексикон и идеографические словари» (Тверь, 1997), «Сочинение по русскому языку и литературе: Книга для учащихся, учителей и родителей» (Тверь, 2000), «Основы филологии: антропоцентризм, языковая личность и прагмастилистика текста» (Тверь, 2013), «Филология в системе современного гуманитарного знания» (Тверь, 2013), «Художественный текст в преподавании русского языка как иностранного» (Тверь, 2014, в соавторстве).

Член диссертационных советов Д 212.263.03 при Тверском государственном университете по специальности «Русский язык», Д 212.263.05 при Тверском государственном университете по специальности «Прикладная и математическая лингвистика», Д 212.263.05 при Тверском государственном университете по специальности «Теория литературы. Текстология (филологические науки)».

По обращениям и постановлениям различных правоохранительных органов В.В. Волков периодически выполняет судебные лингвистические экспертизы.

Ученики: 4 кандидата и 2 доктора филологических наук.

Заведующий кафедрой русского языка,
кандидат филологических наук, доцент
Ирина Владимировна Гладиллина

РЕЭТИМОЛОГИЗАЦИЯ И АКТУАЛИЗАЦИЯ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНИЗМОВ В ПРАКТИКЕ ИЗУЧАЮЩЕГО ЧТЕНИЯ МОЛИТВОСЛОВНЫХ ТЕКСТОВ

В. В. Волков

В центре внимания данной статьи – вопрос о лингвистической герменевтике изучающего чтения церковнославянских текстов, ее цель – сопоставление сакрально-религиозных и обиходных значений и смыслов таких церковнославянизмов, которые, с одной стороны, являются ключевыми в основных христианских молитвословиях, с другой стороны, в системе современного русского языка как целом оказываются в отношениях стилистической и семантической паронимии с аналогичными по составу и структуре общеупотребительными мирскими, «светскими» лексемами. Правильное понимание таких церковнославянизмов в ходе освоения учащимися светских и духовных учебных заведений, а также теми, кто изучает церковнославянский язык самостоятельно, может вызывать серьезные затруднения вследствие смешения секулярной, «мирской» и сакрально-религиозной семантики. Лингвистические комментарии к наиболее важным в контексте православного вероучения церковнославянизмам могут строиться по процедурам филологической герменевтики, в основе которых – реэтимологизация, понимаемая как «прочтение заново» семантических этимонов (диахронический аспект языковой системы), и актуализация внутренней формы лексем на основе выявления их современных морфемно-словообразовательных особенностей (синхронический аспект).

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, религиозное образование, церковнославянский язык, теолингвистика, диглоссия, церковнославянизм, лингвистическая герменевтика, внутренняя форма слова, изучающее чтение.

Постановка проблемы.

О понятии «понимание» применительно к православному молитвословию

Человеческая молитва – личная или соборная обращенность к Богу, Богородице или Его святым, – если на то есть Божья воля и помощь и достаёт человеческого усердия, развивается и, развиваясь, изменяется. Разумеется, есть и молчаливая молитва, о чем очень хорошо сказал поэт-иеромонах Роман: «Лучшая поэзия – молчание, / Лучшее молчание – моление» [11, с. 187]. Однако к такому молчаливому молению – долгий путь, начало которому – молитва словесная.

Архиепископ Антоний (Голынский-Михайловский) (1889–1976) в келейных записях «О молитве Иисусовой» разъяснял: «Молитва, по мере действия в ней слова, ума, сердца и Духа Божия, имеет соответствующие наименования. Она бывает **словесной, умной деятельной, умно-сердечной деятельной**. Эти три вида молитвы доступны человеку в период его ветхой деятельности, то есть до всецелой преданности его в волю Божию. Последующие два вида молитвы обретаются подвижником лишь по очищении сердца от страстей и греха и именуется **умно-сердечной самодвижной**, движимой Духом Святым, и **умно-сердечной чистой**, или непарительной. Последняя есть истинно созерцательная молитва, доводящая все добродетели, будучи всем им матерью, до совершенства духовного целомудрия. Самые достойные через эту молитву приводятся к соединению души с Небесным Женихом в единый дух. Человек тогда обретает высший дар – молитву **зрительную**. Тогда, соединившись с Господом, он зрит, уразумевая, великие тайны Божии и премудрость Его, прославляет всем своим духовным существом Святую Троицу, стяжав в сердце Бога» [3, с. 239].

Начинается путь, как видим, с молитвы словесной. «Навыкнув <...> в молитве **словесной**, ум начинает <...> теплее, усерднее прислушиваться к словам, читаемым языком, а прислушиваясь, постепенно начинает с удовольствием сам погружаться в молитву. <...> С этих пор, рожденная не на устах, а в тайных недрах ума, молитва не производится, но умственно мыслится» [Там же, с. 270].

Молитвословие – это не только (и даже не столько) **тексты** молитв, размещенные в определенной последовательности, но и их ос-

мысленное, одушевленное **чтение**, которое необходимо предполагает **понимание** умом и вникновение сердцем в глубинный смысл молитвы.

Использованное нами в предыдущем абзаце словосочетание *вникновение сердцем* раскрывать не будем, поскольку потребуется слишком много времени и места для попыток пояснить, что такое *сердце* в христианском понимании, как воспринимать смысл отглагольного существительного *вникновение* и предлагающих ему глаголов *вникать / вникнуть*; в словосочетании *понимать умом* также не станем пояснять смысл существительного *ум*, а, следуя процедурам лингвистической герменевтики, сосредоточимся лишь на существительном *понимание*.

Внутреннюю словообразовательную форму существительного **понимание** целесообразно прочитывать как «*по-име-ни-е* внутри собственного ума» – от приставочного глагола *поиметь / поимать*, во взаимосвязи с сущ. *понятие* и его латинизированным квазисинонимом *концепт*. Ю.С. Степанов (1930–2012) в становящейся хрестоматийной работе «Константы: Словарь русской культуры» разъяснял: «По своей внутренней форме в русском языке слова *концепт* и *понятие* одинаковы: *концепт* является калькой с латинского *conceptus* “понятие”, от глагола *concipere* “зачинать”, т.е. значит буквально “понятие, зачатие”; *понятие* от глагола *пойти*, др.-рус. <...> “схватить, взять в собственность, взять женщину в жены” буквально значит, в общем, то же самое» [31, с. 43].

Внутреннюю словообразовательную форму приставочных глаголов *поиметь / поимать* целесообразно прочитывать в логике чистовидовых приставочных образований сов. вида от глаголов *иметь / иметь*, общее значение которых специалисты по истории языка трактуют как «представление действия приобщения объекта как единого акта с достижением результата» [25, с. 35].

Опорное лексическое значение глагола **иметь** во внутренней морфемно-словообразовательной форме сущ. **понимание** целесообразно прочитывать в лаконичном толковании В.И. Даля: «**Иметь** что, владеть чем, пользоваться; что у кого есть, то он *имеет*; у меня есть или *я имею*» [7, т. 2, с. 43], а основное значение сущ. **понимание** – через мотивирующий глагол **понимать**: «...постигать умом, позна-

вать, разуметь, обнять смыслом, разумом; находить в чем смысл, толк, видеть причину и последствия. *Поймешь, зачем живешь, как помрешь.* <...> *Чего не понимаю, тому не верю.* <...> *Учи других – и сам поймешь»* [Там же, т. 3, с. 286–287].

Путь к пониманию один: от общезыковых значений ключевых молитвенных слов, которые нужно узнать и освоить, опираясь на опыт Церкви и советы духовных учителей, – к личностным молитвенным смыслам, которые нужно найти, открыть в глубине собственной души и дать этим смыслам новое воплощение в личном молитвенном богообщении. В этом общее значение **молитв о даровании молитвы**, личные же их смыслы исключительно многогранны: в них и жалобы на затруднения сосредоточиться, собрать воедино внимание, и просьбы о помощи успокоить волнующуюся душу, избавиться от суетных помышлений, и покаянное сожаление о неспособности должным образом осознать глубину своей греховности, и многое другое, но для начала – просьба о даровании понимания священных молитвенных слов, и в целом, если суммировать всё многообразие отдельных смыслов – просьба **даровать в ответ на богоустремленность – возможность богообщения**, возможность услышать самому и быть услышанным.

Самостоятельное церковнославянское чтение и «домашняя церковь»

Когда мы говорим, что церковнославянский язык – это специальный сакральный язык, предназначенный **для богообщения**, то есть для **общения** (< стар. *общѣтъ, общѣтъ* ‘соединять’ < прил. *общий* ‘распространяющийся на всех’), для **соединения** в молитвословии человека с Богом, для пребывания в молитвенной общности с Ним (через обращение к Нему или Его святым с просьбами, хвалениями и т. д.), то имеем в виду общение **церковное**.

И прил. *церковный*, образованное от сущ. *церковь*, и само сущ. *церковь* кажутся совершенно понятными любому – хотя бы потому, что церковь – вот она, на соседней улице, с куполами и крестами. Однако это «понятность» кажущаяся. «Кажимость» такой «понятности» связана, во-первых, только с одним из значений существительного

церковь, наиболее очевидным для мирского восприятия, – «здание, в котором происходят христианские богослужения», во-вторых, с незнанием и/или недопониманием многослойности более глубоких значений и смыслов этого слова.

В Словаре В. И. Даля сущ. *церковь* толкуется в одну строчку, ключевые слова толкования – через запятую, так что складывается впечатление, что для Даля и его современников отдельные смыслы, связанные с этими ключевыми словами, выступали до нераздельности слитными: «**Церковь**... место, здание, для христианского богослужения, храм, Божий храм» [Там же, т. 4, с. 573].

В авторитетном современном секулярном словаре – с разграничением двух значений в пределах одной словарной статьи: «**Церковь**... 1. Религиозная организация духовенства и верующих, объединённая общностью верований и обрядности; религия, проповедуемая такой организацией. <...> 2. Здание, в котором происходит христианское богослужение» [21, с. 1464].

В современном «Словаре православной церковной культуры», предназначенном широкому кругу читателей, во многом для первоначальной ориентировки в мире Православия, – **три разные** словарные статьи (сущ. *церковь* трактуется как омонимичное), с целью максимально внятно отобразить и представить различие трех разных ключевых представлений – о Церкви и церкви (с прописной и строчной букв соответственно):

1. «**Церковь**¹... Христианское сообщество, возглавляемое Господом Иисусом Христом, понимаемое как мистическое соединение всех верующих с Богом (Церковь как “Тело Христово”). <...> *Церковь есть тело Христово, Богочеловеческий организм, в котором Божественная благодать пронизывает и освящает все существо человека и его действия.* Прот. Глеб Каледа. Домашняя церковь» [30, с. 406].

Обратим внимание на текстовую иллюстрацию из широко известной книги Глеба Каледы (1921–1994; в миру Глеб Александрович Каледа – доктор геолого-минералогических наук, профессор, в Русской Православной Церкви – протоиерей, церковный писатель) и процитируем далее: «Каждый член Церкви – частица, клеточка, орган этого тела, необходимый для полноты целого, – таково по существу

содержание гл. 12-й Первого послания апостола Павла к Коринфянам» [14, с. 5].

В указанном апостольском послании – духоносное разъяснение существа христианской Церкви: «Ибо, как тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело, – так и Христос. Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело, Иудеи или Еллины, рабы или свободные, и все напоены одним Духом. Тело же не из одного члена, но из многих. <...> И вы – тело Христово, а порознь – члены» (1Кор 12: 12–14, 27).

2. «**Церковь**²... Религиозная организация со сложной иерархической структурой, осуществляющая сохранение и передачу основ **вероучения, богослужения, совершения таинств** и т.д.» [30, с. 406].

3. «**Церковь**³... Православный храм» [Там же, с. 407].

Второе и третье значения (по Г.Н. Скляревской, автору цитированного словаря, омонимы) в пояснениях не нуждаются, комментарии к первому в контексте задач данной работы – необходимы.

Христос говорил: «...ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф 18: 20). Так рождается понятие **домашней церкви и домашнего богослужения** – как совместно с близкими, так и в одиночестве (например, монашеском), где тоже осуществляется благодатное соединение верующих с Богом. В контексте наших задач отметим: «домашнее богослужение» позволяет специально заниматься изучением текстов молитвословий, не торопясь вникать в значение каждой грамматической формы, каждого слова.

Протоиерей Глеб Каледа в специально посвященной этому вопросу книге разъяснял: «Конечно, при внехрамовом богослужении несколько изменится его восприятие. В церкви мы погружаемся в молитвенно-эмоциональное восприятие духа службы и не всегда по тем или иным причинам вникаем в текстуально-смысловое значение совершаемых песнопений, – при домашнем богослужении по книгам легче вникнуть в смысл слов читаемых молитвословий и песнопений. Поэтому полезно для лиц, не состоящих в клире, чередовать посещение храмов с отправлением в меру сил и возможностей отдельных богослужений дома. Такое чередование храмового и домашнего богослужения позволяет подниматься в религиозном молитвенном познании на крыле мистического чувства и на крыле ума» [14, с. 170].

Очень точно в цитированном отрывке сформулирована сверхзадача именно «домашнего богослужения»: «...вникнуть в смысл слов читаемых молитвословий и песнопений».

Домашнее богослужение основывается на **самостоятельном церковнославянском чтении** – как непосредственно в устном молитвословии, так и в ходе самостоятельного или совместного с кем-либо **изучающего чтения** различной православной литературы, прежде всего текстов **молитвословий**.

Естественно, изучающее чтение молитвословий уместно не непосредственно в ситуации молитвенного предстояния, а, например, за рабочим столом, с учителем или священником рядом, с различными словарями и пособиями под рукой или просто в желании специально вчитаться и вдуматься.

Разумеется также, что вдумчивым изучающим чтением одних только молитвословий православное образование и/или самообразование ограничиваться не может. В ряду необходимого «другого» чтения – Священное Писание, творения святых Учителей Церкви (Отцов Церкви), другая душеполезная православная литература, даже если она вроде бы не на церковнославянском языке, а на неопытный взгляд – как бы только на «мирском» современном русском, что якобы исключает непонимание.

Любые православные тексты включают словоупотребления, специфические для Православия и христианства в целом, содержат множество тонких, но важных семантических нюансов и трудностей, препятствующих полноценному пониманию.

Актуализация внутренней формы слова как лингвогерменевтический инструмент, основа «технологий понимания»

Говорят, для достижения мудрости нужно научиться извлекать тайну из того, с чем сталкиваешься каждодневно, к чему привыкаешь до того, что перестаешь замечать и удивляться. Особенно это касается родного языка, который мы воспринимаем как дыхание, как неощутимую работу печени или селезенки. Всматриваться, «вчувствоваться» в церковнославянские или собственно русские слова, не-

сущие свет христианской Истины, видеть их глубинные связи между собой – один из путей молитвенного и/или «предмолитвенного» обращения к Богу, один из способов **духовной практики** – если воспользоваться популярным в современной гуманитаристике словосочетанием, и один из первых шагов на «где-то здесь» начинающемся тернистом пути **обожения** – если воспользоваться словом, именующим главную цель христианского подвижничества.

Кратко существо **герменевтики изучающего чтения** можно пояснить так. Для религиозно настроенного сознания установка на актуализацию внутренней формы лексем, насыщенных умной энергией Православия, – как ассоциативно-вербальный толчок к активизации морфемно-словообразовательных и лексико-семантических связей слов и стоящих за ними семантических представлений и внутренних душевных состояний, в идеале – молитвенных.

Благоговеть, благоговение... Внутреннее состояние, с которого начинается всякая подлинная молитва. Молитвенный опыт знает это состояние, но на то и даны человеку ум, душа и сердце, чтобы умом поверять сердечные чувства и помогать им осознанием: *то́* это или *не то*. А сердцем, в свою очередь, поверяются зачастую слишком самоуверенные суждения ума.

С лингвистически внятным объяснением как семантики, так и морфемно-словообразовательной внутренней формы глагола *благоговеть* (а значит, и производного от него существительного *благоговение*) оказывается очень непросто.

Словообразовательный словарь считает глагол *благоговеть* производным [32, т. 1, с. 101] – при синхронной очевидности связи с сущ. *благо*. Доступные нам словари церковнославянского языка слов *благоговеть* и *благоговение*, как правило, не включают – при огромном количестве других образований на *благо-*; найденные исключения: 1) сербский словарь С. Петковича, где *благоговение* синонимизируется с греч. *ευλαβεια* ‘почтение, благоговение’ (букв. можно сказать «благоохватывание») и толкуется как «побожность» [26, с. 12] (рус. *благочестие*); *благоговеть*, соответственно, – «быть *благочестивым*, пребывать в страхе Божиим»; 2) словарь П. Алексеева, включающий *благоговейати* (вар. *благоговейнствовати*) – «быть набожну, великую

честь воздавать»; производные: *благоговейник* – «добродетельный, благочестивый человек», *благоговейство*, *благоговение* – «то же, что благочестие, или страх Божий», *благоговейный* – «набожный или усердный к Богу» [2, т. 1, с. 66].

Толковые словари русского языка в семантизирующей части включают такие опорные слова, которые, в свою очередь, также нуждаются в серьезных усилиях понимания – при условии, что интересующие нас *благоговеть* и *благоговение* мы хотим понять как именованная специфически религиозного внутреннего одушевления, а не в общезыковом смысле «глубокое почитание кого-чего-либо».

В современном Словаре православной церковной культуры – толкование, на наш взгляд, слишком узкое, поскольку крепится к опорному слову *святыня*, которое воспринимается в значении «священное место, священный предмет»: «**Благоговение...** Глубокое почитание, преклонение перед святыней» [30, с. 54].

В Словаре В.И. Даля – широкий спектр толкований, но в смешении сакральных и секулярных смыслов: «**Благоговеть**, страшиться и покоряться; смиряться в ничтожестве своем перед высшим; оказывать кому безусловное уважение и повиновение; раболепствовать; признавать и безмерно ценить чьи достоинства. **Благоговение...** смесь страха и уважения, смирения и покорности. **Благоговейный**, полный страха, уважения, смирения, покорности; высшая степень почтительности. **Благоговейник**, **-ница**, страстный читатель, поклонник» [7, т. 1, с. 92].

В современном словаре общеупотребительной лексики – сугубо секулярные толкования со стилистической пометой «книжное»: «**Благоговеть...** Книжн. Испытывать благоговение, относиться с благоговением к кому-, чему-л. *Благоговеть перед наукой, поэзией*»; «**Благоговение...** Книжн. Глубокое почитание, уважение к кому-, чему-л., преклонение перед кем-, чем-л. *Внушать благоговение. Испытывать благоговение перед творением зодчего. С благоговением слушать своего кумира*» [21, с. 81].

Филологический соблазн, поддерживающийся этимологически соображениями, – соотнести вторые части этих в морфемном отношении членимых слов (сложений) с *говеть*, *говение*.

Этимологический словарь: «**Благоговеть** “чувствовать, проявлять глубокое почтение”. Заимствовано из ст.-сл. яз. Ст.-сл. **благоговети** “страшиться, покоряться” является калькой греч. *eulabeisthai* “испытывать робость, боязнь перед кем-либо”, где *eu-* “благодать, хороший”, *labeisthai* “уважать, бояться” передано словом *говети* “выражать учтивость”» [37, с. 32].

В современном Словаре православной церковной культуры – в специфическом церковном значении: «**Говение...** Приготовление к таинству **Причастия: пост**, посещение храмовых **богослужений**, чтение особых молитв и **исповедь**» [30, с. 111].

Аналогично в словаре общеупотребительной лексики, со ссылкой на церковный обиход: «**Говеть...** У верующих: поститься и посещать церковные службы, готовясь к исповеди и причастию в установленные церковью сроки» [21, с. 212].

В старом (теперь уже) словаре П. Алексеева отчетливо фиксируется общий исходный смысл, фиксирующий внутреннее состояние человека, – и вторичный конкретный, отсылающий к представлениям об образе жизни в приуготовлении к исповеди и причастию: «**Говети...** чтить, почитать. От чего в просторечии, вместо почитать пост, говорят *говеть*, то есть поститься» [2, т. 1, с. 216].

В Словаре В. И. Даля набор значений шире, некоторые могут служить хорошей «герменевтической подсказкой» к более глубокому пониманию глагола *благоговеть*: «**Говеть, гавливать** стар. жить, быть; || благоговеть к кому или перед кем, уважать, почитать кого в высшей степени. || Готовиться к исповеди и причастию, постясь и посещая церковь. <...> **Говейный** црк. благоговейный или набожный» [7, т. 1, с. 364].

Вывод. Актуализованная внутренняя форма слов *благоговеть* и *благоговение* может быть интерпретирована следующим образом: «Почитать *благо* в высшей степени возможного (для себя, почитающего) и тем самым пребывать в состоянии охваченности благом».

В предложенной выводной формулировке опорное слово – *благо*, которое следовало бы теперь как-то пояснить.

К сожалению, возможные пояснения представляются малопродуктивными: «благо» относится к числу так называемых «первичных

понятий», которые, во-первых, стандартному логическому определению через подведение под какую-либо общую категорию не поддаются, во-вторых, если удастся найти им логическое определение через сеть связей с другими понятиями, то эти «другие понятия» также оказываются в числе «первичных», а следовательно, могут быть «определены» только одно через другое / через некоторое множество других.

Философское определение: «**Благо** – состояние и условие совершенства, осуществленности бытия; ведущее понятие средиземноморско-европейской (иудео-христианской) культуры, одно из традиционно принятых в ней имен божественного начала. В отличие от синонимичного добра, в понятии которого доминирует мотив абсолютного нравственного долга и волевого выбора, благо онтологично и принадлежит космическому контексту» [4, с. 41].

На наш взгляд, это очень хорошее определение с элементами энциклопедического разъяснения. Но стало ли от знакомства с этим определением **понятнее**, что такое **благо**?

«...Состояние и условие совершенства, осуществленности бытия...».

Что такое *совершенство*, его *состояние* и его *условие* / *условия*?

Что такое *бытие*, его *осуществленность*?

Это философский язык, хорошее начало ассоциативного поля семантически взаимосвязанных понятий, внятных философски грамотному человеку и в совокупности формирующих то, что можно именовать «сетью понимания».

Но философия – наука, а нам нужно не научное, а желательно для начала обиходное понятие (то есть более или менее ясное всем носителям языка), а далее – религиозное, а именно – христианское, и желательно не сухое абстрактно-логически выстроенное «понятие», а некое **объяснение, пригодное для понимания**, чтобы можно было «внутренне представить», как бы «ощутить» это самое благо...

Словари церковнославянского языка либо вообще не включают «корневые» слова *благо*, *благой*, либо ограничиваются, во-первых, синонимичными толкованиями, которые ничего по сути не объясняют (типичная ситуация толкования: *благо* = *добро*), во-вторых, отсылками «к здравому смыслу» и тому, из чего этот «здравый смысл»

складывается, – к жизненному опыту, воспитанию, совестному нравственному чувству и т. п., ср.: «**Благій**, гая, гое, добрый, хороший» [2, с. 63]; «**Благо** – добро, доброе деяние, все служащее счастью, богатство, имение» [9, с. 39]; аналогичная ситуация и в секулярных словарях, ср.: «**Благо**... Благополучие, счастье, добро», «**Благой**... Хороший, добрый» [21, с. 81].

Учитывая высокую степень семантической «простоты» и высокую семантическую регулярность использования компонента *благо-* в составе десятков производных сложных слов как в церковнославянском (сакральном), так и в секулярном (кодифицированном литературном) русском языках, в том числе в составе потенциальных и окказиональных образований, компонент *благо-* вполне можно характеризовать как префиксоид – как корневую морфему в функции префикса.

Однако вопрос о «смысловом наполнении» этого компонента тем самым не снимается. Видимо, это особая исследовательская задача, в том числе и для филологической герменевтики.

В качестве итога приведем цитату из диссертационного исследования, специально посвященного словам с корнем *благ-* в церковнославянском и современном русском языках, где упоминаются в том числе и интересующие нас слова *благоговеть* и *благоговение*: «Поскольку корень **благ-** несет чрезвычайно важную семантическую нагрузку в церковнославянском языке, то в диссертации исследуется предположение, что в парадигме слов с этим корнем, помимо центральных, смыслообразующих, должен функционировать еще ряд единиц, значимых с точки зрения христианского вероучения и группирующихся в непосредственной близости от центрального, являющихся при этом в достаточной степени частотными. К числу таковых мы отнесли *благодать*, *благоволение* (*благоволити*), *благовествовати* (*благовестити*), *благоговение*, *благодарение*. Критерии нашего отбора следующие. В семантике каждого из перечисленных слов очевидна понятийная общность; каждое слово в границах этической (вероучительной) системы получает терминологическую нагрузку, а также эксплицитно выражает значение действий, определяющих взаимоотношения Бог ↔ человек и слу-

жащих необходимыми условиями для обожения, т.е. для достижения высшего *Блага*. Слово *благоговение*, например, имеет значение “благочестие, страх Божий, глубокое уважение” <...> Важность этого понятия определяется тем, что оно выражает то отношение человека к Богу, которое прилично и необходимо с точки зрения христианской этики» [22, с. 13–14].

Вывод. В состоянии *благоговения* (перед чем-кем угодно), если воспользоваться выражением Мишеля Монтеня (1533–1592), «наши чувства устремляются за пределы нашего “Я”» [20, с. 16], в случае *религиозного благоговения* – это устремление всего человеческого существа к Божественному, к Богу, *богоустремленность*.

Лингвогерменевтика изучающего чтения: существо трудностей, секулярные и сакральные значения и смыслы

В предыдущем разделе мы выяснили, что семантику лексем *благоговеть* и *благоговение* в ядерной части можно свести к компонентам «благочестие» + «страх Божий», а их совокупность выразить словом *богоустремленность*.

Существо сделанного: мы *лингвогерменевтически перевыразили*, сказали «другими словами» о том, о чем в предыдущей версии «как сказать» (= лингвистически опредметить интересующее нас внеязыковое содержание) было сказано как-то иначе.

Что в результате? Если секулярное языковое сознание еще более или менее может справиться с пониманием слова *богоустремленность*, то с *благочестием* и *страхом Божьим* дело обстоит значительно хуже.

Очевидно, что сущ. *благочестие* – сложносuffixальное производное от словосочетания *благая честь* (сложение в сочетании с суффиксацией: *благ-о-чест-иј-е*). Но что такое *честь*, а тем более *благая честь*? Отдельные слова – и то лишь «вроде бы понятны», а их «суммирование» в словосочетании, да еще в необходимой ассоциативной связи с *богоустремленностью*?!

Смысл словосочетания *страх Божий* и вовсе имеет весьма отдаленное отношение к обыденным представлениям о страхе как знако-

мой всем эмоции. Для начала нужно пояснить, что прилагательное *Божий* в данном случае лишь внешне похоже на обычное притяжательное и отсылает, разумеется, не к «страху (самого) Бога» (сам Бог, разумеется, не боится), а к «страху человека перед Богом (= перед лицом Бога, перед Его Божественной личностью)», то есть *Божий* в этом контексте является прилагательным качественно-относительным. Впрочем, это грамматическое уточнение едва ли поможет найти ответ: в чем содержание этого «страха перед Богом»? Если коротко, то *страх Божий* целесообразно истолковать как «постоянное ощущение Божьего присутствия». Но ведь это ощущение как-то все-таки связано с обыденным *страхом*? Да, связано. Каким образом? Опять-таки надо объяснять.

Это типичная ситуация разрыва между секулярным и сакральными типами сознания, элементы которых часто опредмечиваются в формально «одних и тех же», но семантически «очень и очень» различающихся языковых единицах. *Межстилевая паронимия* – пожалуй, так терминологически следует обозначить это явление. Ее когнитивное психолингвистическое следствие – «лингвокогнитивный диссонанс», «как-бы-понимание» слов, когда значения их вроде бы известны и ясны, но вроде и «что-то не так». Особенно явственно это «как бы» проступает в случаях, когда нужно объяснить себе или другим, что «это» такое.

Ситуация «как-бы-понимания» относится и к обиходным предметам (например: что такое *аэрогриль?*), и к научным терминам (что такое *биссектриса*, *причастие?*), и к текстам религиозного содержания (что значат слова *грех*, *исповедь*, *спасение?*). У этой ситуации как минимум две стороны, которые заслуживают специального внимания.

Первое.

Некто **не уверен**, что знает значения соответствующих слов, но может попытаться сообразить, «что бы это значило», исходя из их внутренней формы, в простейшем случае – морфемно-словообразовательной (из каких морфем состоит, как образовано, какой смысл получается в результате «сложения» значений морфем в ходе образования производного от производящего).

Результат «самодеятельных» размышлений далеко не всегда оказывается удачным.

Хрестоматийный пример из школьной программы по литературе.
Комедия Д. И. Фонвизина «Недоросль». Диалог:

«**Правдин.** Дверь, например, какое имя: существительное или прилагательное?

Митрофан. Дверь? Котора дверь?

Правдин. Котора дверь! Вот эта.

Митрофан. Эта? Прилагательна.

Правдин. Почему ж?

Митрофан. Потому что она приложена к своему месту. Вон у чулана шеста неделя дверь стоит еще не навешена: так та покамест существительна».

Смешно, но почему?

Митрофан думает о **реальной** двери, а не о **слове** *дверь* как части речи.

Термины *существительное* и *прилагательное* он воспринимает в актуализованной внутренней форме, и ход его мыслей примерно такой:

1) *существительное* – от глагола *существовать*, то есть «просто быть»;

2) *прилагательное* – от глагола *прилагать / приложить*, то есть «к чему-то», «*при* чём-то».

Вывод Митрофана: ответ на вопрос Правдина зависит от того, какая именно дверь имеется в виду.

Вопрос лингвометодический и лингвогерменевтический: как актуализовать внутреннюю форму терминов *существительное* и *прилагательное* (от глаголов *существовать* и *прилагать / приложить* соответственно) таким образом, чтобы это помогло понять специфику слова *дверь* как части речи?

Ответ на этот вопрос: *как актуализовать?* – крайне непросто, поскольку сам вопрос синонимичен более общему вопросу: **Как (вообще) понять / понимать что-либо?**

Второе.

Некто **уверен**, что **знает** значения соответствующих слов.

Типовая позиция «убежденного атеиста»: в «вашей религии» мне «всё понятно», и «всё это ерунда, поскольку не находит научного объяснения».

Вопрос: понимает ли такой условно-обобщенный атеист, какой смысл он вкладывает в слово *наука*, далее в прилагательное *научный* и, наконец, в словосочетание *научное объяснение*?

Это, как говорится, для начала. В продолжение можно бы спросить о том, что такое, по его мнению, *религия* и что именно нашему условному атеисту «в этой религии» якобы «понятно».

Нехрестоматийный, но довольно известный пример.

Протоиакон Андрей Кураев, известный философ и богослов, профессор и православный миссионер, рассказывает: «Представьте: православный миссионер выступает перед университетской аудиторией. И в процессе своего повествования он доходит до той минуты, когда должен употребить “неприличное” слово. Он должен беса упомянуть. Поскольку этот миссионер не впервые общается с образованной публикой, он прекрасно понимает, какова будет реакция зала. Ведь наша постсоветская интеллигенция еще слова “Бог” правильно выговорить не может. Ей чего-нибудь попроще надо: “космическая энергия”, “биоэнергоинформационное поле вселенной” и тому подобное. А если им еще про беса что-то вернуть... <...> Предвидя это, миссионер решает высказать свою мысль на жаргоне интеллигентной аудитории. И говорит: “В эту минуту к человеку обращается мировое трансцендентально-ноуменальное тоталитарно-персонализированное космическое зло...”. Тут бес высовывается из-под кафедры и спрашивает: “Как, как ты меня назвал?”» [18, с. 217–218].

Как объяснить, что и **бес**, и, к примеру, **ноосфера** – в равной степени **реальны**, – но одна реальность явственна лишь для религиозного сознания, а другая – для атеистически настроенного «светского», секулярного сознания?

Ситуация осложняется тем, что, с одной стороны, религиозное сознание **понимает** реальность «ноосферы» сознания секулярного, а, с другой стороны, секулярное сознание **не понимает и не хочет понимать** реальность «бесов», явных для сознания религиозного, сакрального.

В другой формулировке: понимает ли условно-обобщенный атеист, пленник секулярного мышления, *что и/или кто – такое и/или такой бес* для религиозного сознания? И хочет / захочет ли попытать-

ся понять, что это вовсе не «чёртик с рожками» на детских картинках, а нечто совсем иное?

Промежуточный вывод и следствия из него.

Способы объяснения понятийных реальностей науки лингвистики для фонвизинского недоросля Митрофана и способы объяснения реальностей религиозного сознания для некоего пленника сугубо секулярных представлений о мире – в лингвогерменевтической основе одинаковые: вникать в смысл используемых слов.

Но как объяснить условной «постсоветской интеллигенции», что, например, «ноосфера» – лишь квазисиноним Бога?

Версии объяснения:

1. Живое ощущение всемирного надличностного начала неотъемлемо присуще человеку, в том числе и атеистам, которые, употребляя вместо слова *Бог* именованя типа *Космос*, *Ноосфера*, *всемирный разум*, *информационное поле*, *Абсолют* и т. п., в действительности именуют Бога, но – в сознательной, полу- или бессознательной претензии на *познаваемость* не только Его творения, но и Его самого.

2. Следовало бы признать *несказуемость* Бога и *ограниченность* человеческого познания, которое вместить Бога в принципе не может и никогда не сможет, – сколько бы и каких бы новых именованй для Него мы ни находили.

Последнее было известно давным-давно – достаточно познакомиться, например, с сочинением «О божественных именах», авторство которого связывают со священномучеником Дионисием Ареопагитом (I век христианской эры).

«И если Оно превосходит всякое слово и всякое знание и пребывает превыше любого ума и сущности, все сущее объемля, объединяя, сочетая и охватывая заранее, Само же будучи для всего совершенно необъемлемо, не воспринимаемо ни чувством, ни воображением, ни суждением, ни именем, ни словом, ни касанием, ни познанием, как же мы можем написать сочинение “О божественных именах”, когда сверхсущественное Божество оказывается неназываемым и пребывающим выше имен? <...> Зная это, богословы и воспевают Его и как Безымянного, и как сообразного всякому имени» [8].

По изысканиям св. Дионисия, в богодухновенных текстах Его именуют, в частности, так: *Сущий*, *Жизнь*, *Свет*, *Бог*, *Истина*, *Благой*,

Прекрасный, Мудрый, Возлюбленный, Бог богов, Господь господ, Святая Святых, Вечный, Причина веков, Податель Жизни, Премудрость, Ум, Слово, Сведущий, Обладающий заранее всеми сокровищами всякого знания, Сила, Властелин, Царь царствующих, Нестареющий и Неизменный, Спасение, Освящение, Избавление и др.

«Таким образом, ко всеобщей все превышающей Причине подходит и анонимность, и все имена сущего как к настоящей Царице всего, от Которой все зависит и Которой все принадлежит как Причине, как Началу, как Завершению. В соответствии с Речением, Она является “всем во всем”, и Она по праву воспевается как Основа всего, все начинающая, доводящая до совершенства и сохраняющая, защита всего и очаг, к Себе все привлекающая и делающая это объединение, неудержимо и запредельно» [Там же].

Думается, излишне специально подчеркивать, что каждое из названных выше Божественных имен, равно как и множество других, нуждается в специальных усилиях понимания.

Личное понимание как сверхзадача лингвогерменевтического изучающего чтения православной литературы

Говоря о понимании и истолковании православных текстов, принципиально важно различать два смежных, но существенно разных аспекта этой проблемы: с одной стороны, *академическое истолкование ученого* (богослова, филолога, философа), нацеленное на *научные* или *миссионерские* задачи, с другой – *личное понимание* какого либо слова или понятия, нацеленное на *личное богообщение*. Особенно существенно это различие, если речь идет о *личном понимании* «рядового верующего», да еще только встающего на путь освоения церковнославянского языка, пусть даже в его «самой легкой» современной форме, в современной русской графике и в близких к современным орфографии и пунктуации.

Эти два разных понимания, разумеется, должны сходиться в главном – в некоем «семантическом ядре», но личное понимание неизбежно имеет личностную окраску, вне которой – именно как *понимание*, как «*по-име-ни-е* внутри *собственного* ума», – реализоваться и существовать не может. У каждого своя уникальная ассоциатив-

но-вербальная сеть (лично-специфические тезаурус, семантикон и прагматикон [15], определенным образом упорядоченные), и «понимание», с этой точки зрения, не что иное, как «встраивание» нового для человека слова с его значениями в уже имеющуюся личную ассоциативно-вербальную сеть, наборы связей внутри которой образуют индивидуально-специфические смыслы – впрочем, пересекающиеся с аналогичными наборами связей и смыслов у людей, ментально ориентированных аналогичным образом.

Научное истолкование / понимание даже одного-единственного слова или морфосемантической группы однокоренных слов, выступающих в качестве ключевых в христианской литературе, может служить предметом многовековых дискуссий, многочисленных богословских и филологических диссертаций (см., например, фундаментальный дореволюционный труд кн. С.Н. Трубецкого о Логосе [35] и современную богословскую диссертацию о слове *слово* (λόγος) [10], филологическую диссертацию о словах с корнем *благ-* [22]). Путь к личному пониманию тоже не может совершиться одномоментно, он требует серьезного труда.

Для «русскоязычного» православного с родным языком русским в основе пути к пониманию церковнославянских слов и выражений в их сакральных значениях и смыслах – сопоставление церковнославянских слов с паронимичными им секулярными русскими. Если такую задачу специально не ставить, то неизбежно и бессознательно будет возникать смешение – *интерференция* языков: секулярного русского и сакрального «русско-церковнославянского», – причем «страдающей стороной» неизбежно окажется церковнославянский (особенно в его русифицированном, «осовремененном» варианте), поскольку любой «русофон» – носитель русского языка – в восприятии близкородственного языкового материала неизбежно опирается на те наличные в его языковом сознании ассоциативно-вербальные сети, которые обеспечивают его повседневную жизнь в секулярной социальной среде.

Учителя, занимающиеся практическим преподаванием церковнославянского языка, справедливо отмечают: «Исходя из тесных связей церковнославянского и русского языка, основным способом по-

стижения смысла церковнославянских слов является сравнение с русскими словами» [19]; «В методическом отношении преподавание церковнославянского языка основывается на принципе **соотнесённости / несоотнесённости** орфографии, грамматики, синтаксиса и лексики этого языка с аналогичными понятиями и структурами современного русского литературного языка, который изучается в общеобразовательной школе в наиболее полном объеме» [6]; «Сопоставительный анализ текстов на русском и церковнославянском языке, лексическая работа, составление личного словаря, самостоятельный перевод некоторых известных текстов – те виды деятельности, которые позволяют активизировать процесс изучения церковнославянского языка в воскресной школе и облегчить понимание богослужебных текстов» [13, с. 135] и т. п.

Еще несколько замечаний о сакральности и секулярности применительно к языку и целям его использования.

Сакральное: православное *богоданное предание*, прикровенно явленное в церковнославянском языке и смежном с ним современном русско-церковнославянском *православном дискурсе*.

Секулярное: сугубо человеческая *культурная*, то есть (вспомним: лат. *cultura* – от *colere* ‘обрабатывать, возделывать (поначалу – землю); разводить, возвращать’) *возвращенная людьми традиция*, носитель которой – русский язык в его секулярной форме.

С исторической точки зрения, семена «чисто человеческой» культурной традиции – Небесные, в религии, но эта связь с развитием цивилизации, к сожалению, чем далее, тем более утрачивается, хотя совершенно потерять «память о Небесном» национальный язык *в его полноте* не может, – но мы осознаем это лишь при условии учета в размышлениях о земном и небесном в языке, что существуют самые разные «подъязыки», в том числе церковнославянский как базовое лингвоконцептуальное средство в рамках православного дискурса, в русской религиозной философии и в современной православной литературе «духовного реализма» [5], что необходимо особое учебное и научное внимание к семантической многослойности паронимичных «общеупотребительных» лексем (типа *благодать, вера, любовь, спасение*), и т. п. Следовало бы помнить: секулярный, привычный нам всем

повседневный русский – тоже в определенном смысле покров, языковое **прикрытие**, ненамеренное сокрытие современными значениями глубинных сакральных смыслов; в отличие от секулярного русского, церковнославянский специально предназначен для выражения сакральных значений и смыслов.

Проникновение в сокровенные смыслы – дело исключительной сложности. Евангельская аналогия. Христос сообщает своим ученикам о казни, которая ждет «Сына Человеческого» совсем скоро. «...Он сказал ученикам Своим: вложите вы себе в уши слова сии: Сын Человеческий будет предан в руки человеческие. Но они не поняли слова сего, и оно было закрыто от них, так что они не постигли его, а спросить Его о сем слове боялись» (Лк 9: 43–45). И должны были произойти Распятие и Воскресение, чтобы ученики вспомнили эти слова и поняли их смысл...

Если следовать православной гносеологии, как она изложена в творениях Отцов Церкви (краткое изложение см., например: [12, с. 347–366]), и различать **три вѣдения: телесное, душевное и духовное**, – то следует вывод: секулярный язык специально предназначен для содействия человеку в движении от телесного к душевному вѣдению (соединение человека с человеком и движение человека к Богу), сакральный – от душевного к духовному вѣдению (движение по пути обожения, к соединению человека с Богом, что в полной мере достижимо лишь в святости, которую являет опыт Отцов Церкви).

Какие тексты молитвословий целесообразно осваивать именно в режиме **изучающего чтения**, в целях и способами лингвогерменевтически сознательного вхождения в мир церковнославянского языка как мир особый – сакральный?

Много разных пособий по церковнославянскому языку – и старых, а сейчас и новых. Хотим обратить внимание на пособие М. Ю. Кравцовой [16] – как особенно, на наш взгляд, в рассматриваемом отношении удачное – по следующим причинам.

Первое. Пособие адресовано, как свидетельствует аннотация, «учащимся светских и духовных учебных заведений, а также тем, кто желает изучать церковнославянский язык самостоятельно» [Там же, с. 2], то есть адресовано, во-первых, самому широкому кругу тех,

кто **начинает изучать** церковнославянский язык, а значит, последовательно – через язык, специально предназначенный для богообщения, – **начинает погружаться** в опирающееся на святоотеческую традицию личностное осмысление молитвословных текстов.

Второе. В пособии есть тексты основных молитв – но, что очень важно для обучения, а также самообразования и саморазвития: 1) с краткими грамматическими комментариями и лексикографическими справками; 2) в трудных случаях представлен перевод молитв на современный русский; 3) приводятся разъяснения на современном русско-церковнославянском языке – опять-таки с лексикографическими справками, полезными для понимания этих разъяснений.

Следовательно, есть первично откомментированный текстовый материал для дальнейших лингвогерменевтических усилий на основе самостоятельного вникновения в этимологию и/или синхронную морфемно-словообразовательную и лексико-семантическую внутреннюю форму ключевых слов.

Два примера возможных дальнейших размышлений над текстами молитвословий – один сравнительно простой, другой посложнее.

Первый пример.

В славословии Пресвятой Троице («Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу, и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь») есть наречие **присно**.

Это наречие, как и прилагательное **присный**, от которого оно образовано, важно в том числе и потому, что в различных словарях церковнославянского и секулярного русского языков толкуется с некоторыми различиями, иногда вплоть до острой паронимии – семантической и стилистической, ср.:

1. В наиболее авторитетных словарях современного секулярного русского литературного языка: «**Присно**... (стар. высок.). Всегда, во веки веков»; «**Присные** (книжн. ирон). Приспешники, единомышленники. *Преследователи инакомыслия и их присные*» [34, с. 739], – со странным «несхождением» значений этих двух однокоренных слов и принципиально разной стилистической окраской; «**Присно**... *Церк.* Всегда» [21, с. 990], прил. **присный** не представлено; из сложных слов в обоих цитированных словарях представлено только прил. *присно-памятный* в значении «памятный, незабываемый».

2. В ныне общедоступных, хотя впервые изданных еще до 1917 г. словарях церковнославянского языка: «**Присно** = всегда, непрестанно, непрерывно», «**Присный** = родственный, ближний...» [9, с. 500, 501]; «**Присно**... всегда, непрестанно», «**Присный**... родной, всегда близкий, истинный, неизменный» [36, с. 250, 251].

Кроме того, *присно...* как компонент сложений встречается во множестве производных церковнославянских слов, требующих ясного понимания их значений – как складывающихся из значений составляющих их компонентов, например: *присноблагодословенная, присноблаженный, Приснодева, присножелаемый, присноживотие, присноживый, присножизненный, приснопамятный, приснопребывающий, приснорадованная, присносущество, присносущный, приснохвальный* и др. В производных словах компонент *присно...* выступает в значении, синонимичном совр. рус. *вечно* – от прил. *вечный*: «Бесконечный во времени, не имеющий ни начала ни конца» [21, с. 123]. Таким образом, сакральный компонент *присно...*, как и наречие *присно*, рискуют оказаться понимаемыми только в скудной секулярной «школьной» логике «то, что не имеет начала и конца».

Указав на ряд спорных этимологий прилагательного *присный*, А.А. Кретов предложил изящное толкование той из них, которая представляется наиболее близкой к исконному сакральному смыслу данного прилагательного, – от ст.-сл. *приснети* ‘прийти, настать’:

«В таком случае исходное значение прилагательного *присный* ‘наставший, теперешний, настоящий’. Тем самым мы получаем образ вечности как ‘непреходящего настоящего’.

Если учесть, что одним из слов, обозначающих вечность в древнерусском языке, было слово *безначалие*, то представление о вечности как о чем-то не имеющем ограничений, вечно присущем, пришедшем и непреходящем, т.е. *присно сущем*, представляется вполне правдоподобным. Тем самым формула ‘*И ныне, и присно, и во веки веков*’ наполняется новым смыслом: *присно* как ‘непреходящее *ныне*’ = ‘вечное настоящее’. *Присно* оказывается словом-медиатором между *ныне* (‘сейчас’) и *во веки веков* = вечно (‘всегда’). Эфемерное настоящее оказывается не противопоставлено вечному, а соприсуще ему, включено в вечность через утверждение его непреходящести и неизбежности.

Тем самым формула оказывается семантически единой и построенной по принципу нарастания эксплицитности выражения идеи – принцип, характерный для сакральных формул...» [17, с. 225–226].

Объяснить «как-то лучше» мы не беремся.

Второй пример.

Ряд многозначных родственных слов: *исповéдовать* / *исповéдать* → *исповéдоваться* / *исповéдаться*, *исповéдание*, *исповедь*; далее *исповедь* как *покаяние*, *исповедание веры* как сердечное и осмысленное провозглашение «Верую...».

Современный Словообразовательный словарь: исходное, хотя членимое, но непроизводное слово гнезда – гл. *исповедовать* (налицо опрощение, утрата актуальной синхронной связи с корневым глаголом *ведать*). Основные производные в словообразовательных парах и цепочках: *исповедовать* (несов.) / *исповедать* (сов.) → *исповедание* (далее *вероисповедание*), *исповедь*; *исповедовать* (перех.) → *исповедоваться* (неперех.) [32, т. 1, с. 399].

Академический толковый словарь предлагает рассматривать семантические отношения внутри этого гнезда иначе, толкования строятся через сущ. *исповедь* как исходное [21, с. 401]:

«**Исповедь...** **1.** Обряд покаяния в грехах перед священником и получение от него отпущения грехов. **2.** Откровенное признание в чём-либо; откровенное и чистосердечное изложение чего-либо».

«**Исповéдовать...** *св. и нсв. кого-что.* **1.** Подвергнуть – подвергать исповеди, выслушать – выслушивать покаяние в грехах на исповеди. *Исповедь в церкви.* <...> **2.** Покаяться – каяться в своих грехах на исповеди. <...> **3.** *только нсв.* Открыто следовать какой-либо религии, учению, убеждению. *Исповедовать православие, ислам, католичество*».

«**Исповéдоваться...** **1.** Покаяться – каяться на исповеди, побыть – быть на исповеди. *Прийти в церковь, чтобы исповедоваться.* **2.** Чистосердечно признаться – признаваться в чём-либо; рассказать – рассказывать о себе что-либо хранимое в тайне. *Излить душу и исповедоваться во всём*».

Глагол *исповéдать* трактуется как разговорный вариант сов. вида от двувидового глагола *исповедовать* в 1 и 2 значениях, примеры: *исповедать* (кого) *в грехах*, *исповедать грех* (кому) *священнику*.

Сущ. **исповѣдание** трактуется в 1-м значении как синтаксический дериват от *исповедовать / исповедать* (лексическое значение производного существительного тождественно значению исходного глагола), 2-е значение помечено как «книжное», ср.: «**Исповѣдание...1.** к Исповедать. **2.** Книжн. Религия, вероисповедание. *Православное исповедание*».

Вопрос: что следует считать семантически и словообразовательно **исходным** – *исповедовать* или *исповедь*? Верить словообразовательному или толковому словарю? Экзистенциальный, «жизнелюбивый / жизненно значимый» смысл этого вопроса: *Что сначала?* Неужто, в логике приведенных секулярных толкований, «сначала» *исповедь* – как церковный «обряд», то есть как *исповедание* в предложенных словарем толкованиях «подвергнуть – подвергать исповеди» / «побывать – быть на исповеди»?

Разумеется, «экзистенциально», в плане «построения бытия, существования», такого порядка не может быть, просто словарные толкования в таком виде, как они предложены, более компактны, удобны для прочтения, хотя от строения внутренней религиозной жизни они оказываются удаленными.

Действительное «начало» пути к *исповеди* как церковному «обряду» – в свободном сердечном приятии и осознанном словесном признании веры – то есть в **исповедании** веры в каком-то таком значении слова *исповедание*, которое в секулярном толковом словаре ясно не просматривается.

Это именно то значение глагола *исповедовать* (и, соответственно, его синтаксического деривата *исповедание*), которое является ключевым в статье 28 Конституции Российской Федерации, декларирующей право на «свободу совести»: «Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними».

Как видим, в тексте Конституции использован глагол **исповедовать** в очевидном значении «открыто признавать свою принадлежность какой-либо религии».

Глагол *исповедовать* в значении «открыто признавать свою принадлежность какой-либо религии» фиксирует личный **внутренний** выбор, **внутреннюю позицию** человека, которая является основанием последующих «внешних» поступков, в том числе его участия в таинствах Церкви, включая Покаяние (исповедь).

Семантическая структура базового глагола *исповѣдати* в церковнославянском прочтении иная: первичное значение – «прославление» (Господа), и уже только вторичное – «открытое признание, свидетельство» (о Господе) [29, с. 148].

Можно прочесть и так: открытое живое *свидетельство* о Господе – основывающееся на Его искреннем сердечном *вѣдении* и *прославлении*.

В других церковнославянских словарях:

Исповѣдати: «...открыто возвещать хвалу, воздавать славу, хвалить, славить. *Исповедайте* (славьте) *память святыни Его* (Пс. 96, 12)». И далее на основе толкования фрагментов Псалтири – разъяснение (несмотря на общую словарную установку к наивозможной краткости), к чему ведет *исповедание*, отождествляющееся с *набожностью*: «*Благо есть исповедатися Господеви* (Пс. 91, 2) – хорошо прославлять Господа. *Яко помышление человеческое исповестся Тебе: и останок помышления празднует Ти* (Пс. 75, 11) – посему набожность человека прославит Тебя и даже последние между набожными будут праздновать Тебе, т.е. когда всякий греховный помысел человека исповедуется Господу, тогда последние помышления (при старости и на конце жизни) будут праздновать Тебе, т.е. совесть их будет покойна, как в праздник, когда люди успокаиваются от работ». *Исповѣдание* толкуется очень кратко: «открытое признание» – в силу, видимо, presupпозитивной (подразумеваемой) ясности (из глагола *исповѣдати*), что именно признается [36, с. 121–122].

Показательно, что в Словаре Г. Дьяченко личностно-интимный смысл, связанный с использованием глагола *исповедовать* / *исповедоваться*, подчеркнут тем, что в качестве заголовочной единицы использована форма первого лица ед. числа, хотя, как правило, это словарь в качестве инициальной дает форму инфинитива: *исповѣдаюся* «= духовнику объявляю грехи свои» [9, с. 228].

В толковании сущ. *исповедь* специально подчеркивается, что это лишь **видимая** часть покаяния: «**Исповедь**. Так называется видимая, обрядовая часть таинства покаяния, состоящая в том, что христианин пред своим духовником, как уполномоченным свидетелем Сына Божия, единого имеющего власть отпущать грехи, с сердечным сокрушением и решимостью впредь исправиться, рассказывает свои согрешения и содеянные неправды» [Там же].

Так мы приходим к вопросу о том, в чем заключается **незримая, невидимая** «часть покаяния», предшествующая и затем сопровождающая **видимую** часть, то есть покаяние уже на собственно исповеди как обрядовом действе.

Двигаться к лингвогерменевтическому ответу на этот вопрос можно двумя основными путями: вникая во внутреннюю форму и смыслы (1) слова *покаяние*, (2) слова *исповедь*.

В рамках заявленной нами темы сосредоточимся на втором, а именно – на дальнейшей актуализации внутренней формы слов, составляющих словообразовательную пару *исповѣдовать / исповѣдать* → *исповедь*, уже как формы этимологической, но хорошо просматривающейся в явном синхронном морфемном членении, ср.: *ис-по-вед-ова-ть, ис-по-вед-ѡ*. Поскольку нулевое окончание (ѡ) и нулевой суффикс (ѡ) для нас в данном случае интереса не представляют, сосредоточимся на остальном.

Реконструируемая словообразовательная цепочка:

вѣдать* → *повѣдать* → *исповѣдовать / исповѣдать

Семантическая основа глагола ***вѣдать*** в секулярных и церковнославянских словарях одинаково трактуется как «знать», в секулярных – с пометой «книжн. и трад.-нар.». В более полной характеристике семантического ядра: ***вѣдать*** – «знать что-л. о чем-л.»; «ощущать», «переживать что-л.»; «управлять» (откуда *завѣдовать*) [38, т. 1, с. 137]. Дерево значений побуждает заключить, что если *вѣдение* сводить к «знанию», то следует иметь в виду, что это «знание» особого рода, в котором соединяются все основные компоненты «я»: сенсорный (ощущать, воспринимать), рациональный (знать, понимать), прагматический (делать).

Повѣдать. В соответствии с данными академической Русской грамматики, преф. ***по-*** в сочетании с мотивирующими глаголами реа-

лизует значение «совершить (довести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом»: *поблагодарить* ‘совершить действие по глаголу *благодарить*’, *построить* ‘довести до результата действие по глаголу *строить*’...» [28, с. 367]. Однако в случае глагола *поведать* усматривается фразеологизация семантики производного – «приращение» дополнительных смыслов, а именно: наложение чистовидового общерезультативного значения и мутационного значения передачи чего-либо (каких-либо сведений) кому-либо («перемещение информации»), что явственно в лексическом толковании: «Сообщить, рассказать (обычно неторопливо, подробно). *Поведать историю своей жизни. Поведать всё без утайки*» [21, с. 851].

Отсюда адресат как необходимая семантико-синтаксическая валентность: *поведать* – кому. В словообразовательном толковании, актуализирующем внутреннюю форму: *поведать* – «сообщить, передать (кому-либо) *ведомое* (знаемое)». Аналогичная актуализация в лексическом толковании: «**Поведывать**, несов. (сов. *поведать*), что, о чем и с прид. доп. Употр. преим. в сов. Сообщать (сообщить) кому-л. что-л. тайное, сокровенное, испытывая к кому-л. доверие; *син.* поверять, повествовать, рассказывать...» [33, с. 361]. О субъекте как опорной семантико-синтаксической валентности: «Также глагол **поведать** <...> включает указание на то, что источником знания является сам субъект, т. к. поведать можно именно о чем-то пережитом или воспринятом лично. Поэтому типичными являются такие сочетания, как *поведать историю своей жизни* <...> *поведать о своих приключениях*...» [39, с. 1105].

Исповедать и **изведать**. Формально префикс *из-* (орфогр. *ис-*) присоединяется к приставочному *поведать*, то есть на следующей ступени. Однако целесообразно усмотреть и чересступенчатую морфосемантическую мотивацию двупроставочного глагола *исповедать* – непосредственно от *ведать*, с акцентировкой префиксальной семантики *из-*, наиболее явственно просматривающейся (если опустить предлежащую ей приставку *по-*) в глаголе **изведать**.

По академической Русской грамматике, префикс *из-* в сочетании с мотивирующими глаголами реализует значение «удалить(ся) из чего-н. с помощью действия, названного мотивирующим глаголом»: *из-*

знать 'гоня, удалить', *излить*, *иссечь*, *истечь*» [28, с. 361]. Лексическая семантика глагола **изведать**, однако, позволяет говорить, что налицо морфосемантическое приращение смыслов 'извлекать / добывать': 'добыть знание / опыт (с трудом, особыми усилиями)', ср. у Даля: «**Изведывать, изведать** что, узнавать, дознавать, **-ся**, визнавать, доходить, доискиваться; испытывать, познавать наделе. *Не изведывай будущего.* <...> *Не изведав горя, не узнаешь радости*» [7, т. 2, с. 16–17]; в современном словаре: «**Изведать**... Узнать на собственном опыте; испытать. *Изведать тяжесть непосильного труда, цену обещаний*» [21, с. 377].

Выводы.

Из-вед-ывание некоторым образом предлежит *ис-по-вед-ыванию*, но совершается и совершенствуется вместе с ним – в знании и понимании. Порядок следования: *познать, понять* («поиметь / иметь знание внутри себя»), *изведать* и найти хотя бы некоторое, хотя бы в каком-то отношении *понимание*, «поимение», обретение себя в себе – и только потом, когда есть что́ сказать, когда есть некоторое *понимание* себя, «поимение себя в себе» – *поведать* о себе, «изнутри себя», то есть *ис-по-вед-ать*.

Ис-по-вед-ать можно лишь то, что *из-вед-ано*, то есть опытным образом и/или внутренним зрением узнано, прочувствовано и прожито. *Исповедание* (< *исповедать*) носит двояконаправленный характер: 1) *поведать* можно лишь *изведенное*, 2) в *исповеданном*, в *сказанном, поведанном* о себе, из глубины себя человек идет по пути к обретению последовательно углубляющегося *вѣдения* о себе.

Обретаемое *вѣдение* всегда ограничено, почему и в покаянной молитве – прошение об оставлении прегрешений, совершенных в *вѣдени* и *не в вѣдени*...

Вместо заключения

Центр интереса данной статьи – понимание сакрально-религиозных значений и смыслов церковнославянизмов посредством реэтимологизации и актуализации их морфосемантической и лексико-семантической внутренней формы.

Важно, что эти значения и смыслы преимущественно относятся к сфере **понимаемого, но невыразимого**. Слова оказываются лишь блед-

ным отблеском глубинных смыслов, «внутренних слов» как особого рода мыслей, соприкасающихся со сферой боговидения, боговедения, богомыслия.

Состояние такого понимания удачно выразил В.В. Розанов (1856–1919) в своем раннем философском трактате «О понимании» (1886): «Когда я понимаю, я не имею отношения ни к людям, ни к жизни их; я стою перед одною моею природою и перед Творцом моим; и моя воля лежит в воле Его. В это время Его одного знаю и Ему одному повинуюсь; и все, что становится между мною и между Творцом моим, восстает против меня и против Творца моего» [27, с. 586].

В патристической традиции, восходящей к блаженному Августину (354–430): чтобы понимать Священное Писание, надо в него верить, а чтобы верить, надо его понимать. Подробнее: «...**мы учимся не внешними звучащими словами, а внутренне звучащей истиной.** <...> ...познание слов приобретает уже после того, как познаются предметы...» [1, с. 274].

Русский православный богослов Иван Васильевич Попов (1867–1938), причисленный к лику святых в числе других новомучеников и исповедников Церкви Русской, в своем фундаментальном труде о личности и учении блаженного Августина (1916) разъяснял понятие внутреннего слова у Августина следующим образом: «Внутреннее слово есть мысль о предмете, которая находит для себя выражение в том или другом звуке. Оно не относится ни к какому определенному языку, но одинаково у всех народов. Так проповедник, готовясь к беседе со своей паствой, обдумывает предмет поучения. Вся совокупность понятий, которые он предполагает выяснить, есть его внутреннее слово. <...> Однако не всякое представление или понятие есть внутреннее слово, но только такое, которое находится в центре сознания и, в данный момент занимая мышление, может быть высказано в произносимом слове. <...> Внутренним словом называется мысль в ее актуальном состоянии...» [24, с. 459–460].

Круговращение понимания. В современном философском прочтении герменевтический круг – «это процесс бесконечного, “циклического” уточнения смыслов и значений, “самонахождение думающего духа” (Ф. Шлейермахер), движение в рамках оппозиций. Наиболее

распространенные случаи: для понимания целого необходимо понять его части, но для понимания частей необходимо иметь представление о целом...» [40, с. 146]. Перефразируя к *сакрально-религиозному*, можно сказать: чтобы понимать священное, надо иметь веру, а чтобы верить, надо понимать.

Специфика «круговращения понимания» применительно к церковнославянизмам – в непрерывном «челночном» движении: от секулярного (поверхностного) и сакральному (глубинному), от «нового», явленного в современном словоупотреблении, к «старому», к древней традиции. И так – снова и снова.

Константин Петрович Победоносцев (1827–1907), член Государственного совета и обер-прокурор Святейшего Синода в 1880–1905 гг., выдающийся российский государственный деятель и мыслитель, пронизательно характеризовавший те «болезни времени», которые на рубеже XIX и XX веков просматривались еще только в первых своих симптомах, а в трагической полноте развиваются лишь сейчас, в статью «Духовная жизнь» (в составе книги «Московский сборник», первое издание 1896 года) включил небольшой (видимо, его собственный) поэтический цикл «Старые листья», где, в частности, читаем [23, с. 477]:

Не быть творцом, когда тебя ведёт
К прошедшему одно лишь гордое презренье.
Дух создал старое: лишь в старом он найдёт
Основу твёрдую для нового творенья.

Век будут истинны – пророки и закон,
В черте единой – вечный смысл таится,
И в новой истине лишь то должно открыться,
В чём был издрёвле смысл глубокий заключён.

Отцы Церкви учат: нужно различать ведение словес о Боге и ведение самого Бога. Филологическая герменевтика, разумеется, не может привести посредством изучающего чтения молитвословий к ведению самого Бога и ни в коем случае такой задачи перед собой

не ставит. Лингвогерменевтическое чтение – лишь средство в ряду других средств, основание которых – личный молитвенный опыт и помощь духовных наставников, но главное – содействие Самого Бога, ибо без Его зова и помощи ведение никому не дается. Только Сам Бог может сообщить знание о Себе, но только подготовленному уму и исцеленному молитвой сердцу.

Однако сказано: «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят» (Мф 7: 7–8), в церковнославянском афористическом чтении: *ищите, и обрящете: тольцйте, и отверзет-ся вам*. Господь приходит только к тем, кто Его призывает, осознанно и сердечно.

Список литературы

1. Августин Блаженный. Об истинной религии. Теологический трактат. Минск: Харвест, 2011. 1280 с.
2. Алексеев П. Церковный словарь, или истолкование Славенских, также маловразумительных древних и иноязычных речений, положенных без перевода в Священном Писании, и содержащихся в других церковных и духовных книгах... : В 5 т. СПб.: Тип. И. Глазунова, 1817–1819.
3. Архиепископ Антоний (Голынский-Михайловский). О молитве Иисусовой // Новиков Н. М. Молитва Иисусова. Опыт двух тысячелетий. Учение святых отцов и подвижников благочестия от древности до наших дней: Обзор аскетической литературы: В 4 т. Т. 1. М.: Отчий дом, 2004. С. 238–310.
4. Биbihин В. В. Благо // Этика: Энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2001. С. 41–42.
5. Волков В. В., Волкова Н. В. «Ренессанс русской литературы»: национальный менталитет и литература духовного реализма в преподавании русской словесности // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2017. № 3. С. 147–157.
6. Глебова О. Д. Актуальность изучения церковнославянского языка в современной школе [Электронный ресурс] // Pedsovet.su.

- Сообщество взаимопомощи учителей. URL: <http://pedsovet.su/publ/164-1-0-2211> (дата обращения: 08.09.2019).
7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Рус. яз., 1999.
 8. Дионисий Ареопagit, св. О божественных именах [Электронный ресурс] // Азбука веры. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Dionisij_Areopagit/o-bozhestvennykh-imenakh/ (дата обращения: 07.09.2019).
 9. Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. М.: Изд. отдел Моск. патриархата, 1993. 1120 с.
 10. Дьяченко Г. В. Антропологические, гносеологические и лингвистические аспекты категории слова (λόγος) в богословской системе святителя Григория Нисского: автореф.: дис. ... канд. богословия / Г. В. Дьяченко; Православный Свято-Тихоновский гум. ун-т. М., 2017. 24 с.
 11. Иеромонах Роман (Магюшин-Правдин). Созвездие Креста: Стихотворения. СПб.: Пальмира: Книга по требованию, 2017. 236 с.
 12. Иерофей (Влахос), митрополит. Православная психотерапия: Святоотеческий курс врачевания души. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2009. 368 с.
 13. Ицкович Т. В. Церковнославянский язык в воскресной школе // Педагогическое образование в России. 2014. № 2. С. 133–137.
 14. Каледа Г., прот. Домашняя церковь: Очерки духовно-нравственных основ созидания и построения семьи в современных условиях. М.: Изд-во Зачатьевского монастыря, 2001. 282 с.
 15. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.
 16. Кравцова М. Ю. Церковнославянский язык: Учеб. пособие. М.: Этносфера, 2016. 240 с.
 17. Кретов А. А. Славянские этимологии: монография. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2009. 364 с.
 18. Кураев А., диакон. Почему православные такие?.. М.: Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2006. 528 с.

19. Кусмауль С.М. Восприятие лексики церковнославянского языка и методика ее изучения в православной школе [Электронный ресурс] // Русский книжник – 2007. СПб, 2007. С. 46–59. URL: <http://paerok.narod.ru/rk/2007.htm>.
20. Монтень М. Опыты: в 3 кн. Кн. 1. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2009. 464 с.
21. Новейший большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт; М.: РИПОЛ классик, 2008. 1536 с.
22. Плахова А.А. Слова с корнем *благ-* в церковнославянском и современном русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А.А. Плахова; Московский гос. обл. ун-т. М., 2009. 25 с.
23. Победоносцев К.П. Государство и Церковь: В 2 т. Т. 2. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2011. 624 с.
24. Попов И.В. Труды по патрологии. Т. 2. Личность и учение блаженного Августина / Свято-Троицкая Сергиева Лавра; Московская духовная академия. Сергиев Посад, 2005. 776 с.
25. Пятаева Н.В. Генетическая парадигма «*Давать // дать → брать → взять → иметь → нести → давать*» в истории русского языка: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Н.В. Пятаева; Башкирский гос. ун-т. Уфа, 2007. 49 с.
26. Речник црквенословенскога језика / Извр. С. Петковић. Сремски Карловци, 1935. 352 с.
27. Розанов В.В. О Понимании: Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания. М.: Ин-т философии, теологии и истории Святого Фомы, 2006. 640 с.
28. Русская грамматика: в 2 т. / гл. ред. Н.Ю. Шведова. Т. 1. М.: Наука, 1980. 783 с.
29. Седакова О.А. Словарь трудных слов из богослужения: Церковнославяно-русские паронимы. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2008. 432 с.
30. Складаревская Г.Н. Словарь православной церковной культуры. М.: Астрель: АСТ, 2008. 447 с.

31. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2001. 990 с.
32. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. М.: Рус. яз., 1985.
33. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-Пресс, 1999. 704 с.
34. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2008. 1175 с.
35. Трубецкой С. Н., кн. Учение о Логосе в его истории: философско-историческое исследование / Императорский Московский университет. М.: Тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, 1900. 462 с.
36. Церковнославянский словарь: для толкового чтения св. Евангелия, часослова, псалтири и других богослужебных книг / Сост. прот. А. Свирелин. М.: Даръ, 2016. 384 с.
37. Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка. К.: Радянська школа, 1989. 511 с.
38. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Рус. яз., 2001.
39. Шарипова В. А. Русские и английские глаголы сферы «Говорить» со значением передачи информации, отражающие одну из основных функций языка // Вестник Башкирского университета. 2011. Т. 16. № 3(1). С. 1101–1105.
40. Энциклопедия эпистемологии и философии науки / гл. ред. и сост. И. Т. Касавин. М.: Канон+; Реабилитация, 2009. 1248 с.

О ПРИЧИНАХ УМЕНЬШЕНИЯ ОБЪЕМОВ РЕКЛАМЫ В ОТДЕЛЬНЫХ ВИДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СМИ

А. А. Антонов-Овсенко,
Е. М. Шитикова

В статье проанализированы причины тренда на передислокацию рекламных бюджетов со страниц российских печатных СМИ и из телевизионного эфира на страницы Интернета. Сделан вывод о низком содержательном качестве информационного продукта, формируемого в печатных СМИ и в телевизионном эфире, что последовательно приводит к оттоку читательского и зрительского интереса и, как следствие, – к оттоку интереса потенциальных рекламодателей.

Ключевые слова: реклама, печать, телевидение, Интернет.

Ранее мы уже сообщали о том, что уменьшение объемов рекламы, размещаемой на страницах печатных изданий России, оформилось к 2018 г. в устойчивый тренд [1]: реклама со страниц печатных изданий перемещалась и продолжает перемещаться в Интернет. Однако в целом объем российского рынка рекламы, невзирая на негативные тенденции в экономике, последовательно увеличивается. Так, по данным Ассоциации коммуникационных агентств России (АКАР), суммарный объем рекламы в средствах ее распространения в 2017 г. составил 417 млрд. руб. (за вычетом НДС), что оказалось на 14 % больше, чем годом ранее [Там же]. В 2018 г., согласно данным АКАР, суммарный объем рекламы в средствах ее распространения (за вычетом НДС) составил почти **469 млрд. руб.**, что оказалось на **12 %** больше, нежели годом ранее [4]. В первом квартале 2019 г. суммарный объем рекламных бюджетов в средствах распространения (за вычетом НДС) составил около 111 млрд. руб., что оказалось на 4 % больше, чем за аналогичный период предыдущего года [5]. То есть в целом объем рынка рекламы продолжает увеличиваться. Однако совершенно иная картина по доходам от размещения

рекламы наблюдается в отдельных видах СМИ. Так, если устойчивый тренд на снижение объемов рекламы, размещаемой на страницах отечественной печати, уже давно не вызывает удивления экспертов, неприятной новостью для профессионального сообщества стали итоги первого квартала 2019 г. и тенденции, зафиксированные в его втором полугодии. Оказалось, что впервые за прошедшие четыре года сократился объем рекламы, размещаемой в телевизионном эфире. По данным АКАР, расходы компаний на рекламу в телевизионном эфире в первом квартале 2019 г. сократились на 6 % до 41,5–42 млрд. руб. (табл. 1).

Таблица 1

Рынок рекламы России в I квартале 2019 г. [Там же]

Сегменты	Январь-март 2019 г., млрд. руб.	Динамика, %
Телевидение	41.5–42.0	–6
в т.ч. основные каналы	39.9–40.4	–6
нишевые каналы	1.58	3
Радио	3.3–3.5	–5
Пресса	3.4–3.6	–12
в т.ч. газеты	1.3–1.4	–18
журналы	2.1–2.2	–7
Out of Home	10.8–11.0	3
в т.ч. наружная реклама	8.9–9.1	2
Интернет	51.0–51.5	18
ИТОГО	110.5–111.5	4

Эта тенденция – на снижение объемов рекламы, размещаемой в отечественном телеэфире – продолжилась и во втором квартале 2019 г. «Компании все быстрее сокращают затраты на продвижение в эфире, – отмечали наблюдатели в августе 2019 г., – во II квартале

рынок ТВ-рекламы упал сильнее, чем в начале года... В июне рынок упал по сравнению с тем же месяцем 2018 г. почти на 19 %... В целом за первые шесть месяцев этого года рынок сократился на 9–10 %» [2].

В качестве основной причины такой передислокации рекламных бюджетов из одних видов носителей в другие в последнее время принято называть Интернет. Действительно, по итогам 2018 г. объем рекламы, размещаемой в Интернете (в том числе в онлайн-СМИ), показал рост в 22 % (в сравнении с 2017 г.) – в то время как объем рекламы на отечественном телевидении вырос на 9 %, а в печати уменьшился на 12 %. Но не только само существование Интернета как более привлекательного носителя влияет на серьезное перераспределение рекламных бюджетов.

Во-первых, по данным аналитической компании *Mediascope*, «в день в интернет заходит в среднем 75 % жителей крупных городов России, телевизор же смотрит в среднем 70,4 % горожан... Получается, по суточному охвату аудитории интернет в России уже обошел ТВ... Молодые люди уже чаще пользуются интернетом, чем включают телевизор, и только зрители старше 45 лет остаются верны телеэфир» [Там же]. Кроме того, как полагают эксперты, телеканалы теряют бюджеты на трансляцию рекламы в эфире из-за увеличения расценок: «Три года назад НРА (Национальный рекламный альянс, контролирует 90 % рекламы в стране. – А. А.–О., Е. Ш.) объявил, что ролики в эфире недооценены, и их стоимость будет расти минимум на 10 % в год» [Там же].

Однако если повышение расценок на рекламу в телеэфире можно считать одной из причин передислокации рекламных бюджетов, то сосредоточенное на Интернете внимание молодых людей является скорее следствием, а причина заключается в другом. И если вернуться к рассмотрению причин спада поступлений доходов от рекламы в отечественных печатных СМИ, то здесь, как отмечают профессионалы рекламного рынка, действуют сразу несколько факторов. Во-первых, как считает директор по маркетингу проекта «Телнеделя» Мария Горохова, «первая основная проблема, продик-

тованная внешними факторами, – ограниченная доступность печатных СМИ для потребителя. Сокращение точек продаж и дискредитация института подписки привели к тому, что издатели не могут контактировать со своим потребителем. Второй внешний фактор... – запрет на рекламу в СМИ некоторых категорий товаров... Если говорить о проблемах, связанных с внутренними факторами, то, во-первых, здесь нужно сказать о слабой индустриальной интеграции... Второе – это качество контента» [3]. Действительно, содержательное качество информационного продукта, предлагаемого отечественному потребителю, является одной из главных причин снижения читательского (если говорить о печатной прессе) интереса, а за ним и привлекательности для размещения рекламы. «У нас в отрасли принято считать, что пресса скоро умрет, *digital* – наше все..., – говорит генеральный директор *Bauer Media Group* Россия Алексей Иванов. – Это неверно. Посмотрите на западные рынки, посмотрите на США... американский аналог журнала “Все для женщины“ продается тиражом 800 тысяч экземпляров в неделю, а в Англии – 550 тысяч в неделю!.. Неужели там меньше проникновение интернета? Конечно, нет. Интернет и пресса дополняют друг друга, а не конкурируют. Задача издателей печатных СМИ – делать качественные офлайн-продукты. Тогда они будут востребованы и читателями, и рекламодателями» [Там же]. Представляется, что это положение не только в равной степени применимо к телевизионному эфиру, но и в полной мере объясняет как передислокацию зрительской аудитории, прежде всего молодых людей, от телеэфира к публикациям в Интернете, так и наглядно продемонстрированный выше спад интереса к размещению в отечественном телевизионном эфире рекламных бюджетов.

Список литературы

1. Антонов-Овсеенко А. М. А., Шитикова Е. М. Бюджет печатных СМИ России: Интернет и другие факторы влияния // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2018. № 3. С. 93–96.

2. Болецкая К. Реклама утекает из эфира // Ведомости. 06.08.2019. С. 11.
3. Бумага все стерпит (без авт.) // Стратегия и практика издательского бизнеса. М.: IFRA-ГИПП Magazine. 2018. Декабрь. С. 5.
4. Объем рекламы в средствах ее распространения в 2018 г. [Электронный ресурс] // Сайт Ассоциации коммуникационных агентств России (АКАР). URL: http://www.akarussia.ru/knowledge/market_size/id8690 (дата обращения: 07.08.2019).
5. Объем рекламы в средствах ее распространения в январе – марте 2019 г. [Электронный ресурс] // Сайт Ассоциации коммуникационных агентств России (АКАР). URL: http://www.akarussia.ru/knowledge/market_size/id8826 (дата обращения: 07.08.2019).

ПОЭТИКА МГНОВЕНИЯ В СЛЕПНЁВСКИХ СТИХОТВОРЕНИЯХ А. А. АХМАТОВОЙ

А. М. Бойников

В статье исследуются особенности художественного воплощения категории «мгновения / мига» в ранних стихотворениях А. А. Ахматовой, созданных в селе Слепнёво Бежецкого уезда Тверской губернии в начале XX века. Особое внимание уделяется использованию поэтики мгновения с целью расширения возможностей лирического психологизма.

Ключевые слова: мгновение, миг, психологизм, поэтика, лирика, лирическая героиня, А. А. Ахматова, Слепнёво.

Нельзя сказать, что особенности художественного воплощения категории «мгновения / мига» в лирике А. А. Ахматовой прошли мимо внимания литературоведов. Так, Н. В. Дзюцева справедливо отмечает: «По общему признанию, в основе жанрово-стилевой манеры первых книг Ахматовой лежит фиксация мига, момента, мгновения, что сближает лирическую миниатюру с дневниковой записью, интимной запиской, репликой диалога. Меньше обращалось внимания на то, что поэтизация “мига” была приметой “стиля эпохи”, общемодернистской поэтики, передающей кризисное сознание рубежа веков» [2]. О характерности для Ахматовой «запечатлённого в стихе лирического мгновения» говорила и Л. А. Колобаева [5, с. 9].

В создании первых книг А. А. Ахматовой огромную роль сыграло Слепнёво, родовая усадьба матери её мужа, поэта Н. С. Гумилёва, находившаяся на тверской земле, в одноимённой деревне в пятнадцати верстах от города Бежецка. В автобиографической заметке «Коротко о себе» Ахматова нелицеприятно высказывается об увиденном на подъезде к усадьбе пейзаже: «Это неживописное место: распаханые ровными квадратами на холмистой местности поля, мельницы,

трясины, осушённые болота, “воротца”, хлеба, хлеба... *Там я написала очень многие стихи “Чётки” и “Белой стай”*» [1, с. 125] (выделено мною. – А.Б.). Сразу обращает на себя внимание контекстуальная оксюморонность этого фрагмента: «неживописное», то есть зрительно не вдохновляющее на творчество место, и написанные здесь же «очень многие стихи». Попытаемся отчасти раскрыть влияние тверского локуса (села Слепнёво и его окрестностей) на формирование поэтики мгновения в ранней лирике А.А. Ахматовой.

Вначале она воспринимала свою жизнь в Слепнёве как ссылку, и более того – как «заточение» [Там же, с. 77], которое потом «стало родиной второю» [Там же]. Неторопливый распорядок крестьянской и усадебной жизни, одинаковые природные картины и дороги, одни и те же люди в ближнем окружении – всё это создавало впечатление статичности и вечной неизменности и, как следствие, способствовало выработке особого стиля ранних стихотворений Ахматовой с доминирующей фиксацией мгновения. Однако психологические нюансы запечатлённых мгновений в её слепнёвских стихах содержательно многогранны и эмоционально неоднородны, поскольку представляют собой сплав впечатлений чувств и переживаний лирической героини с восприятием ею окружающей действительности.

Показательно в этом отношении стихотворение «Я пришла сюда, бездельница...» (1911). В первой строфе («Я пришла сюда, бездельница, / Всё равно мне, где скучать! / На пригорке дремлет мельница. / Годы можно здесь молчать» [Там же, с. 32]) уже самохарактеристика «бездельница» превращает восприятие процесса ничегонеделания и его составной части – необщения, неговорения – в длительное застывшее мгновение («годы»).

Во второй строфе («Над засохшей повиликою / Мягко плавает пчела; / У пруда русалку кликаю, / А русалка умерла» [Там же]) сочетаются, с одной стороны, тягучесть мгновения, выраженная глаголами несовершенного вида в настоящем времени *кликаю* и *плавает*, и его законченность, ограниченность одного мгновения от другого, выраженные действительным причастием прошедшего времени *засохшей* и глаголом совершенного вида в прошедшем времени *умерла* с семантикой конечности существования.

Третья строфа является переломной в лирическом настрое:

Затянулся ржавой тиною
Пруд широкий, обмелел,
Над трепещущей осиною
Лёгкий месяц заблестел [Там же].

Две первые строки передают ту же законченность мгновений, а третья и четвертая фиксируют мгновения ускользящие. Действительное причастие настоящего времени *трепещущей* и глагол совершенного вида в прошедшем времени *заблестел* воплощают одновременно статику и динамику природы, поскольку в её сонное (= неподвижное) состояние вносятся движения извне, которые не называются, но легко угадываются (ветерок и заход солнца).

Завершается стихотворение цепочкой взаимопереплетённых мгновений, раскрывающих внутреннюю готовность А. А. Ахматовой духовно постичь, то есть познать Россию в её сельской – слепнёвской – ипостаси:

Замечаю всё как новое.
Влажно пахнут тополя.
Я молчу. Молчу, готовая
Снова стать тобой, земля [Там же].

Примеры сосредоточенности на растянутых по времени мгновениях в её ранних стихотворениях встречаются часто. При этом темпоральные границы довольно точно обозначаются прямым указанием либо на их физическую продолжительность, либо на природные явления, также сопряжённые с конкретным периодом времени: «*Целый день* провела у окошка / И томилась: “Скорей бы гроза”» [Там же, с. 33]; «Что ты видишь, тускло на стену смотря, / *В час, когда на небе поздняя заря?*» [Там же, с. 37], «Иволги кричат в широких клёнах, / Их ничем *до ночи* не унять» [Там же, с. 40]; «Пахнет гарью. *Четыре недели* / Торф сухой по болотам горит» [Там же, с. 59]; «*Целый год* ты со мной неразлучен, / А как прежде и весел и юн!» [Там же, с. 65] (везде выделено мною. – А. Б.).

В подавляющем большинстве поэтических пейзажей, созданных Ахматовой в Слепнёве, описание различных состояний природы неотделимо от тонких ощущений и мгновенных впечатлений. Своеобразно в этом плане стихотворение «Перед весной бывают дни такие...» (1915). Оно состоит из восьми строк без строфического деления, но в нём чётко различимы два содержательно-эмоциональных пласта – описание наиболее ярких предвесенних примет и передача внутреннего состояния лирической героини, одушевляющей природу:

Перед весной бывают дни такие:
Под плотным снегом отдыхает луг,
Шумят деревья весело-сухие,
И тёплый ветер нежен и упруг [Там же, с. 66].

Этот пейзаж состоит из ряда картин, объединённых единой временной (хотя и расплывчатой) рамкой («Перед весной бывают дни такие...» [Там же]), образующей своего рода движущееся мгновение, в котором разные природные процессы происходят синхронно. Тот же самый эффект возникает в 5–8-й строках:

И лёгкости своей дивится тело,
И дома своего не узнаёшь,
А песню ту, что прежде надоела,
Как новую, с волнением поёшь [Там же].

Весьма примечательны строки из стихотворения «Покорно мне воображеньё...» (1913): «В моём тверском уединенье / Я горько вспоминаю вас» [Там же, с. 41]. Здесь «тверское уединенье» обозначает место в пространстве России и в то же время ассоциируется с периодом пребывания поэта в Слепнёве, то есть опять подчёркивается длительность и постоянство воспоминания, которое растягивается на долгие месяцы.

Когда же Ахматова переосмысливает феномен и смысл своего творчества, то она, используя космическую символику, останавливает неостановимый в реальности миг («Завещание», 1914):

...Зачем моя звезда, как некий вихрь, взвилась
И падает теперь. Смотри, её паденье
Пророчит власть твою, любовь и вдохновенье [Там же, с. 56].

Как пишет Л. Г. Кихней, «искусство, по Ахматовой, – это обретенное время, творчество – борьба с небытием, с кошмаром бесследного исчезновения. Искусство может остановить мгновение, возвратить прошлое, ибо произведение искусства и есть кусок ушедшего бытия, растворённого в предметности слова, камня, холста и красок» [4].

Другая черта поэтики мгновения в слепнёвских стихотворениях Ахматовой – череда повторяющихся душевных состояний и переживаний: «Каждый день по-новому тревожен» [1, с. 40]; «Ты знаешь, я томлюсь в неволе, / О смерти Господа моля. / Но всё мне памятна до боли / Тверская скудная земля» [Там же, с. 43].

В. М. Жирмунский подчёркивал: «Всякое душевное состояние, всякое настроение в стихах Ахматовой обозначается соответствующим ему явлением внешнего мира» [3, с. 116]. Продемонстрируем эту особенность ахматовской поэтики, которая позволяет выражать свои чувства опосредованно, на примере ярко исповедального стихотворения «Столько раз я проклинала...» (1915). Конкретное душевное состояние лирической героини – томление в неволе, ассоциирующееся с пребыванием в Слепнёве, – раскрывается и интенсифицируется реалистическими бытовыми деталями – своего рода картинками, которые схватили целый ряд циклических мгновений, растянутых во времени. Цикличность передана лексическими маркерами «столько раз», «как тому назад три года», «так же», протяжённость – глаголами несовершенного вида в настоящем времени:

Столько раз я проклинала
Это небо, эту землю,
Этой мельницы замшелой
Тяжко машущие руки!
А во флигеле покойник,
Прям и сед, лежит на лавке,
Как тому назад три года.

Так же мыши книги точат,
Так же влево пламя клонит
Стеариновая свечка.
И поёт, поёт постылый
Бубенец нижегородский
Незатейливую песню
О моём веселье горьком [1, с. 77].

Подводя итог, мы склонны полагать следующее: во-первых, стремление к воплощению уже в ранней лирике А. А. Ахматовой растянутых по времени мгновений можно считать характерной особенностью её поэтики; во-вторых, фиксация мгновения, как черта стиля эпохи, в слепнёвских стихотворениях не столько передавала ощущение «кризисного сознания рубежа веков» [2], сколько служила продуктивным художественным средством расширения возможностей лирического психологизма и познания глубинной России.

Список литературы

1. Анна Ахматова в Тверском краю. Калинин: Моск. рабочий, Калинин. отд-е, 1989. 159 с.
2. Дзутцева Н. В. «...И таинственный песенный дар» (Фрагментарная форма в творчестве А. Ахматовой) [Электронный ресурс] // URL: Режим доступа: <http://www.akhmatova.org/articles/dzutceva.htm> (дата обращения: 20.06.2019).
3. Жирмунский В. М. Творчество Анны Ахматовой. Л.: Наука, 1973. 184 с.
4. Кихней Л. Г. Поэзия Анны Ахматовой. Тайны ремесла [Электронный ресурс] // Анна Андреевна Ахматова. URL: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/kritika/kihnej-tajny-remesla/zaklyuchenie.htm> (дата обращения: 30.06.2019).
5. Колобаева Л. А. Ахматова и Мандельштам (самосознание личности в лирике) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 1993. № 2. С. 3–11.

ПОЭЗИЯ А. Н. ВЕРТИНСКОГО КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Е. Н. Брызгалова

В статье представлен анализ основных концептов поэзии А. Н. Вертинского. Автор выделил те основы, в которых отразились представления поэта о мире и о своем месте в нем. Философские категории жизни, смерти, любви, радости, добра, зла и так далее, воплотившись в поэзии, представили читателю мироощущение поэта. Цель исследования заключается в том, чтобы их проанализировать.

Ключевые слова: А. Н. Вертинский, экзистенциализм, экзистенциальное пространство, экзистенциальное переживание, поэзия, стихотворение.

А. Н. Вертинского можно вполне обоснованно назвать одним из самых известных поэтов XX века. Его известность уникальна, поскольку именно его считают одним из основателей такого явления в современной культуре, как авторская (или бардовская) песня [1; 7; и др.]. Поэтому все, кто пишет о его творчестве, утверждают необходимость комплексного изучения его произведений, состоящих не только из словесного, но и музыкального начал, особой манеры исполнения и т. д. [5; 6; 9; 12; и др.]. Не подвергая сомнению этот тезис, обратимся все же к его поэзии, поскольку, как представляется, именно слово в его творчестве было смыслообразующим, слово порождало художественный образ, а всё остальное лишь дополняло и обогащало его.

Нам уже приходилось обращаться к одной из сторон «мировидения» поэта [3], но слишком многое из концептуально важного осталось за рамками той статьи. Поэтому поставим целью данной работы обозначить основные параметры художественного мира поэзии Вертинского, а значит, и его представлений об основополагающих экзистенциальных категориях, поскольку именно в них всякий человек постигает и соизмеряет смысл окружающей жизни и собственного бытия.

Предстоящий разговор требует ввести понятия «экзистенциального пространства» [11] и «экзистенциального переживания» [14]. Эти категории активно используются и обсуждаются в философии, психологии и других отраслях гуманитарных наук. Они имеют непосредственное отношение и к литературоведению [2], поскольку именно литература исследует человеческую личность. Мы не будем углубляться в теорию и прибегнем лишь к некоторым теоретическим выкладкам, необходимым для предмета нашего исследования.

Современная философия отличает «экзистенциальное» и «социальное» пространства, подчеркивая их отличия: «Если в социальном пространстве человек зачастую нейтрально относится к течению своей жизни, спокойно реагирует на не имеющие отношения к удовлетворению его сиюминутных потребностей объекты, то в экзистенциальном пространстве приходится говорить не о *проживании* (здесь и далее выделено авт. – Е.Б.), а о *переживании*, ибо всё, что в экзистенциальном пространстве происходит, переживается максимально эмоционально» [14].

На наш взгляд, это утверждение напрямую соотносится с художественным миром поэзии Вергинского, поскольку «переживание» в его стихах носит именно экзистенциальный, обращенный к основам бытия, а не социальный характер. Его никак нельзя назвать «социальным» поэтом – наверное, потому, что, с одной стороны, его как творца сформировала эстетика Серебряного века, когда социальное начало утратило четкость параметров и отошло на второй план, а с другой, более двадцати лет он провел в разъездах и скитаниях между Западом и Востоком, между Старым и Новым Светом и потому не соотносил свою жизнь с определенным типом социума.

Рассматривая экзистенциальное переживание как особый тип человеческой эмоции, ученые выделяют особые черты, присущие ему: «экзистенциальное переживание – это разновидность переживания, связанная с базовыми предпосылками экзистенции – мочь быть, нравится жить, быть самим собой, стремление к смыслу; это особая форма переживания человеком своего бытия в мире, связанная с отношением личности к себе и к миру, включающая в себя процесс по изменению и преобразованию полученного жизненного опыта для

проживания жизни с внутренним согласием» [10]. Другими словами, это переживание определяет миропонимание художника (в самом широком смысле этого слова), выстраивает его отношения с окружающим и порождает стремление определить свое место одновременно в нескольких системах координат: в параметрах «здесь-и-сейчас», с одной стороны, и «там-и-всегда», с другой.

Мироощущение Вертинского-поэта отличается, на наш взгляд, простотой и сложностью одновременно, потому что в центре каждого отдельно взятого стихотворения – частная история, часто протяженная между жизнью и смертью, интимные переживания лирического героя, чья-то конкретная судьба. Но если посмотреть на эти произведения как на некую целостность, то возникает ощущение сложного переплетения времен и пространств, в котором все взаимосвязано и сопряжено друг с другом. В его поэзии сквозь частное, единичное, ситуативное вдруг «просвечивает» бытийное и всеобщее.

По мнению философа, «экзистенциальное пространство – это пространство подлинного существования человека, *экзистенции*, точкой отсчета в котором является *сокровенное* “Я” как ценностное ядро личности» [14]. Если взглянуть на поэзию Вертинского с этой позиции, то становится очевидно, что для него категории, характеризующие бытие человека (жизнь, смерть, добро, зло, любовь, творчество и т. д.), предстают как нечто целостное, не противопоставленное, а взаимодополняющее друг друга.

На наш взгляд, наиболее ёмкими в смысловом отношении являются концепты «любовь», «жизнь» и «смерть», поскольку именно они очерчивают бытийное пространство лирического героя. Но не они стали вершиной представлений о бытийных ценностях в поэзии Вертинского! Все концептуальные поля сходятся в одной точке – в «мире», который вбирает в себя ВСЁ: «Я любил и люблю этот бренный и тленный / Равнодушный, уже остывающий мир...» («Я всегда был за тех...») (здесь и далее тексты А.Н. Вертинского цит. по: [4]). Мир, в представлении поэта, далеко не совершенен, в нем жизнь и смерть идут рука об руку и, что характерно, часто существуют как бы одновременно. Например, лирический герой, признаваясь девушке в любви, говорит: «Я люблю Ваши руки усталые, / Как у только что

снятых с креста...» («Сероглазочка»). Создается образ на грани жизни и смерти, поскольку с креста снимают умершего. Изломанность, безжизненность, отсутствие энергии и жизненной силы – вот что видится читателю в облике героини. Она ассоциируется с жуткой, но не сказкой, а «сказочкой», «смешной и трагической» одновременно («Вы – вечерняя жуткая сказочка, / Вы – цветок на картине Гойя»). Поэтому и смерть в этом мире воспринимается не как трагедия, а как один из моментов пребывания в мире: «Под напев Ваших слов летаргических / Умереть так легко и тепло...» («Сероглазочка»).

В экзистенциальном пространстве поэзии Вертинского жизнь и смерть, естественно разделенные во времени, могут пересечься в одной временной точке, создавая причудливые очертания, как в стихотворении «Ваши пальцы пахнут ладаном», где время как бы расслоилось, вобрав в себя жизнь в настоящем и смерть в будущем.

С другой стороны, жизнь, особенно уныло проходящая, растерявшая чувства, может восприниматься как скучная дорога к смерти. Здесь протяженность во времени не имеет значения, как в стихотворении «Поздняя встреча». В его основу положена обыденная ситуация: двое немолодых людей, когда-то любивших друг друга, случайно встретились «где-то на концерте»: «Всё прошло. Забыто. По дороге к смерти / Путь земной так беден, одинок и сер...» («Поздняя встреча»).

В мире, сотворенном Вертинским, зыбкие границы не только между жизнью и смертью, но и между сном и реальностью / явью, которые также не противостоят друг другу: «Это бред. Это сон. Это снится... / Это прошлого сладкий дурман. / Это Юности Белая Птица, / Улетишь в серый туман» («Дансинг-гёрл»). Причем «сон» может восприниматься как «мечта». В ряде стихотворений «мечта» и «сон» даны как равноправные и семантически идентичные. В «Бале Господнем» мечта героини не имеет ничего общего с реальным миром, более того, мечтания противопоставлены реальности (маленький пыльный город, где никогда не происходит ничего интересного, – и «горящий Версаль»). Мечта характеризуется как «сумасшедшая» – в противовес «сонному городу». А кроме того, в мечтаниях о блестящих балах появляется «мертвый принц», что контекстуально соотносит мечту со смертью. В дальнейшем реализация мечты – похороны героини. В

стихотворении «Танцовщица» мечта – сон, мгновенно вырывающий героиню-танцовщицу из совершенно бездушной атмосферы реальности балагана («обезьяньи лица вечерней публики») в иную, придуманную реальность, где её танец исполнен таинственного смысла («Вам снится храм, и жертвенник, и пламя...»; «И Вы танцуете, колдунья и царица...»).

С другой стороны, в представлении поэта, люди, не умеющие мечтать или отказавшиеся от мечты, обречены: «Какое мне дело, что все твои пьяные ночи / Холодную душу не могут мечтою согреть...» («Убившей любовь»). Здесь мечта наделяется жизненной силой, дающей человеку возможность выстоять в испытаниях и сохранить себя. Она, по его мнению, отличает живущего полной жизнью, чувствующего человека от того, кто просто влачит существование, кто имитирует жизнь. Поэтому мечта может олицетворять собой истинную, а значит, и одухотворенную, жизнь и противостоять далекой от идеала реальности с «обезьяньими лицами», «танцующими обезьянами» («Желтый ангел»), с похороненной любовью («Ненужное письмо»).

Таким образом, в разных произведениях одни и те же концепты образуют различные смысловые единства: «сон» – «мечта» – «смерть» и «мечта» – «жизнь».

Концепты «жизнь» и «любовь» часто ассоциируются с «весной». Это традиционно, поскольку весна всегда в нашем представлении связана с пробуждением природы, с радостью, с возрождением жизни. Можно привести множество поэтических примеров, подтверждающих эту мысль. Но такую многоликую весну, как у Вертинского, вряд ли можно встретить еще. В его стихотворениях встречаются самые разные оттенки смысла данного концепта. Весна как идеал, к которому нужно стремиться: «Кто укажет нам путь в это царство Весны?» («Сумасшедший шарманщик»). Весна и любовь подаются как равнозначные и «равноволнующие» героя: «И весной, и любовью волнуем...» («Дансинг-гёрл»). Весна как нечто быстротекущее и проходящее: «Но дни бегут, / Как уходит весной вода...» («Дни бегут»). Весна как состояние души лирического героя: «Манит, звенит, зовет, поет дорога, / Еще томит, еще пьянит весна» («Палестинское танго»). Весна как выражение хорошей атмосферы в семье, неумирающего чувства:

«В нашей жизни многое не нравится, / Но зато в ней столько раз весна!» («Песенка о моей жене»).

Весна проецируется на героиню и встраивается в общекультурный контекст: «А крылатые брови? А лоб Беатриче? / А весна в повороте лица?..» («Пани Ирэна»). Ассоциативный ряд может включать всемирно известные произведения искусства: «Ах, сегодня весна Боттичелли. / Вы во власти весеннего бриза» («Испано-Сюиза»). Здесь дана отсылка не только к картине «Весна» Боттичелли, но и к его же «Рождению Венеры», где мифические существа навевают тот самый «бриз» – легкий приятный ветер. Все эти многочисленные примеры убеждают в положительной маркировке данного концепта.

Но часто в экзистенциальном пространстве стихов Вертинского оказывается, что «беспечальной весны соловьи» («Панихида хрустальная») – это обман, иллюзия, которая никогда не станет реальностью. Поэтому весна может восприниматься как недостижимая радость, например, в стихотворении «То, что я должен сказать»: «Даже светлые подвиги – это только ступени / В бесконечные пропасти – к недоступной весне». Отсюда исходит еще один оттенок смысла: «чужая весна», которой никогда не будет у героя («Бар-девочка»), как не будет «новых ног к весне» у Безноженьки из одноименного стихотворения. В этом случае весной происходят похороны: «Так весной в бутафорском смешном экипажике / Вы поехали к Богу на бал» («Бал Господен»). Но при этом трагизм ситуации похорон снимается, поскольку жизнь продолжается: «Отпоют надо мной панихиды хрустальные / Беспечальной весной соловьи!» («Панихида хрустальная»).

Таким образом, семантическое поле «весны» предельно широко и полно самых разных оттенков смысла. Весна – самое частотное время года в поэзии Вертинского.

Вторым по частотности является концепт «осень», он имеет более четкие семантические границы и подается однозначно: это время года, в представлении поэта, всегда связано с умиранием, уходом, тоской: «Это осень меняет кочевья. / Это кто-то уходит навек» («Осень»). Осень чаще ассоциируется с бесприютностью – и отсюда аналогия с русским «беженством»: «Мы – осенние листья, нас бурей сорвало. / Нас всё гонят и гонят ветров табуны...» («Сумасшедший

шарманщик»). В двух стихотворениях разных лет осень ассоциируется с тяжелой болезнью и бредом. И в том, и в другом повторяется одна строка: «Осень в смертельном бреду / Листья хоронит в саду» («Баллада о Седой Госпоже» /1922/); «Мадам, уже падают листья, / И осень в смертельном бреду...» («Мадам, уже падают листья» (1930)). Холод, смерть, похороны – вот характеристики осени: «Холодеют высокие звезды, / Умирают медузы в воде...» («Осень»).

Изображение зимы встречается в стихотворениях Вертинского нечасто: как пронзительное воспоминание об утраченной Родине, например, в стихотворениях «Рождество», «Отчизна», «Дым без огня», или как олицетворение страшной гибели фашистских войск в стихотворении 1943 г. «В снегах России».

Лето в стихотворениях встречается эпизодически и никакой дополнительной смысловой нагрузки не несет. Таким образом, весна и осень противопоставлены друг другу, как жизнь и смерть, как рождение и умирание.

Как уже отмечалось, «живое» и «неживое» в экзистенциальном поле поэзии Вертинского часто утрачивает четкость очертаний. Объединение совершенно разнородных характеристик – сочетание несочетаемого, то есть оксюморонность, позволяет поэту создать совершенно уникальный образ мира, существующего на стыке живого и неживого: «В этом мёртво кричащем мире / Вы почти недоступная цель» («Оловянное сердце»).

Поэт наделяет реалии вещного мира характеристиками, присущими миру одушевленному: «Вот хохочут трамваи, топчут автобусы, / Голосят амбулансы, боясь умереть» («Шанхай»). Этот прием позволяет усилить экспрессию, передать напряженную эмоциональную атмосферу – в данном случае ритм города, который представлен как постоянно движущееся, звучащее скопище враждебных человеку реалий («Город-улей москитов, термитов и пчёл»).

В другом случае тот же прием усиления экспрессии помогает выразить радость: «Скоро будет весна. И Венеции юные скрипки / Распоят Вашу грусть, растанцуют тоску и печаль» («Злые духи»). Радость, в представлении поэта, равноценна жизни. О том, что в сердце зарождается любовь, герой узнает от «танцующих менуэт лучей»

(«Оловянное сердце»). Человек, утративший способность радоваться (в понимании поэта, – чувствовать, любить) или не обладавший ею в силу объективных или субъективных причин, может быть охарактеризован через реалии вещного, а значит, неживого мира. Устойчивой характеристикой в этом плане становится символ сломанной куклы, с которой автор сравнивает героиню. В первой строке стихотворения «Бар-девочка» заявлено подобие героини кукле: «Вы похожи на куклу в этом платье аленьком...», а в предпоследней строке упомянута сломанная кукла («Колесница с поломанной куклой покатится...») как символ смерти, перехода в неживой мир.

Кукла символизирует утраченное детство, безрадостное, несостоявшееся или украденное у ребенка. Сравнивая «Бар-девочку» с куклой, автор подчеркивает детскость в её облике («зачесанная по-детски и по-смешному», «зубы детские, крохкие») и в то же время подмечает её резко отрицательные качества, никогда не присущие ребёнку («истерически злобная, подчеркнуто пошлая»). Отсюда и сравнение с неживой куклой, а в финале – с поломанной. Сломанная кукла становится напоминанием о давно пережитом и потерянном: «Ничего от тебя не осталось, / Только кукла с отбитой ногой» («Осень»).

Детские черты, характеризующие облик героини, встречаются в стихотворениях разных лет. Но эти многочисленные сравнения никогда не указывают на детскую радость, непосредственность, счастье. Это могут быть «Ваши печальные детские губы» («Ненужное письмо») или «Ваши детские губы коралловые» («Сероглазочка»), манера поведения («Вы совсем как ребенок тихи» («В синем и далеком океане»); «капризный, как дитя» («Маленький креольчик»). Детская хрупкость облика: «Разве можно забыть эти детские плечи, / Этот горький заплаканный рот...» («Пани Ирэна»). Героиня-наркоманка, раздавленная жизнью и совершенно одинокая, напоминает ребенка: «Одинокая глупая деточка» («Кокаинетка»). Таким образом, детскость у Вертинского всегда ассоциируется с женщиной, её обликом или вещами: «И уже не спешат почтальоны, / Не приносят твой детский конверт» («Осень»). Она никогда не ассоциируется с радостью или счастьем (иногда с утраченной, давно пережитой любовью) и подчеркивает трагизм переживаний героя, его разочарованность.

Подведем итог. Если принять утверждение, что экзистенция – «это обозначение для человеческого самобытия» [8, с. 4] или «особый способ бытия, присущий человеческому существу» [13, с. 12], то следует признать, что поэзия А. Вертинского укладывается в четыре фундаментальные мотивации экзистенциализма: мочь-быть, нравиться-жить, быть-самим-собой, стремление-к-смыслу.

Экзистенциальное пространство его поэзии обширно и многогранно, оно характеризуется слитностью и переплетенностью противоположных начал. Это многоликий мир, творчески сотворенный человеком, очерченный «значениями, смыслами, концептами, переживаниями» [11]. Лирический герой, несомненно, живет в этом мире, он не наблюдатель, он непосредственный участник всего, что здесь происходит: «Растворяясь в печали и жизни чужой...» («Я всегда был за тех...») [4]. Он выстраивает собственную систему ценностей, живет по собственным принципам. В этом пространстве «соединяются сущее и бытийное <...>, обозначаются границы между «Я» и «не-Я» [11].

Список литературы

1. Бахмач В. И. Концерт «поющего поэта» как форма «самиздата» // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. Філологічні науки. 2006. № 1 (96). С. 12–25.
2. Бачинин А. Экзистенциальное пространство русской литературы [Электронный ресурс] // Проза.ру. URL: <https://www.proza.ru/2014/10/11/1926> (дата обращения: 15.07.2019).
3. Брызгалова Е. Н. Игра как способ изображения мира в поэзии А. Н. Вертинского // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2018. Т. 23. № 2. С. 151–158.
4. Вертинский А. Стихотворения [Электронный ресурс] // Слова. Серебряный век. URL: <http://slova.org.ru/vertinskij/sumasshedshiy/> (дата обращения: 13.09.2019).
5. Горелова О. А. Александр Вертинский и ироническая поэзия Серебряного века: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / О. А. Горелова; Московской пед. гос. ун-т. М., 2005. 187 с.

6. Зиновьева Э.Н. Синкретизм творчества А.Н. Вертинского и формы его художественной реализации: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Э.Н. Зиновьева; Ульяновский гос. техн. ун-т. Ульяновск, 2012. 18 с.
7. Курилов Д.Н. Авторская песня как жанр русской поэзии советской эпохи: дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Д.Н. Курилов; Лит. ин-т им. А. М. Горького. М., 1999. 179 с.
8. Кьеркегор С. Наслаждение и долг. Ростов н/Д.: Феникс, 2017. 416 с.
9. Лежнева М.Г. Межтекстовые связи в поэзии Александра Вертинского: Слово и текст: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / М.Г. Лежнева; Лит ин-т им. А. М. Горького. М., 2003. 184 с.
10. Потехина В.Е. Проблема определения понятия «экзистенциальное переживание» [Электронный ресурс] // Гуманитарные научные исследования. Электронный научно-практический журнал. URL: <http://human.snauka.ru/2018/12/25332> (дата обращения: 15.07.2019).
11. Сапогова Е. Е. «Обитель души»: экзистенциальное пространство субъекта // Третья Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: мат-лы сообщений. М.: Смысл, 2007. С. 106–111.
12. Тарлышева Е. А. Песенная поэзия А. Вертинского как единый художественный мир: Жанровая природа, образная специфика, эволюция: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Е.А. Тарлышева; Уссурийский гос. пед. ин-т. Владивосток, 2004. 186 с.
13. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Акад. проект, 2015. 452 с.
14. Чередниченко И.П. Переживание в экзистенциальном пространстве // Гуманитарный вектор. 2010. № 2 (22). С. 188–194.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕДИАСТИЛЯ И ПЕРЕВОД

А. Б. Бушев

Для переводчика важно представлять экстралингвистические и лингвистические характеристики стиля. В данной работе на материале миграционного кризиса обсуждается стандартизация и экспрессия языковых средств газетно-публицистического стиля.

Ключевые слова: масс-медиа, перевод, стиль, экстралингвистические характеристики стиля.

Представления об экстралингвистических критериях стилей связаны еще в стилистике Ш. Балли с нулевой точкой отсчета – с представлениями о нейтральном стиле, который воплощает собой дидактический стиль – информационный. В дидактическом дискурсе степень активности субъекта минимальна или даже вовсе отсутствует. Считается, что дидактический дискурс воспринимается адресатом как «объективный», нейтральный. Примером дидактического дискурса может служить научный дискурс, а также информационные газетные сообщения.

Напротив, в политическом дискурсе субъект весьма активен. Поэтому он воспринимается адресатом как связанный с определенными установками. Традиционно несистемно изучаются языковые средства – показатели активности субъекта: модальные глаголы, наречия, глаголы, наклонения, формы отрицания и др.

Для исследований дискурса характерно то, что учитывается такой экстралингвистический фактор, как условия коммуникации, ее конкретные историко-культурные и социологические моменты. При исследовании политического дискурса важно понимать **неоднородность политического дискурса**, выделение в нем газетного дискурса, устного журналистского дискурса, дискурса Интернета, устного политического дискурса самих политиков, письменного языка партий-

ных программ, документов, речей, избирательных материалов. Однако феномен медиатизации позволяет отождествлять политический дискурс с языком политических СМИ. Показательно соотношение политического дискурса и дискурса СМИ. Так, по мнению Г.Я. Солганика, «это влияние выражается не только в заимствовании, использовании политических терминов, но и в более широком плане. Политические цели и установки обуславливают определенные речевые стратегии и тактики, совокупность приемов развертывания текста, строй речи, общую модальность, меру участия авторского я, характер образности, языковую политику (ориентацию на книжную или разговорную речь, на литературный язык или жаргоны, просторечие) и т. п.» [4, с. 24–25].

Идеологический дискурс характеризует гипернормализация языка, номинативность, ритуальность. Это моносемичный дискурс – показательно отсутствие соперничающих интерпретаций, двусмысленности политического термина. Значимо внимание к форме высказывания, отсутствие публичного обсуждения, стандартизация формы. Для идеологического дискурса показательна ретрансляция тождественных смыслов, анонимность, цитируемость, повторяемость (интердискурсивность, интертекстуальность), однотипность определений, пресуппозиции. Показательное место в идеологической картине занимают номинативные фразы, утверждения, неоспоримые утверждения, в которых все относится к прошлому. А. Юрчак, изучая идеологический дискурс, заключает, что для него характерна замкнутость логической и нарративной структуры, где используется ограниченное количество «*господствующих означающих*», которое позволяет «связывать разноплановый символический материал (различные не связанные друг с другом высказывания, тексты, лозунги, изображения и так далее) в единую идеологическую систему» [5, с. 154]. Сводимыми оказываются и мнимые сущности – симулякры.

Плюс в медийном тексте будет прагматическая задача у политического текста. Прагматика свойственна текстам разных функциональных стилей. Однако в зависимости от их прагматической направленности коммуникативные установки будут варьироваться от относительно простых (привлечение внимания, аргументация разъ-

яснительного характера) до более сложные по своим целям (убеждение, побуждение к определенным действиям, стремление повлиять на систему ценностей и мировоззрение адресата, как это имеет место в публицистическом подстиле).

Коммуникативно-прагматические установки являются свойством конкретных речевых актов. В то же время в прагматически ориентированных функционально-стилистических средствах используются типичные коммуникативные установки, реализуемые в многочисленных текстах в сходных ситуациях общения. Отвлечение от их конкретных реализаций позволяет говорить об обобщенных коммуникативно-прагматических установках, которые отражают особенности жанра и служат основанием для выделения его релевантных черт. Так, директивность, присущая передовым и редакционным статьям, прагматически ориентирована уже по своему содержанию. Для реализации прагматической установки, связанной с директивностью, могут использоваться готовые экспрессивно-стилистические средства (вопросительные и восклицательные предложения, обращения).

Воплотить отбор лингвистических средств при таких экстралингвистических условиях предназначено газетно-публицистическому стилю. Он функционально нагружен, в нем взаимодействуют две языковые функции – сообщения и воздействия. Воздействующая функция в публицистике является преобладающей. Взаимодействие двух функций обуславливает один признак газетно-публицистического стиля – стандарт и экспрессию. С воздействующей функцией связаны два других стилеобразующих признака газетно-публицистического стиля: особый статус субъекта и социальная оценочность языковых средств. В основе стратегий политического дискурса лежит явление оценочности. Весьма распространенным является в политическом дискурсе навешивание ярлыков – таких оценочных штампов, для которых характерна идеологизированность, субъективность и предубежденность. Оценочность выводит к исследованию идеологем. Ведь сама задача политического дискурса – это не констатировать положение дел, а внушить массам оценку, дать основу для изменения убеждений и действий, это работа с массовым сознанием.

Социально-оценочная окраска концептуальной лексики «заряжает» весь текст, и в ее контексте многие нейтральные слова могут приобретать окраску. Показателен в медийном дискурсе феномен, названный нами *семантической иррадиацией*: присутствие хотя бы одного эмоционального слова придает эмоциональность всему высказыванию

Стилевые признаки обуславливают системность функциональных стилей, обеспечивающую их целостность и самостоятельность. Системность стиля состоит в том, что составляющие его языковые единицы, его композиционная структура обусловлены реализацией соответствующих стиливых признаков. В наших работах применительно к политическому дискурсу показана важность номинации явлений в политическом дискурсе, использование клише и штампов как частного случая стереотипии, использования аксиологической лексики, метафорики, эвфемии, повторов, перифраз, сложность дефинитивности терминов, манипуляция фактами, выдача мнения за знания и некоторые другие облигаторные явления политического дискурса.

Социально осознанная закреплённость определенных функционально-стилистических средств в рамках их системной целостности находит отражение в явлении функционально-стилистической нормы. Стилистическая норма предполагает подчинение определенным закономерностям отбора языковых средств, их комбинирования и композиции в соответствии со способом подачи и развертывания содержания. По сравнению с общезыковой нормой – более широким понятием – стилистическая норма сужает круг включенных в нее явлений и накладывает дополнительные ограничения на отбор и использование языковых средств. Стилистическая норма носит менее императивный, обязательный характер, чем общезыковая норма.

Продемонстрируем типичность языковых средств на примере миграционного кризиса в Европе:

Influx of *refugees* – особенности номинации

A woman *was stabbed* – семантика глагола

Send migrants back – штамп

migrant repatriation – эвфемизм

Loss of jobs – штамп

Visa liberalization – эвфемизм

Right-wing rhetoric lures voters – неясная оценка

Displaced population – эвфемизм

War on the doorstep – типичная метафора

Sectarian division deepened – эвфемизм

A window of opportunity is closing – метафора

Flee for the rights – штамп

Живописуется криминал и терроризм и меры борьбы с ним (*a deadly car bomb, a vehicle blew up, search for suspects, raids on terror alerts, crackdown on street protests, stepping up security, suicide bomb attacks*).

Посмотрим, с помощью каких стереотипизированных средств рисуется картина миграционного кризиса на Средиземноморье:

To manage external borders

Common border force

Ensure free movement

Overcrowding boats – оценка, штамп

To extend the period of emergency imposed after shooting

Devastation in Aleppo – оценка, штамп

Seized the town

Tough restrictions on freedom – оценка

Human trafficking ring – штамп, метафора

Slave trade – штамп, оценка, неясность

Gateway to Europe – метафора

Barbaric trade in human smuggling – оценка

Bonded labour – метафора

Рисуются картины подневольного и детского труда и новой работорговли: *vulnerable, gangsters, sex trade is appalling, children work in cannabis factories and are abused*.

Показаны реалии мигрантов: *fingerprinting, refugee camps, ceasefire, curfew, clashes...*

Таковы же средства описания ситуации в Турции:

Turkey is **sliding into chaos...** War is **dangerously close...** Core values **are undermined...** Human rights **have been rolled back...** **Islamophobia** is what ISIS wants... Make Muslim population **isolated**.

Во Франции:

Enshrine state of emergency in constitution...*Reshuffle cabinet...*
Stip of the citizenship for dual national... *Relentless air raids...* Partial
withdrawal helped the ally... Are ready to return within hours... Humanitarian
crisis modernization... *Evacuation of shanty towns* in Calais... *Impose
temporary border controls...* *Tightens grip* on supply route to Aleppo.

В Египте:

Tourist killed in curfew... *To allow humanitarian aid* to the *besieged
regions... on the verge of starvation...* *t* ruck bomb *exploded...* no claim of
responsibility... *life –threatening injuries...* police cannot control.

Показательна частотность отдельных слов: *harass, aggression, per-
petrators, to downplay, to cover up, right-wing group, asylum-seekers.*

В европейских странах:

Mama Merkel welcomes asylum seekers... contempt for women...
condemn viral acts... vulnerable... open door policy for migrants... de-
liberately laughing at touché issues... *blasphemy* of Charlie humor which
is lost in translation... mosques opened doors to people of all faiths... con-
demn rapists... *laicite* lacity.

В отборе лингвистических средств соответственно экстралинг-
вистическим условиям проявляется идеологическая направленность
публицистики, ее связь с различными общественными отношениями,
с политикой.

Связь публицистики с политикой носит двусторонний харак-
тер. Политика влияет на формирование публицистики, на развитие
ее языковых средств. Со своей стороны, публицистика является эф-
фективным инструментом воздействия на общественные процессы.
Немаловажная роль в этом отношении принадлежит языковым сред-
ствам. В газетно-публицистическом стиле находит свою наиболее по-
следовательную реализацию такая функция языка, как воздействующая.

Функция воздействия создает целый арсенал лингвистических
средств всех языковых уровней, а также композиционно-текстовых,
используемых для различных целей: убеждения, полемики, агитации,
пропаганды.

Взаимодействие информационной и воздействующей функций
обуславливает первый признак газетно-публицистического стиля –

стандарт и экспрессию. Специфика «языка на газетной полосе» – в регулярном соотношении стандартизированных и экспрессивных языковых средств, в их чередовании и контрастировании [2, с. 92]. Высокая стандартизованность обусловлена в первую очередь экстралингвистическими причинами – стремлением к документальности изложения, повторяемостью тематики, оперативностью в подготовке материалов, ограничением в связи с этим поисков экспрессивно-образных средств выражения. По словам Ш. Балли, «язык газет переполнен штампами – да иначе не может и быть: трудно писать быстро и правильно, не прибегая к избитым выражениям» [1, с. 109].

Стандартизация языковых средств в газетно-публицистическом стиле, в отличие от научного и официально-делового, может иметь социально-оценочный характер, будь то положительная оценочность или негативная оценочность. Но не все стандартизированные средства выражения газетно-публицистического стиля носят оценочный характер.

Эвфемизация в языке давно и справедливо рассматривается как одна из тактик беспристрастности, политкорректности, камуфлирования неприятных явлений со всеми вытекающими для дискурса, избилующего эвфемизмами, выводами. Ей противостоит тактика дисфемизации, очернения, стигматизации оппонента, использования слов-жупелов, ярковы, фетишей и т. д. Очевидна такая антиномия, как агрессивность и толерантность в политической коммуникации. Эвфемизация – явление, которое относится к манипуляции, наряду с намеренной уклончивостью, намеками на ссылки и слухи и т. д. Потенциал эвфемизации при дискурсе о недопривилегированных во Франции показан в работе [3].

Воздействующий и пропагандистский характер публицистики, ее идеологическая роль требуют максимального использования экспрессивных языковых средств. Экспрессивность может достигаться не только за счет широкого использования языковых средств всех уровней и их определенного взаимодействия, но и с помощью комбинаторно-конструктивных средств.

В отличие от художественной литературы, где экспрессивность носит индивидуально-образный характер и имеет целью эмоцио-

нальное и эстетическое воздействие на читателя, экспрессивность в публицистике подчиняется основной задаче этого стиля – воздействию на массы с целью побуждения их к активным действиям.

Еще один стилеобразующий признак газетно-публицистического стиля – особая роль субъекта речи. Субъект речи – автор текста – авторское «я» и субъект (одушевленный или неодушевленный) – участник описываемой действительности могут вступать между собой в межтекстовые отношения. Эти отношения заключаются в использовании автором текста высказываний, принадлежащий субъекту – не автору текста. Такое межтекстовое взаимодействие (текст в тексте) преследует определенные цели. Например, цитирование государственного деятеля, документа, влиятельной газеты, ссылки на какой-либо авторитет придает сообщению большую достоверность.

Особый статус субъекта в газетно-публицистическом стиле обусловлен двумя факторами: 1) социальным статусом субъекта, 2) «прочной» связью субъекта с адресатом.

Социальный статус субъекта в публицистике включает в себе коллективный образ, он выступает не как индивидуум, не просто как представитель общества, а как выразитель мыслей и чувств современников, выступает с определенных классовых идеологических позиций.

Второй фактор, связанный с активностью субъекта, носит коммуникативно-прагматический характер и преследует определенную цель: убеждать адресата в чем-либо, сделать его своим единомышленником. Нацеленность на «сопереживание» получателя информации заставляет субъекта постоянно заботиться об укреплении связи «отправитель – получатель».

Степень выраженности и характер субъекта могут быть средствами жанровой дифференциации газетно-публицистического стиля, в пределах которой крайними точками являются, с одной стороны, информационные сообщения, в которых авторское «я» выражено минимально, и с другой – полемические статьи, где авторское «я» находит свое наиболее полное выражение.

Специфика субъекта и адресата в публицистике обуславливает и тот факт, что оценочность языковых средств чаще всего имеет не

индивидуальный, а подчеркнуто социальный характер. Социальная оценочность диктует и отбор языковых средств с целью наиболее эффективного воздействия на адресата: качественно-оценочные прилагательные, элативы (прилагательные обозначающие безотносительно высокую степень качества), устойчивые сочетания и фразеологизмы и др.

Список литературы

1. Балли Ш. Французская стилистика. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 392 с.
2. Костомаров В. Г. Русский язык на газетной полосе: некоторые особенности языка современной газетной публицистики. М.: Изд-во МГУ, 1971. 268 с.
3. Манакина О. Е. Дискурс-анализ протестной политической культуры современной Франции : автореферат дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / О. Е. Манакина; Московский гос. ин-т междунар. отношений. М., 2011. 30 с.
4. Солганик Г. Я. Введение // Язык СМИ и политика. М.: Изд-во МГУ, 2012. С. 8–26.
5. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое лит. обозрение, 2014. 664 с.

КВАС КАК СИМВОЛ РУССКОЙ ЖИЗНИ В РОМАНЕ И.А. ГОНЧАРОВА «ОБЛОМОВ»

С. А. Васильева

В работе рассматривается культ еды и питья как значимое явление в идиллии; подобно костюму или интерьеру, подаваемые еда и напитки имеют в «Обломове» И. А. Гончарова свой семиотический потенциал. Упоминание в романе традиционного русского напитка кваса символизирует изобилие в Обломовке. В то же время упоминание кваса – это и одна из характеристик, имеющая социальную маркированность, а в контексте всего романа – это и характеристика определенного уклада русской жизни, обломовщины.

Ключевые слова: И. А. Гончаров, «Обломов», литература в системе культуры, русская национальная кухня, концепт «еда», квас.

Культ еды и питья является значимым явлением в идиллии [1, с. 383], поэтому упоминание продуктов, блюд и напитков стало одной из наиболее ярких характеристик героев в романе И.А. Гончарова «Обломов». Культурно-ценностный аспект концепта «еда» в «Обломове» представлен довольно широко. В первую очередь это относится к описанию быта и распорядку дня в Обломовке и в доме вдовы Пшеницыной. «Забота о пище, – пишет Гончаров, – была первая и главная жизненная забота в Обломовке»: «Индейки и цыплята, назначаемые к именинам и другим торжественным дням, откармливались орехами; гусей лишали моциона, заставляли висеть в мешке неподвижно за несколько дней до праздника, чтоб они заплыли жиром. Какие запасы были там варений, солений, печений!» [2, т. 4, с. 110]. Не меньшее изобилие наблюдалось у Пшеницыной:

«В кладовой к потолку привешены были окорока <...> сыры, головы сахару, провесная рыба, мешки с сушеными грибами, купленными у чухонца орехами.

На полу стояли кадки масла, большие крытые корчаги с сметаной, корзины с яйцами – и чего-чего не было!» [Там же, с. 470].

По мнению исследователей, фамилия *Пшеницына* делает героиню «некоей русской Деметрой, вновь возвращающей Обломова в лоно первозданной природы. Аппетиты героя оказываются не девиацией нереализованного полового влечения, как можно подумать в начале романа, а скорее выражают характерное для него чувство. Прелести Агафьи Матвеевны пробуждают в Обломове вождление гурмана» [6, с. 32–33].

Предпочтения в еде и напитках в художественном произведении помогают глубже понять темперамент того или иного героя, объяснить его поведение и многое другое, скрытое от невнимательного читателя. Важно и то, насколько редки, изысканны и дороги или, напротив, традиционны и дешевы в приготовлении блюда и напитки, которым отдается предпочтение. Все это является средством характеристики каждого из героев, облегчает восприятие текста читателем.

Подобно костюму, интерьеру, подаваемые еда и напитки имеют в «Обломове» свой семиотический потенциал. Кухня в Обломовке и на Выборгской стороне изображается Гончаровым негативно. В целом, вероятно, и вся русская кухня оценивалась писателем как вредная, избыточная, лишенная умеренности и эстетики, именно так она характеризуется в «Письмах столичного друга к провинциальному жениху»: «А ты, неужели ты, и женившись, будешь руководствоваться необузданностью своего дикого, скифского вкуса в столе? Неужели будешь гордо отвергать всякие ученые поварские комбинации и продолжать есть целые жареные ребра, бараньи бока, огромные части мяса, точь-в-точь как герои “Илиады”? Всё ли станешь гоняться за количеством, а не за качеством блюд, допускать разные противозаконные смеси в пище: после ботвинья есть творог, запивать макароны квасом? обременять себя гусями и поросятами с начинкой из каши? Русский здоровый стол, скажешь ты. Русский – так, но здоровый ли? Отчего же этот отек у тебя в лице и это брюшко? Подумай об этом и хоть мешай русские блюда с французскими и немецкими, а некоторые совсем отмени» [2, т. 1, с. 491].

Из блюд, приготовлявшихся и в Обломовке, и у Пшеницыной, можно назвать пироги, суп с потрохами, цыплят, варенья. Однако в романе Гончарова неотъемлемой частью русской кухни является не только пища, но и квас – «русский напиток, из квашеной ржаной муки (сыровец) или из печеного хлеба с солодом» [3, т. 2, с. 102–103]. В России квас считается традиционным напитком, насчитывающим тысячелетнюю историю, славяне знали рецепты его изготовления задолго до Киевской Руси. Н. И. Костомаров отмечал, что «квас пили все – от царя до последнего крестьянина. Повсеместно в посадах можно было встретить и квасоварные заведения, и квасников, продающих квас в лавках и квасных кабаках. В монастырях квас был обычным питьем братии в будни» [4, с. 119]. В поваренных книгах рубежа XVIII–XIX веков в разделе «квас» упоминаются «красный квас» и «кислые шти» [7, с. 232–233]. В.И. Даль называет различные его виды: медовый, клюквенный, грушевый, яблочный [3, т. 2, с. 103]. В книге Е. Молоховец «Подарок молодым хозяйкам или средство к уменьшению расходов в домашнем хозяйстве», популярнейшем кулинарном справочнике, изданном в XIX в., приводится еще больше рецептов: квас белый; настоящий русский квас; старинный русский квас; квас боярский; петербургский квас; квас боварский; квас дешевый, экономический; квас хлебный московский; квас сухарный высший сорт; квас мартовский; квас рижский. Костомаров называет, кроме простого кваса (житного, приготовляемого из ячменного или ржаного солода), квасы медвяные и ягодные. Он отмечает, что качество медвяного кваса зависело от сорта и количества меда: «Для царей, например, собирали лучший мед во всем государстве на квас; такого же рода медвяные квасы делались в некоторых монастырях, имевших свои пчельники; и оттого медвяный квас в народе носил эпитет монастырского». Ягодный квас готовился так же, но с добавлением вишен, черемухи, малины, «у зажиточных людей он служил для угощения людей низшего звания» [4, с. 120].

Квас упоминается Гончаровым как одно из свидетельств изобилия в Обломовке: «Какие меды, какие квасы варились...» [2, т. 4, с. 110]. Этот традиционный напиток был неотъемлемой частью жизни в про-

винции, обломовцы, например, с помощью кваса пытались очнуться от всепоглощающего, ничем непобедимого послеобеденного сна: «А другой быстро, без всяких предварительных приготовлений, вскочит обеими ногами с своего ложа, как будто боясь потерять драгоценные минуты, схватит кружку с квасом и, подув на плавающих там мух, так, чтоб их отнесло к другому краю, отчего мухи, до тех пор неподвижные, сильно начинают шевелиться, в надежде на улучшение своего положения, промочит горло и потом падает опять на постель как подстреленный» [Там же, с. 112]; «Обед и сон рождали неутолимую жажду. Жажда палит горло; выпивается чашек по двенадцати чаю, но это не помогает: слышится оханье, стенанье; прибегают к брусничной, к грушевой воде, к квасу...» [Там же, с. 113]. Употреблению кваса в Обломовке вполне соответствуют слова, сказанные Пушкиным в «Евгении Онегине» о провинциальном быте Лариных: «Им квас как воздух был потребен».

И в Петербурге квас был обязательным напитком в доме Обломова. Во время ссоры с Захаром Илья Ильич, устав произносить «жалкие слова», трижды требует принести кваса. Комизм ситуации заключается, в том числе, и в резком переходе от патетики к обыденности: после возвышенных рассуждений о противопоставлении себя и «другого», когда «патетическая сцена гремела, как туча» [Там же, с. 92], над головой Захара, Обломов попросил принести даже не воды, а более чем приземленного напитка, кваса. Вздохи Обломова, размышляющего о своей судьбе и пытающегося разобраться в собственной жизни, после этой сцены Захар комментирует по-своему: «Эк его там с квасу-то раздувает!» В другом эпизоде, когда Захар безуспешно пытается разбудить Обломова, вновь звучит просьба принести кваса.

Квас настолько привычен в быту, что письмо из Обломовки написано как будто квасом, им же Захар собирает развести засохшие чернила. Но и он считает квас чем-то дешевым и доступным, символом бедной жизни. Называя соседского барина, у которого служит кучер, «некормленной клячей», он характеризует их жизнь так: «Срам посмотреть, как выезжаете со двора на бурой кобыле: точно нищие! Едите-то редьку с квасом» [Там же, с. 146]. Квас оказывается в ро-

мане Гончарова и социально маркированным напитком, средством характеристики материального достатка. Интересно, что во время Отечественной войны 1812 г., по свидетельству Л.Н. Толстого в романе «Война и мир», французам был известен квас, и они пренебрежительно называли его «lemonade de cochon (свиной лимонад)» [8, с. 412].

В доме вдовы Пшеницыной квас как напиток не упоминается, однако среди перечисления кулинарного изобилия встречается ботвинья – «холодная похлебка на квасу из отварной ботвы, луку, огурцов, рыбы» [3, т. 1, с. 120]. Пшеницына объясняет Обломову, любителю супа из потрохов, что они «теперь не хороши», зато есть свежая лососина, поэтому «ботвинье хоть каждый день можно готовить» [2, т. 4, с. 375]. Да и позднее ботвинье также присутствует в меню: «Суп с потрохами, макароны с пармезаном, кулебяка, ботвинье, свои цыплята...» [Там же, с. 471].

Вкусовые пристрастия Штольца и Ольги Ильинской Гончаров не комментирует. Штолец, увозя с собой Обломова, замечает: «Мы пообедаем где-нибудь на ходу...» [Там же, с. 170]. В доме Ильинских Обломову подают чай с сухарями, бисквитами, кренделями. Однако в сцене объяснения Обломова и Ольги после письма героя упоминается квас, и это не просто название распространенного русского напитка: в словах Ольги, особенно в контексте совета «ложитесь опять на спину», он обозначает не только нечто привычное, но и безопасное: «Пейте квас: не отравитесь...» [Там же, с. 259]. Это можно понимать как совет вернуться к обломовскому покою и рассматривать его как косвенный знак деградации героя.

Функции включения Гончаровым кваса в канву художественного произведения отчасти соответствуют пушкинской традиции, в «Евгении Онегине» это «свидетельство “национального” и “простонародного” быта Лариных: квас, напиток русской допетровской кухни, считался “необходимостью русского быта”» [5, с. 507]. Кроме того, «символический “квас” в быту Лариных был противопоставлен онегинскому “вину кометы”, “бордо” и “аи”»: Онегин и Татьяна в этом отношении оказывались обитателями двух разных культурных пространств» [Там же]. У Гончарова же упоминание кваса – это не только

одна из характеристик, имеющая социальную маркированность, это и характеристика определенного уклада русской жизни – обломовщины.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. 504 с.
2. Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 1–8. СПб.: Наука, 1997–2010.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб.: Диамант, 1996.
4. Костомаров Н. И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. М.: Экономика, 1993. 399 с.
5. Кошелев В. А., Семенова Ю. М. Квас // Онегинская энциклопедия: в 2 т. Т. 1. М.: Русский путь, 1999. С. 506–507.
6. Мэла Э. Леня Обломова: блеск и нищета утраченной полноты // Обломов: константы и переменные. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 30–38.
7. Осипов Н. П. Российский хозяйственный винокур, пивовар, медовар, водочной мастер, квасник, уксусник и погребник. Собрано из разных иностранных и российских сочинений и записок Н. О. СПб.: Во Граде С. Петра, при Имп. Акад. Наук, 1796. 296 с.
8. Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 20 т. Т. 6. М.: Худож. лит., 1962. 448 с.

СОМАТИЧЕСКИЕ РЕЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ТИПА В ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

О. Б. Власова

Статья посвящена соматическим речениям фразеологического типа. В центре внимания автора идиомы, генетически связанные с соматическими речениями, их тематические группы и грамматические особенности, а также фразеологические выражения соматического характера в аспекте их омонимии. В статье обоснована актуальность изучения подобного типа единиц на уроках русского языка для преодоления коммуникативных барьеров при восприятии устных и письменных текстов.

Ключевые слова: фразеологизм, фразеологический оборот, фразеологическое выражение, соматизм, соматическое речение, жест, мимика.

В русском языке, помимо лексического пласта слов фразеологической семантики [3], есть огромный массив собственно фразеологизмов. Без знания тех и других невозможны ни адекватная интерпретация чужого текста, ни эффективная реализация собственного коммуникативного замысла. Между тем школьники часто не опознают фразеологизмы, и, как следствие, смысл прочитанного или услышанного от них ускользает. Например, предлагая ученикам проанализировать синтаксические особенности сложноподчиненного предложения *Предстал, который человек с поспешностью возводит для своего изваяния, часто превращается в лобное место*, надо быть готовым к тому, что выражение *лобное место* будет воспринято буквально – в значении «лобная часть головы».

Причины того, что дети затрудняются с пониманием фразеологизмов, самые разные. Это омонимия фразеологизмов и свободных словосочетаний (*белая ворона*), наличие в их составе историзмов (*лобное место*) и архаизмов (*ничтоже сумняшеся*) и, конечно, разнообразие языковых единиц, относящихся к сфере фразеологии.

В эту категорию, помимо фразеологических сращений (*бить баклуши, зарубить на носу*), единств (*белая ворона, серая мышка*) и сочетаний (*золотая молодежь, желтая пресса*), некоторые лингвисты включают также и фразеологические выражения, то есть обороты, лишённые идиоматичности, но обладающие признаками воспроизводимости, устойчивости (постоянным лексическим составом и определённой семантикой) и состоящие из слов со свободным номинативным значением [4]. В их число включают пословицы, поговорки, афоризмы речевые штампы – устойчивые формулы типа *всего хорошего, до новых встреч, вопросительный знак, дом отдыха*, а также расщепленные сказуемые, например: *принести в жертву, сделать шаг, принять решение*.

В контексте разговора о лингвометодических проблемах фразеологии особого внимания заслуживают воспроизводимые *соматические речения* [2, с. 400], то есть языковые единицы, передающие соматизмы, иначе, вербальные реализации соматизмов, обладающие признаком воспроизводимости, например: *разводить руками, махнуть рукой, подать руку, поднять руку, пожать плечами* и т. п.

Отметим сразу, что Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров такие языковые единицы, несмотря на их воспроизводимость, фразеологизмами не считают, на основании их неполного соответствия категориальным признакам фразеологизмов [1; 2]. Во-первых, соматические речения лишены главного категориального признака фразеологизмов – цельности семантики – и представляют собой хотя и воспроизводимое, но лишённое единого лексического значения словосочетание [2, с. 414]. Во-вторых, воспроизводимые соматические речения, актуально отражая живую мимику и жестикуляцию, не только буквально называют жест, мимику, но и передают закрепленные за ними значения и связанные с ними эмоции: например: *поднять руку* – изменить положение руки для того, чтобы обратить на себя внимание или попросить слова; *опустить глаза* – изменить направление взгляда под влиянием чувства стыда и неловкости. Этой особенностью соматические речения явно отличаются от фразеологизмов идиоматического типа, которые, если и соотносятся со словосочетанием-прототипом, то исключительно генетически (*бить челом*) [Там же, с. 415].

Наконец, некоторые соматические речения, в отличие от фразеологизма, по мнению Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, не в полной мере обладают признаком устойчивости, в них возможны перестановки членов по отношению друг к другу. Это наблюдение исследователи иллюстрируют следующими примерами: он *махнул рукой* – его *рука* устало *махнула*, возможны также вариативные замены – *прятать, отводить, опускать, потуплять глаза (взгляд, взор, очи)* [Там же].

Развивая свою мысль об отличии воспроизводимых соматических речений от фразеологизмов, Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров говорят лишь об их возможной фразеологизации, и только при соответствии следующим условиям:

1) если жест, мимическое движение (соматизм) не употребляется, например, *бить челом*. В этом случае «...речение лишается прямого, прагматического значения, одновременно перенимая на себя значение жеста или мимики; передаваемое значение становится цельным, неделимым, лексическим...» [Там же, с. 415];

2) если в значении оборота развивается идиоматичность, то есть невыводимость значения из суммы значений составляющих, например: *рукой подать, заруби на носу* [Там же].

Как видим, вопрос о языковом статусе воспроизводимых соматических речений, по сути, является продолжением дискуссии о правомерности отнесения к фразеологизмам не только единств, срощений и сочетаний, но и фразеологических выражений.

Действительно, при внимательном рассмотрении примеров можно заметить, что соматические речения фразеологического типа, будучи воспроизводимыми и в большинстве своем устойчивыми единицами, соответствуют фразеологическим выражениям. И если фразеологические выражения относить к фразеологизмам, то и воспроизводимым устойчивым соматическим речениям в этом статусе отказывать нет причин.

Из этой логики, видимо, исходят и составители заданий ОГЭ и ЕГЭ. В заданиях, где требуется найти фразеологизм, постоянно встречаются не только идиомы, но и воспроизводимые устойчивые соматические речения типа *махнул рукой, поднял руку, пожал плечами, показывать пальцами, опустить руки, опустить глаза* и т. д.

Однако нахождение таких примеров и отождествление их с фразеологизмами вызывает у школьников затруднение именно по причине отсутствия у них идиоматичности. Привыкнув на уроках называть фразеологизмами только фразеологические единства и сращения (*бить баклуши, сесть в калошу, водить за нос, серая мышь*), человек внутренне не готов опознать как фразеологизмы обороты типа *поднять руку, махнуть рукой, опустить глаза*, отражающие действительный реальный жест или мимическую реакцию, даже если эти соматические речения связаны с передачей дополнительных значений или эмоций, мотивированных ритуальным, указательным или физиологическим соматизмом.

Очевидно, что для подготовки к таким заданиям нужно знакомить школьников со всеми типами фразеологизмов, не только с идиомами, но и с фразеологическими выражениями, лишенными идиоматичности.

Конечно, идиомы, генетически связанные с соматизмами, крайне важно рассмотреть прицельно и во всех подробностях. Заметим, что ассортимент таких оборотов несколько шире, чем указано в работе [Там же].

Помимо оборотов, называющих устаревший жест, то есть соматизм, который не употребляется в современном мире (*бить челом, рвать на себе волосы, заруби на носу*), можно выделить несколько других групп, в частности: обороты, называющие части тела, но не жест; обороты, называющие специфические жесты животных, но характеризующие поведение человека; обороты, называющие жесты, производимые с участием другого человека; обороты, содержащие устаревшие слова. Проиллюстрируем сказанное примерами.

Обороты, **называющие части тела, но не жест**, разнообразны по своим значениям, они называют ощущения: *руки чешутся*; эмоциональное состояние: *держат себя в руках, биться как рыба об лед*; движение не самого человека, а предметов или других людей: *выпускать из рук, из рук все валится, с руками оторвать*; действие, не являющееся жестом: *наложить на себя руки*.

Надо иметь в виду, что в таких случаях возможна омонимия идиомы, генетически связанной с фразеологизмом, и невспроизводимо-

го соматического речения, называющего актуальный механический жест, ср.:

– идиомы: *приложить руки* (что-то сделать), *поднимать руку* (бить);

– соматические речения: *приложить руки* (к стене), *поднимать руку* (кверху), *поднять руку* (просить слова).

Эта асимметрия знака и значения требует особого комментария, сопровождаемого развернутыми подробными иллюстрациями.

Обороты, называющие части тела, но не жест, разнообразны и в грамматическом отношении. Это могут быть конструкции с отрицанием: *рука не поднимется, рука не дрогнет, палец в рот не клади*; с глаголом в форме повелительного наклонения: *открой (раскрой) ему глаза, раскрой глаза (сам)*; неизменяемые конструкции с инфинитивом: *рукой подать*; конструкции с настоящим изобразительным: *рука руку моет*.

В языке много соматических речений фразеологического типа, генетически связанных с **жестами, исполняемыми животными** и характеризующими поведение человека только фигурально, например: *влиять хвостиком, поджечь хвост, насторожить ушки, ползать на брюхе, показать зубы, идти на поводу* и т. п.

К идиомам относятся, кроме того, обороты, называющие **механический жест, производимый вместе с другим человеком**. В этом случае также возможна омонимия идиомы, генетически связанной с фразеологизмом, и актуального соматического речения, называющего механический жест, ср.:

– *ударить по рукам* (договориться) – *ударить по рукам* (нанести удар);

– *запускать руки* (покуситься на чужую собственность) – *запускать руки* (в волосы, в кастрюлю);

– *садиться на шею* (вести паразитический образ жизни, манипулировать другим человеком в своих интересах) – *садиться на шею* (например, о мухе, комаре и т. п.);

– *бить по рукам* (наказывать за проступок) – *бить по рукам* (наносить удары);

– *развязать руки* (освободить от обязательств) – *развязать руки* (освободить руки от пут);

– *связать руки* (ограничить в действиях) – *связать руки* (ограничить движения рук путами);

– *из рук в руки* (непосредственно о передаче какого-либо предмета от одного человека к другому) – *из рук в руки* (о смене владельца вещи).

Наконец, признаком появления идиоматичности являются **устаревшие слова и формы** в составе фразеологизма: *не покладая рук, спустя рукава, сложа руки* и т. п.

Однако при изучении соматических речений фразеологического типа нельзя сосредоточиться только на идиомах, важно не упустить из виду и соматические речения, не обладающие идиоматичностью и буквально называющие исполняемый жест или мимическую реакцию. Работа с этими языковыми единицами требует особого внимания в силу их специфики.

Сложность в том, что фразеологические выражения этой группы могут называть совершенно разные соматизмы, причем иногда несколько одновременно. Так, одно речение может отражать, во-первых, собственно механический жест, лишенный смысловой нагрузки, во-вторых, коммуникативный соматизм с присущим ему ритуальным или указательным значением; в-третьих, физиологический жест и мимику, являющиеся симптомами душевных и физических состояний.

Например, выражение *держат руки по швам* передает физиологический жест, означающий готовность к подчинению, и механический жест, отражающий положение тела в пространстве.

Оборот *поднимать руку* передает жест, связанный с просьбой слова, а также описывает механическое перемещение руки, например, при необходимости достать книгу с верхней полки.

Выражение *протянул руку* используется, чтобы сказать об оказанной кем-то помощи, а кроме того, служит для вербальной фиксации ритуального жеста приветствия.

Фразеологическое выражение *махнуть рукой* используется в трех значениях: чтобы передать идею отказа от дальнейших попыток изменить ситуацию (эмоциональный жест), чтобы указать направле-

ние (указательный жест) и чтобы описать характерный механический жест (например, махнуть рукой, отгоняя комара).

Выражение *носить на руках* используется в значении «обожать, опекать, заботиться» и для обозначения буквального действия (например, носить на руках ребенка).

Сопоставление подобных примеров полезно не только при изучении фразеологии, но и для привлечения внимания к жестам и их речевой реализации – соматическим речениям.

Важно обратить внимание учащихся и на то, что к употреблению воспроизводимых соматических речений коммуниканты часто прибегают, даже если коммуникативный или физиологический соматизм не исполняется: одного упоминания жеста в речи достаточно, чтобы передать эмоцию персонажа или его коммуникативное намерение, которые традиционно связаны с этим жестом.

Не секрет, что вербальная коммуникация без соматизмов не обходится, и, не зная их значения, невозможно в полной мере ни выразить свою мысль так, как было задумано, ни понять собеседника.

Ровно так же невнимание к соматическим речениям приводит к непониманию текста, как художественного, так и публицистического, поскольку эмоциональное состояние персонажа часто характеризуется автором лишь только через упоминание жеста или мимической реакции.

Например, в известном тексте ЕГЭ про одинокую бабушку, забытую своими четырьмя взрослыми дочерьми, есть такой фрагмент:

(34)В воскресенье мама и папа стали объяснять, что им очень не хочется идти завтра в какую-то компанию, но не пойти они просто не могут. (35)И я в тон им с грустью сказал: «(36)А мне завтра придётся пойти в театр». (37)Бабушка стала поспешно искать что-то в сумке. (38)Тогда я вдруг неожиданно для самого себя произнес: «(39)Пойдём со мной, бабушка. (40)У меня есть лишний билет!» (41)Родители очень обрадовались. (42)Оказалось, что они и сами отравились бы со мной, потому что в детском театре взрослым всегда интересней, чем детям. (43)Они бы с удовольствием поменялись с бабушкой, если бы она могла вместо них пойти в ту компанию. (44)А бабушка ещё ниже склонилась над своей сумкой...

Вопросы *Что именно бабушка искала в сумке? Почему бабушка стала что-то искать в сумке?* ставят учеников в тупик и порождает немыслимые ответы: платок, зеркальце, не знаю и т. п. – другими словами, выявляет полную неспособность связать жест и эмоциональное состояние героини. Для предупреждения подобного рода коммуникативных провалов при чтении и при непосредственном общении крайне важно на уроках русского языка уделять внимание соматическим речениям вообще и устойчивым воспроизводимым соматическим речениям фразеологического типа в частности.

Список литературы

1. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Филологический подход к соматическому языку // Язык и речь как объекты комплексного филологического исследования: Межвуз. тематич. сб. Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1981. С. 42–82.
2. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. М.: Индрик, 2005. 1037 с.
3. Власова О. Б. Изучение внутренней формы слова в русской и иностранной аудитории // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2016. № 3. С. 233–238.
4. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. М.: Высш. шк., 1985. 160 с.

«ВОТ И ЛЕТО ПРОШЛО...». ТОСКА ПО ГОРНЕМУ АРСЕНИЯ ТАРКОВСКОГО

Н. В. Волкова

В статье рассматривается стихотворение Арсения Тарковского «Вот и лето прошло...» как один из ярчайших образцов духовного реализма в русской поэзии. Констатируется, что основные мотивы стихотворения строятся на скрытых библейских аллюзиях, выступающих как проявление органичной христианской религиозности поэтического «я» Тарковского.

Ключевые слова: Арсений Тарковский, духовный реализм, библейские мотивы, горнее.

Самый высший пилотаж – это сказать о Господе,
не называя Его имени.

Протоиерей Андрей Ткачев.

Сказать о Господе, не называя его имени.

О поэзии Арсения Тарковского

По историко-биографическим данным, стихотворение Арсения Александровича Тарковского (1907–1989) «Вот и лето прошло...» создано им на пороге своего 60-летия, впервые опубликовано в «Литературной газете» от 5 декабря 1965 года, а в 1969 году в составе книги «Вестник» [17, с. 312–313], в Собрании сочинений датировано 1967-м, юбилейным для поэта годом [13, с. 303] (последующее цитирование по этому источнику). По выборке «православного журнала для сомневающихся» под символическим названием «Фома», это стихотворение «сталкера русской поэзии», «одного из крупнейших поэтов-мыслителей XX века» – в списке миссионерского проекта «50 великих стихотворений», составляющих вершину русской религиозной лирики [1].

Мирское поверхностное прочтение этого поэтического шедевра может вызвать недоумение: что же тут «такого», религиозного, а тем более специфически христианского? Жизнь на закате, подступа-

ют осенние холода преклонных лет, в прошлом все было хорошо, но «этого мало»... И что?

Митрофорный протоиерей, проповедник и миссионер, телеведущий, прекрасный знаток не только церковной, но и мирской литературы Андрей Юрьевич Ткачев в одной из передач телеканала «Царьград» о христианской составляющей поэзии Тарковского сказал полемически заостренно: «Что важно <...> – он <Тарковский> говорит о Боге так, что за говорящего не стыдно. Самое пошлое в литературе о Боге – это прямые имена и прямые наставления. Есть масса религиозных поэтов, которые “долбят” тему Бога с такой настырностью и наглостью, как будто они снимаются в фильме “Шахтеры”. “Бог мой, Бог мой, я – твой, ты – мой...”, “Богородица моя, я – твоя...” – и так далее. Эта пошлятина, конечно, многомиллионно растиражирована». И далее – афористически точно, словами, которые вынесены в эпиграф данной статьи: «Самый высший пилотаж – это сказать о Господе, не называя Его имени» [14].

В 1979 году, в застойную атеистическую эпоху «Вот и лето прошло...» звучит в кинопритче сына поэта, режиссера Андрея Тарковского «Сталкер» – фильме с неофициальным статусом одного из лучших кинопроизведений «всех времен». Главный герой с прозвищным «говорящим» именем Сталкер – буквально «подкрадывающийся», символически «проводник к запретному, тайному» – ведет в Зону вполне по мирским меркам успешных, тоже притчево-условных Писателя и Профессора. Достигнутого земного благополучия сопровождаемым «мало», нужны новые и бóльшие личные успехи и заслуги перед человечеством. Во время остановки на опасном участке Сталкер вспоминает погибшего проводника, знаменитого сталкера по прозвищу Дикобраз. Жадный и беспринципный, Дикобраз некогда «подложил» Зоне, чтобы миновать опасность, своего брата: «– Сколько людей здесь погибло. И Дикобраз брата тут подложил. Такой был тонкий, талантливый. Вот послушайте: “Вот и лето прошло, словно и не бывало...” <...> Хорошо, правда? Это его стихи» [10]. Примечательно, что в киносценарии этой сцены – с чтением стихов – нет, только упоминание: «Сколько людей здесь погибло! И брат Дикобраза здесь погиб, синеглазый поэт... Такой милый мальчишка, кто бы мог подумать!» [12, с. 85].

Зачем Сталкер водит символическое человечество к прячущейся в глубине Зоны таинственной комнате, где могут исполняться желания, но только – «самые заветные желания, самые искренние, самые выстраданные...» [Там же, с. 91]? Зачем пошли к ней и дошли до нее Профессор и Писатель, если так и не решились в нее войти? Видимо, затем / потому, что их неосознанно вело что-то (интуиция? судьба? Промысл?), чтобы они приблизились к пониманию: не в том цель и смысл пути – по Зоне и по жизни вообще, чтобы сбывались придуманные самими людьми желания. А в чем? Ответ – в глубине стихотворения, что читает Сталкер: «Вот и лето прошло...».

Тарковский был религиозным человеком, причем, по воспоминаниям поэта Михаила Синельникова, «...был церковно религиозен, имел силу для молитвы, произнесенной словно бы со слезами на глазах. С мыслью и о русской судьбе...» [8.]. С. Митина вспоминает: «В религиозности А. А. – ничего показного: нательный крест никогда не виден, изредка, когда он в постели, в верхней части шеи заметен кусочек простого шнура от крестика. <...> Большой знаток Библии. Часто заглядывает в справочник по Библии – “Симфонию”. Иногда вкрапляет в речь непонятные для атеистов библейские изречения...» [4, с. 25]. Своим наставником в вере поэт называл академика Вернадского: «Вернадский развивал у меня теологическое мышление – для этого давал читать много книг, в том числе Павла Флоренского, Сергея Булгакова. Они и оказали на меня решающее влияние» [Там же].

Попытаемся и мы включить элементы «теологического мышления», чтобы войти в христианское измерение этого стихотворения.

В нем нет ни библейских имен, ни прецедентных паремий и фразеологизмов, ни скрытого цитирования, – однако ключевые для религиозного сознания темы неразрывности временного и вечного, человеческого и Божьего – отчетливо-вняты, так же как внятно, что Сталкер у Тарковского-сына – не «поганый гриб», как выразился Писатель, а секулярная версия человека-праведника – как бы от Бога юродивого, на современный лад блажного и блаженного.

Христианская основа стихотворения Тарковского, как и его поэтической философии в целом, просвечивает в семантике таких отдельных слов, которые на первый взгляд выступают как носители су-

губо секулярных, мирских значений и вроде бы лишены религиозного содержания. Однако секулярен лишь верхний семантический слой, под которым – библейские глубины смыслов.

Лето

Единственное словоупотребление существительного *лето* – в первой строке («Вот и лето прошло, / Словно и не бывало»), но это слово инициальное, в нем задается общая мотивная рамка времени человеческой жизни на ее исходе, на излете уже сбывшегося «только этого» – в движении к неизвестному: если «этого мало», – *куда дальше-то?*

Вот и лето прошло,
Словно и не бывало.
На пригреве тепло.
Только этого мало.

Содержание общей временной мотивной рамки «что было / что будет?» существенно шире прямого общеупотребительного значения сущ. *лето* («самое теплое время года между весной и осенью»), уходит корнями в церковнославянскую семантику, ср.: «**Лето**... вообще время; год...» [3, с. 291]. Отсюда прочтение: *лето* (= *время*) *прошло* > что *после* времени?

Течение времени в логике «что было / что будет?» – устойчивый библейский мотивный комплекс, в рамках которого человек и Божье – в противоречивой взаимосвязи.

С одной стороны, время Божьего Промысла о человеке несет ему изобилие даров, от человека – благодарение, ср. (в последующих цитатах полужирный курсив мой. – Н. В.): «Тебе, Боже, принадлежит хвала на Сионе... <...> Ты посещаешь землю и утоляешь жажду ее, обильно обогащаешь ее: поток Божий полон воды; Ты приготавливаешь хлеб, ибо так устроил ее; напояешь борозды ее, уравниваешь глыбы ее, размятчаешь ее каплями дождя, благословляешь произрастания ее; венчаешь **лето** благодати Твоей, и стези Твои источают тук...» (Пс 64: 2–12).

С другой стороны, антропное время истощает человека, в особенности если он небрежет даром, если дела его неразумны, пробуждают гнев Божий: «Истоцилась в печали жизнь моя и **лета** мои в стенаниях; изнемогла от грехов моих сила моя, и кости мои иссохли» (Пс 30: 11), «Ты возвращаешь человека в тление... <...> Ибо пред очами

Твоими тысяча лет, как день вчерашний, когда он прошел, и как стража в ночи. Ты *как* наводнением уносишь их; они – *как* сон, как трава, которая утром вырастает, утром цветет и зеленеет, вечером подсекается и засыхает... <...> Все дни наши прошли во гневе Твоем; мы тераем *лета* наши, как звук» (Пс 89: 4–9).

Мало

Извечное, библейское противоречие – благодарение за дар и неискупленное небрежение дарованным – семантическое ядро стихотворения. Повторяющаяся финальная строка «Только этого мало» в контексте целого воспринимается как сожаление о неразрешенности противоречия, а значит, и о незавершенности земного призвания, когда, по слову пророков, земные блага остаются («И оставят все хищным птицам на горах и зверям полевым; и птицы будут проводить там *лето*, а все звери полевые будут зимовать там» (Ис 18: 6)), а человек, не завершив своего дела, уйдет («Прошла жатва, кончилось *лето*, а мы не спасены» (Иер 8: 20)). «Этого мало», но *лето* – время человеческой жизни – «прошло», кончилось.

«Этого мало» – беспокойный рефрен, звучащий уверенным ожиданием воздаяния – в вечной Жизни, по устойчивому в лирике Тарковского мотиву бессмертия, особенно наглядному в цикле «Жизнь, жизнь» (1965):

Предчувствиям не верю, и примет
Я не боюсь. Ни клеветы, ни яда
Я не бегу. На свете смерти нет.
Бессмертны все. Бессмертно все. Не надо
Бояться смерти ни в семнадцать лет,
Ни в семьдесят. Есть только явь и свет,
Ни тьмы, ни смерти нет на этом свете.
Мы все уже на берегу морском,
И я из тех, кто выбирает сети,
Когда идет бессмертье косяком [13, с. 242].

Эти строки появились в том же 1965-м году, что и «Вот и лето прошло...», в семантическом вопросно-ответном ассонансе с ним: «...этого мало» – лишь здесь, во времени, а в другом измерении бытия, в вечности, соединяющей земное и небесное, – иначе: «Мне моего

бессмертия довольно...» [Там же, с. 243]. По книге Иова: «Если же ты взыщешь Бога и помолишься Вседержителю, и если ты чист и прав, то Он ныне же встанет над тобою и умиротворит жилище правды твоей. И если вначале у тебя было *мало*, то впоследствии будет весьма *много*» (Иов 8: 5–7). «Много» – это полнота бытия, достигаемая, если взор еще при земной жизни переводится с брэнного на вечное, горнее.

Рука праведника

«Все, что сбыться могло, / Мне, как лист пятипалый, / Прямо в руки легло...». Рука дающая («лист пятипалый») и рука принимающая («мне <...> в руки легло»). Эти образы ассоциируются с так называемой «ладонью праведника», которая традиционна для русской иконографии. Праведные люди изображаются с характерным жестом: открытой ладонью, обращенной к молящимся. Праведный человек – человек правды – открыт для людей, в нем нет никакого лукавства, никакой тайной злой мысли или чувства. Такими были, например, святые князья Борис и Глеб. С раскрытой ладонью изображен и праведный Феодор Ушаков, который отличался исключительной честностью и открытостью души.

Мотив открытой руки и в цикле «Жизнь, жизнь»: «...И если я приподымаю руку, / Все пять лучей останутся у вас...» [Там же]. Лирический герой здесь – как благословляющий, как праведник, – не в специфически церковном значении («**Праведник**... Святой, прославившийся своими **подвигами** и святостью жизни в **миру**...»), но в общехристианском смысле «человек, верный Богу...» [9, с. 298]. Этот образ может показаться самонадеянным, но ср. слова псалмопевца: «Господи! кто может пребывать в жилище Твоем? кто может обитать на святой горе Твоей? Тот, кто ходит непорочно и делает правду, и говорит истину в сердце своем...» (Пс 14: 1–2). По Евангелию, характерная примета праведного человека в том, что он предстоит пред Богом в простоте и открытости души, не думая, как выглядит в глазах людей, поскольку понимает, что его праведность – не его заслуга, а Божия, ср. богословский комментарий к чтению соответствующих стихов Евангелия: «Святой свят не своею, оторванной от Бога “святостью”, но исполнен святостью Духа Святого, она, если он стяжает ее, и освящает его, и делает его святым. Точно так же обстоит дело и с

праведностью. Праведным человек может являться, только поскольку Господь уделил ему, человеку, иметь возможность исполнить Закон Божий. Причем праведность человеческая, в отличие от праведности и святости Бога, имеет и еще одно существенное отличие: праведник является таковым только по сравнению с людьми своего поколения» [Стеняев].

Крыло / крылья

«Жизнь брала под крыло, / Берегла и спасала, / Мне и вправду везло». Трудно воспринимать эти строки иначе как прямую отсылку к знаменитому 90-му псалму «Живый в помощи Вышняго...».

Святоотеческое разъяснение о псалме: «Пророк показывает неизреченную пользу от упования на Бога и неизмеримое обилие благ, тающихся в нем. Тайноводствуемые Христом побеждают невидимых врагов...» [15, с. 437]. Стихи псалма, непосредственно соотносящиеся со строками Тарковского: «Он <Господь> избавит тебя от сети ловца, от губительной язвы, перьями Своими осенит тебя, и под крыльями Его будешь безопасен; щит и ограждение – истина Его» (Пс 90: 3–4). Еще лучше на церковнославянском: «...плещма Своима осенит тя, и под криле его надеешься: оружием обыдет тя истина Его».

Дерево

«Листьев не обожгло, / Веток не обломало... / День промыт, как стекло...».

Растительные образы в поэзии Тарковского – сквозные, встречаются на протяжении всего творческого пути. Н. Резниченко: «Поэт либо прямо отождествляет себя в объектами из мира флоры <...> либо по собственному желанию превращается в них <...> либо проходит выучку в “школе растений”, постигая язык травы и вековую мудрость деревьев...» [7, с. 100]. Так и в стихотворении «Вот и лето прошло...» лирический герой Тарковского отождествляет себя с деревом.

Ближайшая евангельская ассоциация – **древо жизни**. Из Откровения: «Блаженны те, которые соблюдают заповеди Его, чтобы иметь им право на **древо жизни** и войти в город воротами» (Откр 22: 14).

Дальнейшая ассоциация – **мировое древо**, как символ общечеловеческий, мировая культурная универсалия, с которой связано представление о единстве мира. В.Н. Топоров: «**Древо мировое**... (“кос-

мическое” древо), характерный для мифопоэтического сознания образ, воплощающий универсальную концепцию мира. Образ Д. м. зафиксирован практически повсеместно или в чистом виде, или в вариантах <...> – “древо жизни”, “древо плодородия”, “древо центра”, “древо восхождения”, “небесное древо”, “шаманское древо”, “мистическое древо”, “древо познания” и т. п.; более редкие варианты: “древо смерти”, “древо зла”, “древо нисхождения”. С помощью этого образа «воедино сводятся общие бинарные смысловые противопоставления, служащие для описания основных параметров мира» [16, с. 398].

Мировое древо – это ось и символ мироздания, модель самого мироустройства. Образ человека как древа / дерева у Тарковского несет «мысль о единстве микрокосмоса и макрокосмоса, человека и Вселенной...» [2, с. 122]. Лирический герой, отождествляемый до полного слияния с деревом, оказывается центром мироздания. Явный антропоцентризм и скрытый теоцентризм лирики Тарковского оказываются в синергичной взаимосвязи, как и в Православии в целом.

Подведём итоги.

«Вот и лето прошло...» – блестящий образец поэзии **духовного реализма**, отражающего, по определению В.А. Редькина, «жизнь духа»: «Духовный реализм предполагает православный тип мировосприятия художника и соответствующую систему ценностей. <...> Православное мировосприятие может проявляться в произведениях на самые разнообразные темы: войны и мира, революции и реформ, личной судьбы и судьбы народа, семейной и общественной жизни, человека и природы, человека и космоса. При этом художественный мир произведения выстраивается на основе православной системе и иерархии ценностей и оценок» [6, с. 73]. И далее: «Следует отметить мощную традицию православного мировосприятия, свойственную русской литературе, и её интертекстуальность в отношении Священного Писания. Только обращаясь к этим проблемам, можно всесторонне проанализировать основные тенденции литературного процесса и проникнуть в глубину художественного текста. У ряда писателей главные ценности из мира внешнего, социального перемещаются во внутренний мир человека. Эти ценности не всегда доступны рациональному сознанию. Этим и привлекает к себе внимание творчество И. Шмелёва и Б. Зайцева,

В. Шишкова и Н. Гумилева, А. Ахматовой, Н. Тряпкина, В. Крупина и Ю. Кузнецова. В глубине их строки явно ошутим мерцающий и непостижимый смысл бытия» [Там же, с. 76]. В этом ряду одно из достойнейших мест принадлежит и Арсению Александровичу Тарковскому.

Тоска по горнему, по истинной цели земного существования, которая превыше земного, – в такой суммарной формулировке представляется возможным выразить ключевой пафос стихотворения.

В чем заключается истинная цель жизни христианина? Та цель, по достижении которой можно будет сказать: *Господи, этого не мало, этого достаточно...* Серафим Саровский: «Истинная же цель жизни нашей христианской состоит в стяжании Духа Святаго Божьяго. Пост же и бдение, и молитва, и милостыня, и всякое Христа ради делаемое доброе дело суть средства для стяжания Святаго Духа Божьяго» [5, с. 170]. Земные дары преходящи. По слову Экклезиаста, «...и зацветет миндаль, и отяжелеет кузнечик, и рассыплется каперс. Ибо отходит человек в вечный дом свой, и готовы окружить его по улице плакальщицы; – доколе не порвалась серебряная цепочка, и не разорвалась золотая повязка, и не разбился кувшин у источника, и не обрушилось колесо над колодезем. И возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратился к Богу, Который дал его» (Еккл 12: 5–7). И удовлетворится *тоска по горнему...*

Список литературы

1. 50 великих стихотворений [Электронный ресурс] // Журнал «Фома». URL: <https://foma.ru/tag/50-velikih-stihotvoreniy> (дата обращения: 24.08.2019).
2. Волков В. В. Основы филологии. Антропоцентризм, языковая личность и прагмастистика текста: Курс лекций. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2013. 147 с.
3. Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. М.: Изд. отдел Моск. патриархата, 1993. 1120 с.
4. Митина С. Из бесед с Арсением Тарковским // Искусство кино. 1992. № 10. С. 18–32.
5. Преподобный Серафим Саровский. Стяжание Духа Святого. М.: Ин-т русской цивилизации: Родная страна, 2014. 480 с.

6. Редькин В. А. Духовный реализм как художественный метод современной литературы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2018. № 1. С. 71–78.
7. Резниченко Н. «От земли до высокой звезды»: Мифопоэтика Арсения Тарковского. Нежин; Киев: Издатель Н. М. Лысенко, 2014. 272 с.
8. Синельников М. Три стихотворения (о Тарковском). Восточные переводы [Электронный ресурс] // Журнальный зал. Дружба народов. 1997. № 6. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/1997/6/venok-arseniyu-tarkovskomu.html> (дата обращения: 12.10.2019).
9. Складаревская Г. Н. Словарь православной церковной культуры. М.: Астрель: АСТ, 2008. 447 с.
10. Сталкер (1979) [Электронный ресурс] / Сценарий: А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий, А. А. Тарковский; режиссер А. А. Тарковский. М.: Мосфильм. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/43970/> (дата обращения: 05.09.2019).
11. Стеняев О., прот. «Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно». Читаем Евангелие от Матфея. 6: 1–8 [Электронный ресурс] // Православие.ru. URL: <https://pravoslavie.ru/96073.html> (дата обращения: 24.08.2019).
12. Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Сталкер (Пикник на обочине) // Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Пять ложек Эликсира: Избранные сценарии. М.: Наука, 1990. С. 57–93.
13. Тарковский А. А. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1: Стихотворения. М.: Худож. лит., 1991. 462 с.
14. Ткачев А., прот. Сказать о Господе, не называя его имени. О поэзии Арсения Тарковского [Электронный ресурс] // Православие.ru. URL: <https://pravoslavie.ru/98996.html> (дата обращения: 13.10.2019).
15. Толковая Псалтирь. В святоотеческом изъяснении с подстрочным комментарием. М.: Эксмо, 2017. 752 с.
16. Топоров В. Н. Древо мировое // Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. Т. 1. М.: Сов. энциклопедия, 1987. С. 398–406.
17. Филимонов В. П. Арсений Тарковский: Человек уходящего лета. М.: Молодая гвардия, 2015. 420 с.

ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА ТВЕРСКИХ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВЫХ ДОКУМЕНТОВ XVII ВЕКА

Т. В. Габлина

В статье рассматриваются жанровые особенности официально-деловых документов XVII века, определяется зависимость структуры от целевого назначения делового текста, выявляются устойчивые формулы делопроизводственной практики.

Ключевые слова: деловой текст, национальный язык, норма, жанр, структура, клаузула.

Вторая половина XVII – первая половина XVIII века занимает особое место в истории русского языка – это время формирования русского национального языка. Становление языка происходило на основе устного разговорного фонда общенародного характера, обширной письменности делового содержания и, в известной мере, элементов церковнославянского языка. Поскольку бывшее состояние русской разговорной стихии получало отражение в письменности делового содержания, значение ее для исследования и устной разговорной речи, и литературного языка является ключевым.

Предназначенные для административно-хозяйственной, правовой деятельности и неофициального общения, все материалы писались достаточно свободно людьми, неплохо владеющими нормами делового изложения. Следование правописной выучке было необходимым условием при написании различного рода документов, поскольку деловая письменность являлась государственно-административной практикой. В такой перспективе отношение к языковому знаку воспринималось как к элементу, обеспечивающему юридическую силу. В период разнообразных преобразований, затронувших в XVII веке все сферы человеческой деятельности, деловая письменность становится предметом общественного внимания.

В языке деловой письменности, которая обслуживала особенно актуальные потребности общества, вырабатывались такие возможности общерусского общения, прежде всего лексические и жанрово-стилистические, что язык указанной письменности становился важнейшим объединительным фактором в начальную форму формирования русского национального языка. Таким широким диапазоном связей с иными факторами национального лингвистического развития не обладали ни церковнославянский, ни народно-разговорный язык, потому формирование литературных норм в это время определялось главным образом влиянием языка деловой письменности. Деловой язык стал той сферой общения, которая оказала решающее воздействие на становление русского литературного языка начального периода.

Система делопроизводства Московской Руси начала складываться в XVII веке. В это время нормы, сформировавшиеся в приказных учреждениях столицы, получают широкое распространение по всей русской территории.

Одним из важнейших аспектов исследования проблем исторической лингвистики является изучение деловой письменности со стороны ее жанрово-функциональной принадлежности.

Каждый памятник представляет собой совокупность определенных композиционных и лингвистических данных, свойственных тому или иному виду (или жанру), а также совокупность языковых особенностей, характеризующих правописную выучку и речевой уклад пишущего.

Приказно-деловая письменность была полифункциональна, она обслуживала самые разнообразные потребности общества – от сферы законодательства и межгосударственных отношений до частно-деловых и хозяйственно-бытовых отношений (включая сюда также семейную и дружескую переписку). Это свидетельствует о том, что деловая письменность XVII–XVIII вв. неоднородна по жанровым характеристикам.

Проблема жанровой классификации, связанная с выяснением лингвистической ценности бумаг, до сих пор не нашла своего разрешения.

Работа по разграничению памятников письменности затруднена еще из-за огромного скопления их в архивах страны, многие документы которых не исследованы в плане языка.

До настоящего времени еще не выработаны основные критерии классификации деловых памятников, опираясь на которые, исследователи могли бы безошибочно отбирать наиболее важные материалы с целью получения из них необходимых сведений для познания исторического развития русского языка.

Сложность классификации актов заключается в том, что в деловой письменности XVII–XVIII вв. одна и та же разновидность документа могла использоваться в разных целях, один акт мог включать элементы другого, одно и то же лицо могло выступать в области общегосударственных и частных отношений.

Деловая бумага – это текст, имеющий своего создателя, который внес в него индивидуальное начало, проявившееся в языке. Писцы периферийных канцелярий нередко отражали те особенности языка, которые были свойственны той или иной территории.

В языке деловой письменности отмечаются помимо общерусских норм, свойственных документам всех речевых центров Московского государства, местные нормы, которые достаточно устойчиво сохранялись на периферии. Поэтому употребление языковых единиц в памятниках во многом зависело от жанра, локальной отнесенности и целевого назначения документа.

На рубеже XVII–XVIII вв. происходит обособление эпистолярного письма из состава деловой документации. Процесс конкретизации признаков жанров был связан с общим процессом стилиобразования русского языка, а в целом – с формированием русского литературного языка.

Жанровая природа тверских памятников, как и в целом жанровая система документов, обусловлена во многом служебным характером текстов. Деловые документы, послужившие источниками для исследования, относятся к XVII веку. Все документы этого периода написаны скорописным письмом, предназначавшимся в первую очередь для написания деловых бумаг. В графике много сокращений, выносных букв, наблюдается вариантность в начертании одних и тех же

письменных знаков, нечеткое отражение мягкости согласных (*селцо, провинциалную, денги*), непроставленность *-ѣ* в конце слов, заканчивающихся согласным звуком (*принят, водвор*), непоследовательное написание прописных букв, вынос согласных в середине слова, титла.

Каждый вид деловых бумаг составляли по определенным правилам, писцы следовали твердо установленному порядку изложения, пользовались сложившимся именно в данном виде бумаг набором юридических и делопроизводственных формул. С образованием этих формул было связано постепенное формирование в их составе своего рода средств, организованных в определенные синтаксические конструкции.

В структуре деловых памятников исследователи выделяют формуляр (то есть количество и порядок составных частей текста).

Строение формуляра определяется клаузульной организацией текста. Под клаузулой понимают синтаксическую композицию отрывка делового письма [2, с. 51]. В лингвистике такие конструкции носят название формул.

В формуляре документа выделяется начальная клаузула, основная и заключительная. Но сами клаузулы могут иметь и более сложную структуру.

Все документы Тверского края официально-делового характера строятся по определенной композиции: зачин с указанием оснований делопроизводственного акта или лица, которому направлено прошение; основная часть с описанием правовых действий или предметов обсуждения; концовка с указанием лица, писавшего документы, и лиц, присутствующих при написании бумаги.

Среди памятников официально-делового характера выделяются материалы текущего делопроизводства, представленные жанром **книг**. Общее название книги содержит указание на характер содержащихся в ней записей.

Поскольку российская казна постоянно нуждалась в притоке денежных средств, то налоговые сборы было принято оформлять в многочисленных **приходо-расходных** книгах. Так, в приходо-расходной книге Бежецкой воеводской канцелярии содержатся записи, которые отражают уплату налогов, штрафов, повинностей. В таких докумен-

тах дается точное указание на лицо, уплатившее налог, количество принятых средств, время получения и объект, облагаемый налогом, а также лицо, принявшее деньги: «Бежецкого уезду Верховского стану с вотчины столника Ивана Матвеева сына Маслова канцелярского збору с мельницы <...> девять копеек» [1, с. 2]. Концовка принятия средств содержит формулы, традиционные для данного вида документов.

К группе официально-деловых текстов принадлежат **выписи**, которые составлены по материалам межевых, мерных, писцовых книг и др. документов, локализованных на тверской территории. Как вид актовых текстов выписи были важными юридическими документами, которые подтверждали право владения поместьями или вотчинными землями. В структуре выписей выделяются формулы начального протокола, основная часть и конечный протокол.

Формула начального протокола включает: 1) название документа, на основе которого составлена выписка; 2) локализацию, указывающую на территориальную обусловленность межевания; 3) указание на личность писца (писцов) и межевщиков; 4) хронологическую поправку; 5) устойчивое сочетание: «в межах написано».

Н.: «выпись с книгъ Кашинского уезда Жабенского статус межеванья столника Никиты Прохоровича Милюкова да подячего Федора Чернцова нынешнего 19 октября въ 15 м в межах написано...» [3, с. 3].

В основной части выписей определяется землевладение, указывается владелец земли, включая название населенного пункта, перечисляются межевые знаки: «Межа вотчины Калязина <...> да ис Кашина Успенского собору <...> по обе стороны ее две ямы <...> и от столба з гранью...» [Там же, с. 6–7].

Конечный протокол указывает на лиц, принимавших участие в межевании, а также на адресата: «...на межеванье были столника Савы Васильева (сына Сектова человекъ Петруйка Яковлевъ да Колязина) митря слушка Петруйка Яйцовъ да села Ляхова старожилы крестьяне» [Там же, с. 21].

Жанр документа и целевое назначение определяет его структуру. Например, окладные книги, фиксирующие сбор налогов с объектов, находящихся в личном пользовании лица, оформлялись по опреде-

ленному стандарту. Текст таких книг напоминает современную табличную запись и представлен двумя столбцами. В левом столбце указывается содержание обложения (столбец «Оклад»), в правом сообщается сумма налога (столбец «Взято»), например:

Оклад	Взято
С рыбных ловель	Принято во вторую треть
Помещика Романа	Семенова сполна

Такие книги содержат записи определенного года, что в целом характерно для информационной и правовой функции делового текста. Приемы построения текстов отражают традиции оформления делопроизводственных бумаг, соответствуя как жанру, так и целевому назначению.

Система жанров тверской деловой письменности, как и в целом в Московском государстве XVII века, подчинена практическим деловым потребностям. Отражение различных сторон социально-экономической жизни жителей Тверского уезда обусловило вид и название делового текста. Тверские делопроизводители при оформлении деловой бумаги соблюдали строгую последовательность в расположении материала, но, учитывая характер изложения, могли давать документам иное наименование.

В соответствии со структурой в формулярах документов выделяются устойчивые формы и сочетания: *в переписных книгах написано, руку приложил* и др. Введение в текст документа формульных выражений было необходимым условием, позволяющим словесно закреплять правовые отношения, формировавшиеся в практике делопроизводства.

Начальный этап формирования русского национального языка становится существенной вехой в развитии официально-делового письма. В официально-деловых текстах складываются структурные и композиционные признаки делового текста, устойчивые формулы и информационные материалы. Правила и нормы оформления деловых бумаг, традиции, вырабатываемые практикой делопроизводства, языковой и структурный отбор заложили основы для формирования особого официально-делового стиля в системе формирующихся функциональных возможностей русского языка.

Список литературы

1. Бондарчук Н.С., Кузнецова Р.Д. Тверская деловая письменность XVII–XVIII вв. / Калининский гос. ун-т. Калинин, 1986. 78 с.
2. Дерягин В. Я. К вопросу об индивидуальном и традиционном в деловой письменности // Русский язык: источники для его изучения. М.: Наука, 1971. С. 51–189.
3. Макарова И.Е. Тверская деловая письменность XVII–XVIII вв.: Выписи из писцовых, межевых, мерных книг и пожалованных грамот Колязинского, Краснохолмского Антониева монастырей / Тверской гос. ун-т. Тверь, 1997. 82 с.

ОТРАЖЕНИЕ ПРАСЛАВЯНСКОГО ЛЕКСИЧЕСКОГО ФОНДА В СОСТАВЕ ТВЕРСКОЙ ЛЕКСИКИ

И. М. Ганжина

В статье рассматривается этимологическая история некоторых лексических диалектизмов с затемненной внутренней формой в говорах Тверской области. Сделана попытка выявить мотивационные характеристики слов путем проникновения в их внутреннюю форму, проследить их семантические связи с однокоренными лексемами в других славянских и индоевропейских языках. Анализируются историко-семантические преобразования, которые имели место при возникновении производных значений, в результате которых возникли новые слова, конкретизирующие в диалектах признаки, явления, действия и предметы.

Ключевые слова: этимология, лексема, диалект, праславянский язык, индоевропейские языки, предикативно-характеризующее значение, внутренняя форма, мотивация.

В лексической системе тверских говоров, зоне активных языковых контактов, проходящих с древнейших времен до настоящего времени, имеется значительный слой разнородных по происхождению элементов – субстратных, с одной стороны, и архаических славянских, с другой, которые иногда трудно различимы, так как содержат в своем составе «омертвевшие» в словообразовательном отношении компоненты. При этом в составе тверской лексики содержатся отсутствующие в других русских говорах слова, представляющие значительный интерес в плане определения историко-этимологических связей с другими языками и диалектами, а также в плане установления путей проникновения на территорию тверских земель.

Однако этимологическому изучению тверских говоров до сих пор уделялось крайне мало внимания, имеются лишь отдельные статьи и замечания. Так, Н. С. Бондарчук, говоря о географии северно-русских

диалектных лексем, обозначающих участки землевладения и землепользования (по письменным памятникам XIV – начала XVII вв.) в плане обнаружения в них результатов развития славянских языков и их диалектов из общего языка-источника или параллельного типологически сходного развития, анализирует в том числе документы тверских и костромских земель [1]. Статья С. А. Мызникова посвящена этимологии нескольких лексем молодежских говоров [5].

Между тем исследование этимологии тверских говоров (как и любых других), сравнение лексики разных русских территорий, сопоставление её с соответствующей лексикой других славянских и – глубже – индоевропейских языков полезно для понимания исторических судеб развития русской диалектной лексики, её ареальных связей, особенностей номинации, семантического развития и словообразовательной дистрибуции. Лексические параллели, общие в плане содержания, с некоторыми семантическими и структурными расхождениями периферийного характера, являются той опорой, которая поддерживает единство русского языка, существующего в многочисленных диалектах. Носители русского языка должны знать их как необходимую составную часть народной культуры.

Объектом нашего исследования являются зафиксированные в «Материалах для словаря народных говоров Калининской области» [3] производные имена существительные с переносным предикативно-характеризующим значением, имеющие неясную внутреннюю форму. Многие из этих слов восходят к праславянскому лексическому фонду и имеют общий корень, однако их мотивационная характеристика нередко отличается от однокоренных лексем в других славянских языках.

Привлечение для анализа широкого лексического фона, учет этимологических связей и географического распространения соответствующих лексем, возможности переносных значений позволяют установить развитие значений слов в тверских говорах, восстановить целые цепочки семантических изменений. Такой комплексный подход даёт возможность проникнуть более глубоко во внутреннюю форму слов, проследить их семантические связи в древний период, а сопоставления с данными славянских, а порой и неславянских языков дают возможность установить истоки народных нравственно-эстетических представлений.

Попробуем на ряде примеров показать, как этимологически восходящие к одному праславянскому корню лексемы с затемненной внутренней формой на каком-то этапе развития расходились и как могла происходить актуализация одной из граней значения исходного корня, какие семантические преобразования имели место при возникновении производных значений.

КОВЕРЗЕНЬ «бойкий человек, шалун»;

ВИРА «пустозвон, пустомеля»;

ИВЕРЕНЬ «торопыга, кто всегда спешит»;

ВАРЛЫГА «лентяй, бездельник, праздный шатун»;

ВАРАХОБА «бездельник»

В русских говорах Севера и Северо-Запада выделяется целая группа слов, объединённых семантическим признаком «сплетённое, свитое» и древнейшим корнем **ver-*. В данную группу включаются наименования обуви, корзин, сетей, изгороди и т.п. На наш взгляд, следует учитывать также вторичные значения типа «сплетни», «сплетник», «пустой, никчёмный человек» и др. Корень *ver-* имеет варианты, этимологически обусловленные меной гласных: *вер-*, *вир-*, *вор-*, *вр-*, а также расширителями в виде согласных: **g*, **z*, **d*, **t*. Глаголы *вирать*, *верать*, *вереть* известны в разных северных говорах в значениях «плести лапти, корзины, сети и т. п.», «чинить плетёную обувь», «сшивать полотнища сетей», «кое-как плести, делать что-либо» [8, т. 4, с. 120, 292; 6, т. 1, с. 127; 7, т. 1, с. 112]. В русских говорах Карелии отмечены также переносные значения глагола *вирать*: «выдумывать, сочинять», «лгать, говорить неправду», отсюда семантически вторичные именные образования на территории Карелии: *вираница* «выдумка, небылица», *виралка* «лгунья», *вираш* «лгун» [7, т. 1, с. 112]. На наш взгляд, это гнездо переносных образований можно дополнить тверским словом *вира* «пустозвон, пустомеля».

Того же корня еще одно тверское существительное – *коверзень* – «бойкий человек, шалун», сохранившее в своём составе древнюю приставку *ко-*. Об этом свидетельствуют диалектные беспрефиксные образования с тем же корнем: *верзни* во многих северных говорах – «лапти» [8, т. 4, с. 146] от *верзать*, *верзить* «вязать», родственно финскому *virzi*

«лапоть» [9, т. 1, с. 299], отсюда и собственно русское *верзила* [11, с. 75]. Переносное значение глагола *верзить* «нести чушь, лгать» (ср.: *плести* в значении «обманывать») – с этим же значением глагол встречается и в украинском и белорусском языках. В диалектах отмечены и приставочные образования с тем же корнем: в новгородских говорах *каверз-ни* «сапоги / башмаки, сплетённые из бересты» [6, т. 4, с. 64], в псковских и некоторых тверских *коверзень* «лапоть» [8, т. 14, с. 30]. Как отмечают исследователи, префикс *ка-* / *ко-* имел оттенок пренебрежения; «глагольная лексика с *ко-* и *ка-* имеет преимущественно вторичную семантику» [4, с. 152]. Ср.: *кавирзать* «городить, путать, дурно писать, бить, колотить» в смоленских говорах, *коверзить* «сплетничать; шалить, проказничать, бедокурить» в псковских и тверских; *кавярзаць* «небрежно делать» в белорусских диалектах [12, т. 12, с. 19].

Полагаем, что развитие переносного значения произошло еще в исходных глаголах *вирать*, *верать*, *верзать*, *коверить*, *коверзать* следующим образом: «плести» → «плести небрежно» → «делать что-л. небрежно» → «болтать языком во время выполняемой работы» → «передразнивать, кривляться» → «вести себя плохо»; от разных переносных значений и произошли тверские существительные *коверзень* «бойкий человек, шалун», *вира* «пустозвон, пустомеля».

Видимо, в эту группу входят и другие лексемы: *иверень* «торопыга, кто всегда спешит», *варлыга* «лентяй, бездельник, праздный шатун», *варахоба* «бездельник».

Такой комплексный анализ лексико-семантической группы, содержащей признак «плетёное, витое, вязаное», позволяет увидеть четкие семантические связи между словами с затемненным для современного состояния языка морфемным составом. Представленный материал свидетельствует о сохранении архаических образований и значений с корнями *вир-*, *вар-*, *вер-*, *верз-* в тверских говорах, а также в говорах севера и северо-запада России и в ряде славянских языков.

Нахождение производящей с исторической точки зрения основы часто помогает осознать первоначальное значение лексемы, а также по-новому подойти к рассмотрению слов, которые раньше были однокоренными и, следовательно, имели общий элемент семантики.

БАХИРЬ «рассказчик»; **БАХОРА** «хвастун»

Глагол *бахорить* во многих русских говорах употребляется в значении «говорить; весело говорить; много говорить; болтать» [8, т. 2, с. 156]. Сходные глаголы отмечены и во многих других славянских языках: сербохорв. *băxoriti* «колдовать», словен. *bahati* «хвастать», *bahoriti* «колдовать», чеш. *bachořiti* «болтать» и т. д. [9, т. 1, с. 136]. По всей видимости, все приведённые лексемы и производные от них связаны этимологически с глаголом *баяти* «говорить» (ср. также: *ба-сня* < *ба-ять*, *зна-харь* < *зна-ть*). К производной основе **ba-* (**ba-jati*), как полагают этимологи (о чем свидетельствуют и приведенные нами славянские глаголы), был еще в общеславянский период добавлен экспрессивный суффикс *-х-* (ср., напр.: русское диал. *бах* «говорун, краснобай», сербохорв. *băх* «гордец», «шум, грохот»), и уже от этой суффиксально осложнённой основы были образованы производные **bahora*, **baharь*, **bahoriti*, представленные в славянских языках достаточно широко [12, т. 1, с. 137].

В русских говорах производная отглагольная лексема *бахарь* употребляется в значениях «болтун», «хвастун», «колдун»; тверские слова в этом случае претерпели некоторые фонетические преобразования (диссимилиация: *бахирь* < *бахарь*) либо морфологические (*бахора* < *бахарь*). При этом оба существительных сохраняют этимологическую прозрачность:

- 1) *баяти* «говорить» → «рассказывать» → *бахирь* «рассказчик»;
- 2) *баяти* «говорить» → «говорить, хвастая» → «хвастать» → *бахора* «хвастун».

ДЕДЕР «дьявол, нечистый»

Слово *дед* (**děd*) зафиксировано во всех славянских языках прежде всего в значении «отец отца или матери по отношению к их детям, к своим внукам», а также в значении «старик». Ср.: укр *dід*, белор. *дзед*, болг. *дядо*, с.-хорв. *дѣд*, словен. *ded*, чеш. *děd* и т. д. [10, т. 1, с. 237]. Слова того же корня обнаруживаются и в балтийских языках – ср. лтш. *dēds* «старик, чучело», *dēdēt* «чахнуть, слабеть телом» [9, т. 1, с. 494]. Вероятно, в разных славянских языках от этого корня возникли различные производные, в том числе с пренебрежительным значением: ср.

в чешском языке: *dědek* «старикашка», «старый хрен» [10, т. 1, с. 237]. Интересно, что в разных говорах слово развило другие дополнительные значения: *ded* – 1) знахарь, колдун – смол., калуж., свердл.; 2) чёрт; домовый – калуж., тул.; 3) старик-нищий – юж.; *dedka* – по суеверным представлениям – сверхъестественное существо, нечистый дух – дон., ворон., арх. // чёрт, леший, дьявол – дон., орл., курск. [8, т. 7, с. 328–329]. Кроме формы *дедер*, в тверских же говорах зафиксированы варианты *дедерь* «бранное слово, обозначающее нечистого духа» и *дѣдер* «нечистая сила ≈ Бранно: *дѣдер ты возьми*» [Там же, с. 329].

Можно предположить такое развитие значения у тверского существительного: «старик» → «старикашка» → «старый чёрт» → «дьявол, нечистый».

БОТВИЛА «подлый, чванливый выскочка»;

БОТВИННИК «жмот, скряга, жлоб»;

БУТУЗ «неловкий тип»

Слово *ботвила* восходит к общеславянскому **botŭ* «ботва». В славянских языках слово *ботва* означает «ветка, побег» [9, т. 1, с. 200]. Не исключено, что значение «выскочка» возникло по сравнению с побегом, отростком растения, который выскакивает из-под земли. Дополнительная же коннотация «подлый, чванливый», возможно, появилась под влиянием родственного глагола *ботеть* «толстеть», с которым напрямую связано слово *ботвинник*: как и тверское *ботвила*, оно восходит к общеславянскому **botŭ* (ср.: укр., белор. *ботва* «свёкла», *ботвинья* «свекольная ботва», сербохорв. *батво* «ветка, побег», словен. *bětvo* «стебель») [12, т. 2, с. 225]. Н.М. Шанский приводит глагол того же корня *ботеть*, *бутеть* «толстеть» и связывает его с глаголом *быть* «расти» [11, с. 55], отсюда в народной речи *ботвиться* «разрастаться» [9, т. 1, с. 200].

Возможно, слово прошло такой путь развития значения: «тот, кто нарастил своё состояние («разросся»), разбогател, питаюсь ботвой, экономя на еде» → «жмот, скряга, жлоб».

Что же касается слова *бутуз*, то это собственно русское образование отмечено и в литературном языке, и в разных говорах, но с другим значением: *бутуз*, *бутус* «толстый и короткий тип, карапуз»

[9, т. 1, с. 153]. Восходит же данная лексема к той же основе, что и диалектный глагол *бутеть* (ср. *ботеть*) «толстеть», этимологически связанный со словом *ботва* [11, с. 64]. В разных русских говорах и славянских языках производные от этого корня развили разные значения: словен. *búta* «большоголовый человек», *bútaſt* «тупой, глупый», польск. *buta* «гордыня», диал. *бутеня* «толстяк», а в тверских говорах *буруз* – «неловкий тип» [12, т. 3, с. 101–102].

ЗАГНОЙ «худой; сварливый человек»

Этимология данного диалектизма неоднозначна; можно сделать два возможных предположения относительно его происхождения, и в обоих случаях поиск этимологии приводит нас в конечном счете к индоевропейскому источнику.

1) Связь приведенного слова с глаголами *загнуть(ся)*, *гнуть*, восходящими к о.-сл. **gъnǫti* (<**gъbnǫti*). Слова с этим корнем зафиксированы всеми славянскими языками: укр. *гнути*, блр. *гнуць*, болг. *гъна* – «гну», с.-хорв. *ганути* – «сдвинуть с места», «вывихнуть», «взволновать», чеш. *hnouti* – «двинуть, шевельнуть», словац. *hnúť* – «шевелить», польск. *giąć* – «сгибать», в.-луж. *hnić* – «двигать, шевелить» и т. д. [10, т. 1, с. 196]. Определение и.-е. базы представляет для этимологов определённые трудности, однако есть предположение о родстве его с балтийскими и другими и.-е. языками (нем., готск., др.-инд. и даже греческим) [9, т. 1, с. 422–423; 10, т. 1, с. 197]. В таком случае значение тверского слова могло развиваться следующим образом: «тот, кто загнулся» → «искривлённый, согнувшийся» → «худой» → «сварливый (от плохой жизни)».

2) Однако возможна и связь данного слова с общеславянским глаголом **gniti* «разрушаться, разлагаться», «трухляветь», отсюда существительное *гной* – «гной», «навоз». Исследователи также находят и.-е. базу у этого слова [9, т. 1, с. 421–422; 10, т. 1, с. 195–196]. Следовательно, семантика тверского слова могла пройти такой путь: «тот, кто загнил» → «покрытый гнойнными язвами, больной» → «гнилой, худой» → «сварливый».

Интересно, что на каком-то этапе развитие значения пошло по-разному на разных территориях: так, слово **загной** встречается и в других говорах, но с иным значением – «вялый, медляк» [8, т. 3, с. 13].

КУРВА «сплетница»

Слово зафиксировано во всех славянских языках, но в значении «блудница, женщина лёгкого поведения»: укр., блр. *курва*, сербск.-цслав. *куръва*, болг. *курва*, сербохорв. *кърва*, словен. *kurva*, чеш. *kurva*, польск., в.-луж., н.-луж. *kurwa* [12, т. 13, с. 133]. Исконное слово – **kury* – «птица, курица», «петух» [9, т. 2, с. 423].

Однако в тверском слове значение изменилось иначе, нежели в других языках. Возможно, в реализации тверского значения слова проясляется иная ассоциативная связь: *петух* – связано с *петь*, а потом, в переносном смысле – «перепевать» сказанное кем-то, сплетничать.

КУЛЯВА «мямля»

Внешне сходно с общеславянским прилагательным *кулявий* «хромой» – ср.: польск. *kulawy* «хромой», блр. *кулявы* «колченогий», болг. *кулав* «с парализованной рукой», макед. диал. *kul, kula* «хромой» и т. п. [12, т. 13, с. 99; 9, т. 2, с. 413]. Это производное прилагательное с суффиксом *-avъ* от **kulati*, который отмечен во всех славянских языках с разными значениями: «вырываться, бить с силой», «вращать, катить», «хромать, припадать на одну ногу», «катать бельё вальком», «валить набок, опрокидывать» [12, т. 13, с. 98–99].

По всей видимости, в тверских говорах произошел метафорический перенос: *кулява* – тот, у кого «хромает» речь, тот, кто мямлит.

КРОМУШНИК «попрошайка»

Исходное *крома* отмечено в славянских языках: во многих – в значении предлога «кроме, исключая, без», а также как существительное – ср. укр. *крома* «перегородка», в.-луж. *kšoma*, н.-луж. *ksoma* «край, кромка; кайма», польск. *kroma, krom* «краюха, ломоть хлеба», др.-рус. *крома* «большой ломоть хлеба, отрезанный от целого каравая» и т. д. [12, т. 12, с. 185–186]. Предположения о родстве с другими индоевропейскими языками не кажутся достоверными [9, т. 2, с. 380]. Вероятно, развитие значения приведенного слова прошло такой путь: «край» → «краюха хлеба» → «тот, кто просит хлеба; попрошайка».

Интересно, что в деловых документах фиксируется прозвище и фамилия того же корня, в том числе на тверской территории: «Фома

Крома, митрополичий слуга, 1510; Григорий Данилович Кромин, 1550, Дмитров; Кромин Василий, 1538, Тверь» [2, с. 165].

ЛУДА «прилипчивый тип»

Слово связано с др.-рус. и цслав. *луд* «дурак», болг. *луд*, сербохорв. *луд*, *луда* «сумасшедший, слабоумный, глупый», сербохорв. *луда* «дурак, идиот; шут», словен. *lūd*, *luda* – то же, чеш. *lud* «дурак», отсюда *лудить* «обманывать, вводить в заблуждение», укр. *лудити*, сербохорв. *лудити* «сводить с ума, лишать рассудка», *лудити се* «дурачиться, прикидываться дураком; вести себя глупо», словен. *luditi* «одурачивать, заманивать», чеш. *louditi* «выманывать, выпрашивать», *louditi se* «подкрадываться, подбираться», ст.-польск. *tudzic* «обманывать; заманивать, манить; овладевать обманом» и т. д. [12, т. 16, с. 167].

Предположения о связи с лит. *liusti* «грустить» кажется не слишком обоснованным [9, т. 2, с. 528].

ЛОХМАН «простофиля»; **ЛОХМЫННИК** «лохмотник»

Исходные однокоренные слова *лохма*, *лохмотье*, *лохмотить* «трепать, оборвать», вероятно, были в общеславянском языке, однако словари отмечают их лишь в некоторых из них (возможно, они имели более узкий ареал бытования): кроме разных говоров русского языка, родственные формы отмечены в укр. *лохман* «тряпка, лоскут», в польск. *loch* «тряпка» [9, т. 2, с. 524], в блр. диал. *лахманы* «старая порванная одежда», в болг. диал. груб. *л'охмънъ* «человек, который много скитается, шляется, не бывает дома» [12, т. 15, с. 250]. Родственные слова с чередованием гласных *лахон*, *лаха* с тем же значением отмечены только в украинском и польском языках [9, т. 2, с. 467].

Таким образом, можно заметить, что иногда корни, родственные тверским словам, зафиксированы не во всех славянских языках, а лишь в некоторых из них. По-видимому, это может быть связано с тем, что изначально общеславянские лексемы утратились со временем в ряде языков либо отдельные слова имели изначально ограниченную сферу распространения. Слова, зафиксированные в тверских говорах, в процессе исторического развития претерпевали всевозможные переосмысления, приводившие к появлению новых, чисто локальных

значений, в то время как на других территориях могли появляться и актуализироваться другие переносные значения тех же лексем. Исследования подобного рода расширяют наши знания о структурных и семантических особенностях русской лексики, о её связях в составе индоевропейского словаря, дают дополнительный материал для реконструкции праславянского лексического фонда; с помощью этимологического анализа удастся расширить состав многих слабо засвидетельствованных этимологических гнезд.

Список литературы

1. Бондарчук Н. С. Проблемы исторической региональной лексикологии: Пособие по спецкурсу / Калининский гос. ун-т. Калинин, 1978. 84 с.
2. Веселовский С. Б. Ономастикон. М.: Наука, 1974. 382 с.
3. Материалы для «Словаря народных говоров Калининской области»: в 3 т. Калинин, 1953.
4. Михайлова Л. П. История края в народном слове: Русские говоры Карелии. Петрозаводск: Изд-во Карельского гос. пед. ун-та, 2004. 288 с.
5. Мызников С. А. Об этимологии некоторых лексем молодежских говоров // Стратегии исследования языковых единиц / Тверской гос. ун-т. Тверь, 2012. С. 124–129.
6. Новгородский областной словарь. Вып. 1–13. Новгород, 1992–2000.
7. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1–4. СПб., 1994–1999.
8. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–40. М.; Л. / СПб.: Наука, 1965–2006.
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1964–1973.
10. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка: в 2 т. М.: Русский язык, 1994.
11. Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1971.
12. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Вып. 1–35. М.: Наука, 1975–2009.

ЛОГИЧЕСКИЕ ОШИБКИ И ПУТИ ИХ УСТРАНЕНИЯ В СОЧИНЕНИЯХ В ФОРМАТЕ ЕГЭ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

И. В. Гладилина, Н. М. Сергеева, Е. Г. Усовик

В статье рассматриваются логические ошибки, отмеченные в сочинениях выпускников на ЕГЭ по русскому языку. Проводится анализ причин, вызывающих значительное число подобных ошибок. Предлагаются пути организации работы школьников над логическими ошибками, приводятся примеры упражнений.

Ключевые слова: ЕГЭ по русскому языку, логические ошибки, риторика.

Умения анализировать чужой текст и создавать свой проверяются в целом ряде заданий ЕГЭ последних лет. Одним из важнейших индикаторов языковой и коммуникативной компетенций является умение строить речь, демонстрируя такие ее обязательные качества, как ясность, точность, логичность. Последнее из них в задании № 27 проверяется по четырем критериями. Это не только четвертый и пятый критерии, которые оценивают смысловую цельность, речевую связность и последовательность изложения, отсутствие логических ошибок и нарушений абзачного членения в тексте, созданном самим экзаменуемым, но и девятый и десятый критерии.

Подобный подход явствует из определения логичности как коммуникативного качества хорошей речи: «Логичность – это последовательность расположения всех единиц текста и наличие смысловых связей между ними» [5, с. 156]. Последовательность расположения языковых единиц в тексте связана прежде всего с соблюдением лексических и синтаксических норм. По нашим многолетним наблюдениям, их нарушение приводит к появлению в работах школьников частотных ошибок – различных видов алогизмов, вызванных следующими обстоятельствами.

1. Незнанием лексического значения слова: *Давайте мы станем уникальными и будем побуждать к этому всех вокруг; Княжна Марья*

Болконская очень **суеверна**: она постоянно учится, много читает и молится.

2. Неправильным употреблением многозначного слова: Из-за своих принципов Базаров **не поделился** своей болезнью с близкими и умер.

3. Нарушением норм лексической сочетаемости: Отец героя погиб от **рук Советской власти**. Писатель описывает **три вида любви**; **Софья Ивановна** относится к третьему виду.

4. Сопоставлением логически несопоставимых понятий, различных по содержанию и объему: На примере **судьбы** Василия Федотова автор показывает **лицо** нашего народа. **Самолюбие** человека автор показывает на примере **александрийского маяка**.

5. Нарушением норм употребления антонимов: Я человек **спокойный**, но в то же время **буйный**; Я **согласна** с мнением автора, но я **думаю по-другому**, в результате чего нередко появляется оксюморон, на который говорящий не рассчитывал: Жизнь Есенина **закончилась не начавшись**. Тогда я совершила **незначительную грубую** ошибку.

6. Плеоназмом: Такие люди должны **исправляться в лучшую сторону**. Пушкин посвящал свои произведения **всенародной публике**. Мать гимназиста была одета **в старые поношенные обноски**.

7. Речевой недостаточностью: **Надеяться на то, что мы накорчим страну одними фермерами, нереально**. Сдаётся квартира с ребёнком.

8. Недостаточностью грамматической структуры: **Поведение Печорина отличается от остальных героев** романа Лермонтова.

9. Нарушением субъектно-объектных отношений: В Спарте всех своих ученых и гениев они убивали сразу еще при рождении ребенка.

10. Смешением родо-видовых понятий в ряду однородных членов: **Полезно заниматься в плавательной или спортивной секции**. **Сюжет, композиция, стиль и художественная форма** произведения слиты воедино.

11. Употреблением далеко стоящих в логическом отношении понятий в одном ряду однородных членов: **Провожаящие или с сумками и с печальными лицами**. Каждый человек ищет своё счастье, это может быть карьера, любовь, дети или кроссовки.

Второе, что определяет логичность текста в структуре сочинения ЕГЭ, – это правильное абзацное членение, определяемое знанием

средств межфразовой связи, которые в методических комплексах по русскому языку для средней школы представлены, как правило, очень неполно, хотя необходимы и для выполнения задания 23, где также предусмотрено умение выделять абзацы.

1. Лексический повтор (одно и то же слово в одной и той же форме): *Капитанка **вспомнила** Луку Александрыча, его сына Федюшку, уютное местечко под верстаком. **Вспомнила** она, что в длинные зимние вечера Федюшка обыкновенно играл с нею.*

2. Формы слова (одно и то же слово с разными окончаниями; они различаются формами падежа, рода, числа, лица, времени, наклона): *Когда стало совсем темно, Капитанкою овладели отчаяние и ужас. **Она** прижалась к какому-то подъезду и стала горько плакать. Целодневное путешествие утомило **её**, уши и лапы её озябли.*

3. Однокоренные слова (различаются приставками и/или суффиксами, а следовательно, и лексическим значением): *Листва не шевелилась на деревьях, кричали цикады, и однообразный **шум** моря, доносившийся снизу, говорил о покое, какой ожидает нас. Так **шумело** внизу, когда ещё тут не было ни Ялты, ни Ореанды, теперь **шумит** и будет **шуметь** так же равнодушно, когда нас не будет.*

4. Слова одной тематической группы: *Сергей Сергееч **религиозен** и любит **благолепие**. В углу, в прихожей, стоит большой **образ в ките** с тяжелою **лампадой**, возле – **ставник** в белом чехле, на стенах висят портреты **архиреев**, вид **Святогорского монастыря**... По воскресеньям в приемной кто-нибудь читает вслух **акафист**, а после чаепития сам Сергей Сергееч обходит все палаты с **кадильницей** и **кадит** на них **ладаном**.*

5. Местоимения (чаще всего личные, притяжательные, указательные): *Оставшись одна, **Тетка** ложилась на матрасик и начинала грустить. Грусть подкрадывалась **к ней** как-то незаметно и овладевала **ею** постепенно, как потемки комнатую.*

6. Обобщающие слова: *Не стесняясь присутствием мужа, **Рябовский** говорил ей дерзости, **она** отвечала ему тем же. **Оба** чувствовали, что связывают друг друга, что они десюты и враги.*

7. Синонимы: *К великому удивлению Капитанки, **столяр** вместо того, чтобы испугаться, широко улыбнулся, вытянулся во фронт и*

всей пятернёй сделал под козырёк. Видя, что **хозяин** не протестует, Каиштанка ещё громче завyla и, не помня себя, бросилась через дорогу.

8. Антонимы: На вокзале Николаевской железной дороги встретились два приятеля: один толстый, другой тонкий. **Толстый** только что пообедал на вокзале, и губы его, подернутые маслом, лоснились, как спелые вишни. **Тонкий** же только что вышел из вагона, был навьючен чемоданами, узлами и картонками.

9. Сочинительные союзы: И, ТОЖЕ, ПРИЧЁМ, А, НО, ОДНАКО, ЖЕ и др. Они ничего не связывают внутри предложения, это средство связи именно между компонентами абзаца: У незнакомца не пахнет ничем, у столяра же в квартире всегда стоит туман и великолепно пахнет клеем. **Зато** у незнакомца есть одно очень важное преимущество – он даёт много есть.

10. Модальные (вводные) слова: ВО-ПЕРВЫХ, ИТАК, НАПРИМЕР, НАКОНЕЦ, СЛЕДОВАТЕЛЬНО, С ОДНОЙ СТОРОНЫ, ТАКИМ ОБРАЗОМ и др.: Гусь, вытягивая шею и топчась на одном месте, продолжал говорить о чём-то быстро и горячо. **По-видимому**, это был очень умный гусь.

11. Соотнесенность видо-временных форм глаголов-сказуемых. В рамках абзаца глаголы, как правило, выражены одними и теми же формами вида и времени: Дымова в гостиной не было, и никто не **вспоминал** о его существовании. Но ровно в половине двенадцатого **отворялась** дверь, ведущая в столовую, **показывался** Дымов со своею добродушною кроткою улыбкой и **говорил**, потирая руки: Пожалуйте, господа, закусить.

12. Лексико-синтаксический параллелизм фраз. В смежных предложениях один и тот же порядок слов, они используются в одних и тех же формах: Что ищет он в стране далёкой? Что кинул он в краю родном?

13. Наречия со значением места, времени, причины: ЗАТЕМ, ТОГДА, В ИТОГЕ, ПОЭТОМУ, ТАМ и др.: Отворив первую дверь, мы входим в сени. **Здесь** у стен и у печи навалены целые горы больничного хлама.

14. Частицы ВОТ, ИМЕННО, ЭТО и др.: Вторую степень Станислава со звездой дают только иностранцам. Но для меня почему-то хотят сделать исключение... **Вот уж** признаться, не ожидал.

15. Предлоги (как правило, производные, со значением причины, уступки: БЛАГОДАРЯ, ВВИДУ, В СИЛУ, НЕСМОТРЯ НА, ВОПРЕКИ и др.): *Его всегда тянуло к людям. **Благодаря** же своему раздражительному характеру и мнительности, он ни с кем близко не сходил и друзей не имел.*

16. Вопрос и ответ на него в смежном предложении: *Разве трудно совершить преступление нечаянно, невольно и разве не возможна клевета, наконец, судебная ошибка? Ведь недаром же вековой народный опыт учит от сумы да тюрьмы не зарекаться.*

Все перечисленное учащемуся необходимо знать и при работе над абзачным членением.

Сколько абзацев должно быть в развернутом ответе на задание № 27? Данное задание не требует создания сочинения в привычном для школы смысле этого слова: например, не обязательно вступление и заключение. Это, скорее, ответы на ряд вопросов. Какую проблему рассматривает автор текста? На какие два примера он ссылается, аргументируя свой интерес к проблеме? Какие пояснения можно привести к данным примерам? Конечно, эссе не может состоять из одного абзаца, и наоборот: недопустимо каждую фразу начинать с красной строки. Отдельными абзацами должны стать формулировка проблемы, каждый из двух примеров, позиция автора – ответ на вопрос, сформулированный как проблема, согласие экзаменуемого с точкой зрения автора. А вот пояснения к примерам могут входить и не входить в абзацы с примерами; то же касается обоснования согласия автора сочинения с позицией автора.

Какие упражнения помогут школьникам сформировать навык правильного членения текста на абзацы? Полезен анализ классического текста: почему он поделен на абзацы так, а не иначе? Что общего в содержании всех предложений, объединенных в каждый из абзацев?

Полезен тренинг, когда учащиеся делят предложенный учителем текст на абзацы и обосновывают свое решение.

Например, задание выделить и обозначить все виды межфразовой связи в небольших фрагментах текста:

1. *Вначале мы учим своих детей. Затем мы сами учимся у них. Кто этого делать не хочет, тот отстаёт от своего времени.*

2. Лишь мелкие люди вечно взвешивают, что следует уважать, а что любить. Человек истинно большой души, не задумываясь, любит всё, что достойно уважения.

3. Среди писателей, высоко ценивших значение книги, первое место принадлежит Пушкину. Герои его книг много читают. Причем писатель не забывает сказать, что читает данный персонаж, какие мысли и эмоции вызывает книга. И таким образом сочинитель нередко знакомит читателей со своими мыслями.

Полезно упражнение в формате тестового задания № 23 ЕГЭ 2019 года: требуется найти в указанном абзаце текста предложения, соединенные определенным набором средств межфразовой связи.

Наконец, при создании собственных текстов – сочинений-эссе – выпускнику стоит тренироваться в самоанализе и саморедактировании, обращая внимание на правильность членения текста на абзацы.

Третий важный момент логичности текста – это умение излагать и аргументировать свою точку зрения, что оценивается четвертым критерием. Эксперты сталкиваются с разнообразными проявлениями неумения школьников логически правильно обосновывать своё согласие с позицией автора. Так, больше половины участников ЕГЭ 2019 года в нашем регионе не справились с задачей правильно сформулировать и соотнести тезис и аргументы, а также логические рассуждения – аргументы к тезису (формулировка «Я согласен с позицией автора текста»).

Здесь часто возникают большие проблемы, обусловленные тем, что соответствующий коммуникативный навык не может быть в полном объеме отработан на уроках русского языка, так как относится к другой области лингвистического знания – риторике, которая в средней школе в подавляющем большинстве относится к факультативным курсам. Более того, методические комплексы по данной дисциплине (например: [4]) в основном предполагают формирование умений построения текстов разных жанров. Здесь наиболее полезным для отработки навыков аргументации собственной позиции является участие в дискуссии.

К сожалению, лишь в незначительном числе пособий для школьников содержатся материалы по видам логико-речевых ошибок и способам их предупреждения, несмотря на то что работы большинства

участников ЕГЭ не свободны от них. В этом отношении не проясняют ситуацию и ведомственные «Методические рекомендации для экспертов ЕГЭ» И.П. Цыбулько: в «Кодификаторе элементов содержания и требований к уровню подготовки выпускников образовательных организаций для проведения ЕГЭ по русскому языку» отсутствует классификация подобных ошибок, не приводятся примеры логических недочетов из работ учащихся и участников ЕГЭ прошлых лет, не предлагаются приемы предупреждения подобных ошибок в речи школьников.

В данной статье предпринимается попытка восполнить этот пробел, систематизировать наиболее часто встречающиеся логико-речевые ошибки в сочинениях участников ЕГЭ Тверского региона за несколько последних лет.

Самые распространенные связаны с нарушением требований, предъявляемых к тезису и аргументу, о чем учащиеся, как правило, не имеют никакого представления. Если со стилистическими нормами они знакомятся при подготовке к выполнению заданий № 6 и № 8 и это помогает не допустить ошибок, связанных с алогизмами, то при составлении логико-речевого доказательства их шансы избежать так называемой бессвязности суждений, логического скачка значительно уменьшаются. Внешне это выглядит как нарушение причинно-следственных связей внутри текста, однако корни этого явления глубже – в незнании правил логико-речевого доказательства.

Напомним, что к построению тезиса предъявляется четыре требования: тезис должен быть истинным, ясно и точно сформулированным, единообразным на протяжении всего изложения, его структура должна быть непротиворечива [3].

Чаще всего из перечисленных требований нарушается третье, в результате чего возникают следующие ошибки (по: [1, с. 51–55]).

1. Лоскутное одеяло. В одном выступлении говорящий затрагивает и пытается решить несколько мало связанных между собой вопросов. При этом каждая проблема более или менее четко формулируется, но не аргументируется: *Из Митрофанушки Простакова воспитала невежественного грубияна. Комедия «Недоросль» имеет большое значение в наши дни. В пьесе помещица Простакова являет собой пример отрицательного персонажа; Война – это то, что забрало множество человеческих жизней, разрушило тысячи строений*

с многовековой историей. Для чего устанавливаются памятники?; Война – это самое страшное, что может произойти в нашем мире. Каждый человек должен помогать нуждающимся в помощи.

2. Утопленный тезис. У оратора есть единая, основная мысль, но он не может донести ее до аудитории. Тезис либо совсем теряется в неумелых рассуждениях, либо воспринимается как два разных тезиса: *Людям нужно учиться извлекать радость из трудных будней. Размышляя над этой проблемой, сразу вспоминается первый бал Наташи Ростовой. Автор ярко рисует её эмоции, чувства. Радуйтесь больше, смейтесь, помните, что смех продлевает жизнь; Наше поколение избежит войны: как говорится, как постелешься, так и спать будешь; Я тоже считаю, что человек должен быть смелым и не быть трусом; именно в войну смелые и сильные духом победили врага.*

В отношении построения аргумента нами были выявлены следующие типичные ошибки [3], возникшие вследствие нарушения требований к его составлению.

1. Предвосхищение основания. Нарушается требование истинности аргумента, которую наряду с оратором должен разделять и речевой оппонент. В качестве аргумента приводится такое положение, которое, хотя и не является заведомо ложным, однако само нуждается в доказательстве, поэтому по своей сути является промежуточным тезисом, который тоже нужно доказывать. Школьники пропускают этот этап; как следствие – ошибка: *Оба примера связаны, потому что оба важны; Я согласен с мнением автора текста, поскольку война – это то место, где немаловажную роль играет сплоченность и самоотверженность ради других; Я полностью согласен с автором, нельзя в принципе никого убивать, нужно защищать друг друга.*

2. «Не следует» (навязанное следствие). Положение, требующее доказательства, не вытекает, не следует из приведенных аргументов: *Всё государство состоит из людей, именно поэтому решение каждого человека маленько изменяет мир; Мой папа, когда был маленьким, почти ничего не делал, а только справлял удовольствия – в итоге он вырос злым; В Японии почитают больше бизнесменов, чем музыкантов, поэтому я решил пойти в военный вуз; Простакова в комедии «Недоросль» всячески издевалась над крепостными, как мать она души не чаяла в Митрофанушке, вырастила невежу и грубияна; В се-*

мье Татьяну Ларину не понимали. Она часами сидела у окна; Санитарки помогли раненому, оставили ему мешок с сухарями. Ромашов украл у него сухари, флягу с водой и пистолет. Эти два примера наглядно показывают, что только общими усилиями мы можем преодолеть все жизненные невзгоды.

Данная ошибка возникает при несоблюдении требования достаточности аргумента для доказательства тезиса (тезис (исходная мысль) с необходимостью должен вытекать (следовать) из приведенных аргументов).

3. Порочный круг. Тезис выводится из аргументов, которые, в свою очередь, выводятся из того же тезиса: *Связь между примерами очевидна, так как они взаимосвязаны.*

Данная логическая тавтология возникает, когда нарушается требование автономного обоснования аргумента: аргумент должен быть мыслью, истинность которой доказана самостоятельно, независимо от доказываемого положения

Нередко авторы сочинений приводят **аргумент от собственного мнения**, что является в риторике ложным доводом: *Трудно не согласиться с автором текста. Я тоже считаю, что помочь человеку, оказавшемуся в неприятной ситуации, - это наша святая обязанность, потому как для меня это дело принципа.*

В ряде работ интуитивная попытка избежать отмеченного вида логико-речевой ошибки предпринимается за счет введения в контекст либо императива (*Я считаю, что дезертирство – самое тяжкое военное преступление. Люди должны во всем помогать своим союзникам на войне и бороться за жизни раненых*), либо категории ирреальности: *С позицией автора трудно не согласиться, потому что бесчеловечные поступки, особенно по отношению к беззащитным людям, непрощительны. Остаётся только надеяться, что никто из нас не столкнётся с бесчеловечностью.* Однако это не спасает пишущего от нарушения логичности речи.

Говоря об ошибках аргументации, необходимо отметить, что школьник уверен: если он употребляет союз со значением причины, то логическое рассуждение построено верно, налицо аргумент. Но, как видно из приведенных примеров, которые действительно содержат в большом количестве придаточные причины, дело обстоит не

так, и нужно обращать внимание учащихся на то, что наличие подобных синтаксических конструкций еще не свидетельствует о правильной аргументации. Сравните с удачным вариантом построения логического рассуждения: *Нет более гадкого поступка, чем предательство. Предателем не становится враг, так как ты не доверяешь ему. Предатель – всегда тот, кому веришь. И это самое страшное: предаёт близкий тебе человек или товарищ.*

В качестве аргумента **приводятся иногда цитаты**, которые в риторике рассматриваются в паттерне слабых доводов, поскольку сама по себе цитата ничего не доказывает, а лишь вводит в коммуникацию третье лицо, чье мнение авторитетно для школьника в этом вопросе, ср.: *Множество людей становятся жестокими, а также многие люди страдают. Но, с другой стороны, долг каждого на войне – защищать свою родину. Для доказательства приведу слова Л.Н. Толстого: «Война – это варварство, когда нападают на мирных соседей, но священный долг, когда защищают родину».* Использование аргумента «апелляция к авторитету» в контексте требований ЕГЭ кажется нам сомнительным. Например, доказательство в приведенном выше контексте принимает вид: «Я разделяю позицию автора предложенного текста, потому что так считает Толстой». Насколько это «проходной» вариант, остается под вопросом.

Ряд ошибок связан с непоследовательным расположением единиц текста в смысловом отношении, что является прямым нарушением логичности речи: *Ради победы народ сплывался и действовал как единое целое. Но, к сожалению, были и предатели, которые подло поступали по отношению к своей родине. Так, например, герои повести «А зори здесь тихие» сражались бок о бок против фашистов.*

Предупреждать логические недочёты в речи школьников необходимо точно так же, как грамматические и речевые ошибки. Упражнения для тренинга могут быть разнообразными, в них следует активно использовать и примеры из сочинений участников ЕГЭ прошлых лет. К созданию подобных комплексов упражнений на кафедре русского языка Тверского государственного университета активно привлекаются студенты через систему курсовых и дипломных работ [2]. Приведем образцы таких упражнений.

Задание 1. Укажите виды ошибок в примерах из работ участников ЕГЭ: грамматические, речевые или логические.

1. И в наши дни немало людей страдают от нехватки финансового состояния. 2. Об этом и доносит нам автор. 3. Во время войны погибали мирные люди, которые сражались ради своей страны. 4. Ветераны хуже, чем книги. 5. Просидев полдня перед компьютером, у человека начинают болеть глаза. 6. Обогащая свой словарный запас, я становлюсь более элитарной, пунктуальной и общительной. 7. В народном произведении Горького «Старуха Изергиль» два главных героя: Ларра и Данко. 8. Поступок Ромашова не лезет ни в какие рамки жизни. 9. Биолог – специалист в области биологии. 10. Добро... Единственное слово в моей голове. О нём и пойдет речь. 11. К месту, в котором я провел детство, я уже привык и не променяю его ни на какие туристические агентства. 12. Без природы и растительного мира жизнь была бы беднее.

Задание 2. Содержатся ли нарушения причинно-следственных отношений между понятиями в приведенных примерах? Исправьте высказывания.

1. Позиция автора заключается в следующем: в какой бы сложной ситуации вы ни находились, нельзя предавать товарищей, потому что из любой ситуации есть выход. Лучше погибнуть вместе с товарищами, чем оставлять их на произвол судьбы и потом всю жизнь жалеть о своем предательстве. 2. Пока в мире есть доброта, он будет жить. Но нельзя забывать о людях, которым нужна наша помощь. 3. С ранних лет нас учат не мучить животных, поэтому нам жаль погибших на войне. 4. Следующим примером автор хочет рассказать нам о добре и милосердии, и посему оно присуще всем нам. 5. Мы живем в современном мире. Поэтому каждый из нас занят только теми житейскими проблемами, с которой сталкиваются каждый день. 6. Пренебрегать доверием нельзя, ибо человек, которому доверяешь, может предать. 7. Но вскоре пришла весна, так как морозы прекратились. 8. Проблема милосердия является извечной, поэтому она и сегодня актуальна. 9. Я согласна с позицией автора, потому что война – сама по себе жестокость, она уносит жизни людей; несмотря на это, нужно до последнего стараться помогать друг другу. 10. Молодой Кирсанов смотрел на убогие крестьянские

избы, и в его сердце просыпались нежные чувства к родному краю. 11. В современном мире у каждого человека есть свои дела и обязанности. Из-за этого многие люди становятся черствыми и злыми.

Задание 3. В чем суть логических ошибок в приведенных примерах? Исправьте высказывания.

1. Телевизор, компьютер, разные приставки – это прямой путь деградации процесса человека обратно в обезьяну. 2. В этой жизни всё родственно и мы должны проявлять милосердие. 3. Мы гордимся своей страной, а природа останется жить навсегда. 4. Всё меньше становится добрых и любящих людей, которые не живут, а тратят свою жизнь впустую. 5. Кто-то возьмет в руки творчество Горького, кто-то предпочтёт телевизор. Л. Толстой, несмотря на своё происхождение, любил природу. 6. В древнем мире и по сей день люди и животные – лучшие друзья. 7. Одна из проблем, поднятых в тексте, – это недопонимание людей и молодёжи. 8. Да, текст, безусловно, очень хорош, но слишком сух и предусмотрителен. 9. Все сдали экзамен; не сдал только Игорь. 10. Многие старики в старости остаются одни в одиночестве. 11. Мы должны проявить доброту и милосердие, для того чтобы быть небезразличными. 12. Всем понравилось выступление дуэта гитаристов: Соколова, Надеждина, Сергеева.

Список литературы

1. Анисимова Т. В., Гимпельсон Е. Г. Современная деловая риторика. М. ; Воронеж: МОДЭК, 2004. 432 с.
2. Волков В. В., Сергеева Н. М. Методика преподавания русского языка: рефераты, курсовые и дипломные работы: учебное пособие / Тверской госуниверситет. Тверь: Издатель А. Н. Кондратьев, 2016. 73 с.
3. Зарецкая Е. Н. Риторика: Теория и практика речевой коммуникации. М. : Дело, 2002. 480 с.
4. Ладыженская Т. А., Ладыженская Н. В. Уроки риторики в школе: Кн. для учителя. М. : С-Инфо : Баласс, 2000. 78 с.
5. Стилистика русского языка: Учеб. пособие / В. Д. Бондалетов, С. С. Вартпетова, Э. Н. Кушлина, Н. А. Леонова. Л. : Просвещение, 1989. 223 с.

КОНЦЕПТ «БОГАТЫРЬ» И ЕГО ЭВОЛЮЦИЯ

С. В. Глушков

В статье рассматриваются основные этапы исторической эволюции концепта «Богатырь» от момента его зарождения в устном народном творчестве до настоящего времени. Особое внимание уделяется проявлениям этого концепта в музыкально-драматическом и изобразительном искусстве, в архитектуре.

Ключевые слова: *концепт, былины, комическая опера, «золотой век», русский модерн, Серебряный век.*

В современной культурной традиции концепт «Богатырь» прочно связан с представлениями о Древней Руси, с русской историей вообще, а также с фольклорными образами, восходящими прежде всего к былинам.

Парадокс, однако, заключается в том, что в древнерусских литературных источниках слово *богатырь*, как, например, в Ипатьевской летописи, где оно встречается впервые, соотносится только с военачальниками татаро-монгольского войска. Первым же русским богатырем традиционно считается Евпатий Коловрат, герой «Повести о разорении Рязани Батыем», но в тексте «Повести» слово *богатырь* не встречается.

Само это слово, по мнению большинства исследователей, древнетюркского происхождения, но созвучные варианты его существуют в монгольском, хинди, а также в иранских языках. Интересно, что близкое по значению слово *витязь* (в пушкинской «Сказке о царе Салтане», как всем известно, «тридцать три богатыря» называются также и «витязями прекрасными») лингвисты производят от древнерусского *бить* или древненорвежского *викинг*, но в русской литературной традиции, не говоря уж о фольклоре, «витязь» закрепился куда менее прочно, чем «богатырь». Но произошло это во времена гораздо более поздние.

«Виной» тому – фольклор, а точнее, былины или «старины», как их называли на Русском Севере, где, собственно, они и были в большинстве своем записаны. Именно в них «богатырь» – главное действующее лицо. Однако установить хотя бы приблизительно, когда и как произошло закрепление за этим словом того значения, которое оно имело к началу перехода из устной традиции в письменную, не представляется возможным. Весьма затруднительно установить и время зарождения самого жанра русской исторической песни, и особенности его эволюции. Мнения исследователей на этот счет расходятся весьма значительно.

Но нам интересна эволюция «богатырской» тематики и самого концепта «Богатырь» в рамках письменной постфольклорной традиции, поскольку эта эволюция, на наш взгляд, отражает многие особенности развития русской литературы в ее связи с общекультурными и идеологическими процессами.

Первые следы проникновения образов былинных богатырей в русскую летописную традицию отмечаются в XVI веке, но само слово *богатырь* там еще не используется. Перелом, очевидно, произошел в следующем столетии. До нас дошли названия комедий-сказок с песнями и плясками, исполнявшимися при царском дворе в конце XVII века: «Горе-богатырь» (1676), «Илья, Муромский богатырь и Соловей-разбойник» (1689), «Новгородский богатырь Боеслаевич» и др. [6]. Авторы текстов неизвестны, но очевидно, что источниками для них служили народные сказки и былины.

Новый всплеск интереса к «богатырской» и вообще сказочно-былинной тематике с конца XVIII века наблюдается, главным образом, в ставшем модным в екатерининскую эпоху музыкально-драматическом жанре комической оперы, которая представляла собой, как правило, прозаическую пьесу с музыкальными номерами. Не чуждая литературных занятий императрица задает тон в этом отношении, создав либретто пяти комических опер, из которых три – «Новгородский богатырь Боеслаевич» (1786), «Храбрый и смелый витязь Ахридеич» (1787 г., первоначальное название «Иван-царевич») и «Горе-богатырь Косометович» (1788) – уже в названиях используют указанный концепт, соотнося его с фольклорной традицией. Послед-

няя опера представляет собой политическую сатиру на события русско-шведской войны и высмеивает шведского короля Густава III.

В 1794 году «богатырскую сказку» «Илья Муромец» создает Н.М. Карамзин. Еще ближе к фольклорной традиции находится оставшаяся незаконченной поэма нашего земляка Н.А. Львова «Добрыня» (1796), жанр которой обозначен как «богатырская песнь» [5]. Поэма написана Львовым в ритме народной поэзии, стихотворные размеры которой автор ставил выше общепринятых ямбов и хореев.

Под тем же названием «Добрыня» Г.Р. Державин создает в 1804 году «театральное представление с музыкой в пяти действиях» (издано в 1808 г.), а еще один наш земляк, И.А. Крылов, в 1807 году пишет либретто оперы «Илья-богатырь». Тогда же, в 1804–1807 годах, В.А. Жуковский создает комическую оперу «Богатырь Алеша Попович, или Страшные развалины», которую сам же счел неудачной. Можно вспомнить еще и поэму С.С. Андреева «Левсил, русский богатырь» (1807).

Следует, однако, отметить, что в эту пушкинскую эпоху «богатырская» тематика даже при том, что за нее брались самые маститые авторы, остается на периферии литературного процесса и соотносится с легкими, более развлекательными жанрами.

Переломный в этом отношении момент вполне можно соотнести с появлением в 1818 году сборника «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым» (первое неполное издание, содержащее только 24 былины из 61, вышло в 1804 году), когда интерес к русской истории и к ее преломлению в народном самосознании явно возрастал в связи с событиями Отечественной войны 1812 года.

Правда, поэма Пушкина «Руслан и Людмила», работать над которой юный поэт начал еще в 1817 году, восходит не столько к былинным сюжетам, сколько к сказке о Еруслане Лазаревиче, пришедшей на Русь с Востока и очень популярной в XVIII веке. В.Г. Белинский, как известно, сетовал на то, что Пушкин в пору работы над поэмой не знал сборника Кирши Данилова – «иначе он не мог бы не увлечься духом народно-русской поэзии». По мнению критика, лишь в прологе к «Руслану и Людмиле», написанному много позже

основного текста, действительно «Русью пахнет». Он упрекает поэта в стремлении «наделать *немецких рыцарей из русских богатырей и витязей*» [2, с. 431].

Тем не менее концепт «Богатырь», принявший в поэме наднациональный характер, приобрел существенно иные, чем у литераторов предшествующего поколения, черты. Пушкинский Руслан – не безликий типаж, наделенный стандартным набором качеств былинных богатырей, он индивидуален, как это и подобает романтическому герою. И в дальнейшем, развивая богатырскую тематику в сказках, Пушкин сохраняет этот романтический настрой, наделяя своих героев такими качествами, как благородство, бескорыстие, верность в любви, никогда при этом не заостряя внимание на их физической мощи, как это принято в былинах, с которыми он, конечно же, познакомился.

Пушкинские богатыри еще и тем отличаются от былинных, что они никак, даже на фантазийном уровне, не связаны с историческими событиями и фигурами. В этом отношении они резко отличаются от державинского Добрыни, который действует на очень пестром историческом фоне, где присутствует и еще языческий Киев, лишь готовящийся к принятию христианства, и Золотая Орда, и болгарский царь Тугарин Тугариныч, и вполне сказочный Змей Горыныч (он же Змеулан Змеуланыч).

Значительно более строгое, чем у предшественников, отношение к истории в полной мере было принято корифеями открытого Пушкиным «золотого века» русской литературы. В творчестве Лермонтова и Гоголя концепт «Богатырь» историчен лишь в нравственном плане, как образец верности, стойкости и мужества, свойственных русскому воину. Именно таковы «богатыри» в «Бородине» и «Тарасе Бульбе».

Однако при всей значимости «богатырского духа» в русской литературе первой половины XIX века подлинный взлет его произошел несколько позже. Разбуженный сборником Кирши Данилова интерес к русской эпической поэзии привел к активному собирательству песен и былин, давшему неожиданно богатый результат. Одним из первых в начале 1830-х годов это начал делать П.В. Киреевский. На рубеже 1850–1860-х годов его дело продолжил Павел Рыбников, ставший главным открывателем «Исландии русского эпоса» в северных губер-

ниях Российской империи. Изданные им в 1861–1864 гг. сборники песен и былин обеспечили своего рода прорыв в русской культуре – и не только потому, что в культурный оборот образованной части общества были введены сотни и даже тысячи текстов, свидетельствующих о чрезвычайном богатстве народной поэзии, но и потому, что были выявлены живые носители этой народной культуры. Талантливые самородки – исполнители и интерпретаторы исторических песен и былин из Олонецкой и Архангельской губерний – стали необыкновенно популярны в русском обществе. Их выступления в столицах и крупных губернских центрах привлекали многочисленную публику, их приглашали в великосветские дома и даже ко двору. В 1879 году один из них – Василий Шевелев по прозвищу Щеголенок все лето провел в имении Ясная Поляна у Льва Толстого. Особое значение имел тот факт, что искусство сказителей было еще вполне живым: они не только повторяли воспринятые от прежних поколений тексты былин, но и вносили в них нечто свое – и манерой исполнения, и использованием разных вариантов одного и того же сюжета. Так что одна и та же былина в разных выступлениях даже одного сказителя могла звучать и восприниматься по-разному.

Следует отметить, что это время характеризовалось новым всплеском национального чувства, вызванного сначала горьким поражением в Крымской войне, а затем русско-турецкой войной 1877–1878 годов, в ходе которой российские воины сражались ради освобождения единоверцев-славян от иноверческого ига. Этот контекст определял особое отношение к русскому богатырю – центральному образу народных исторических песен.

При всем многообразии былин основные черты их главных действующих лиц – богатырей – были достаточно определенными и ясными. Они не сводились исключительно к физическим доблестям, носящим скорее символический, образный характер. Нравственный облик богатыря определялся прежде всего его добрым и честным нравом, бескорыстием, преданностью Родине и православной вере.

Интересно, что Ф.И. Буслаев, крупнейший русский филолог этого времени, в статье «Русский богатырский эпос», опубликованной в 1862 году, производил слово *богатырь* от слова *бог* через прилага-

тельное *богат*, определяя богатыря как существо, одаренное высшими, божественными преимуществами, как героя, произошедшего от Бога [3]. Строгие лингвисты вряд ли согласятся с таким вариантом происхождения слова *богатырь*. И всё же Буслаев по-своему прав, если учесть, что в общественном сознании это слово вызывало именно такие ассоциации, почему и привилось в языке более прочно, чем синонимичное, но не связанное с религиозным подтекстом слово *вительзь*.

Вполне созвучно с Буслаевым и мнение лидера славянофилов К. С. Аксакова, примерно в это же время писавшего о христианском духе былин, герои которых, богатыри, в отличие от своих врагов, использующих злые чары, обращаются молитвенно за помощью только к Богу [1].

Нельзя не отметить, что былинные богатыри далеко не всегда лишены слабостей. Они могут быть беспечны, грубы, они нередко совершают ошибки, за которые им приходится расплачиваться. Таким образом, сказочный характер концепта «Богатырь» уже в его изначальном значении смягчается присущими ему признаками обыкновенного русского человека. Важно и то, что, при всей гиперболизации их физических качеств, богатыри никогда не превращались в ненасытных обжор, подобных противостоящим им чудовищам типа Соловья Будимировича. Персонажей, даже отдаленно напоминающих героев Рабле, среди них нет.

Растущий интерес к былинам, на которых как бы пересекались русская история и русская национальная культура, во второй половине «золотого века» наиболее ярко проявлялся в музыкально-театральном искусстве, что вполне объяснимо песенным характером былин, вполне проявившим себя и в придворных представлениях двух предыдущих веков. Но оперные постановки на музыку Глинки и композиторов «Могучей кучки» были еще и весьма живописны, что, безусловно, стимулировало интерес художников к исторической и фольклорной тематике вообще и к «богатырской» в частности, что в полной мере соответствовало и вкусам широкой публики.

Тот же интерес достаточно весомо проявился и в архитектурных формах. Так называемый «тоновский стиль», обычно ассоциирую-

щийся с обликом Храма Христа Спасителя – главного создания Константина Тона, вполне в духе буслаевской формулы соотносил Божий храм с могучей фигурой богатыря – защитника веры. Та же тенденция закрепилась позже в формах неорусского стиля. Весьма характерный образец его – Воскресенский собор в Твери, построенный по проекту архитектора Н. П. Омелюстого уже в начале XX века, – прямо ассоциируется с образом Ильи Муромца.

Таким образом, былинные и сказочные богатыри как бы выходили на авансцену русского искусства, становясь эталонным образом русского национального характера.

Однако в русской литературе, составлявшей сердцевину отечественной культуры, в ту пору проходили весьма сложные процессы, которые не могли не сказаться и на отношении к концепту «Богатырь», принимавшему порой парадоксальный характер.

Хрестоматийный в этом отношении пример – пронизанный горькой иронией образ крестьянина Савелия в поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Доля этого «святорусского богатыря сермяжного» сводится, как известно, к тому, что «всю жизнь его дерут». Эпитет *святорусский* здесь напрямую отсылает к главным христианским добродетелям – смирению и терпению, отношение к которым у Некрасова вполне амбивалентно: он и восхищается этими свойствами русского крестьянина, и досадует на то, что они мешают ему перестроить жизнь на более разумной основе.

Куда более обличительный и прямо бунтарский характер носит написанная в 1886 году сказка М. Е. Салтыкова-Щедрина «Богатырь». Царствование Александра III, вошедшее в историю как время особого внимания к национальным традициям, проявляемого самодержцем, чей внешний облик прямо и, очевидно, сознательно ассоциировался с образом русского богатыря, похоже, вызывало у великого сатирика прямо-таки рвотную реакцию. Герой его сказки уже не «святорусский богатырь», а прямо языческий. Его родила Баба-Яга, и все его «богатырство» сводится к тому, что он тысячу лет спит в дупле, где и сгнивает. Однако этот текст, художественные достоинства которого, видимо, вызывали сомнения даже у автора, не пытавшегося его

не только публиковать, но и распространять методом «самиздата», не стал явлением литературной жизни той эпохи. Опубликованный впервые только в 1922 году, он так и остался на периферии отечественной литературы, не оказав сколько-нибудь серьезного влияния на восприятие концепта «Богатырь» русским культурным сознанием.

При всей неоднозначности и сложности этого восприятия в наступившую эпоху русского модерна, оно продолжало сохранять эталонный характер и в конце XIX – начале XX века. В живописи эстафету богатырской тематики от Василия Васнецова приняли Иван Билибин, Николай Рерих, Михаил Врубель и целый ряд менее известных художников. В моде оставались оперные и драматические постановки на темы русской истории, балы в русских исторических костюмах. Богатырь оставался одним из излюбленных образов во всей культурной жизни тогдашней России.

Не прошла мимо него и поэзия Серебряного века. Можно наугад открыть сборник любого поэта той эпохи и, пролистав несколько страниц, встретиться с образами и понятиями, прямо соотносящимися с миром народной и древнерусской культуры. Слово *богатырь* достаточно часто встречается у Александра Блока (например, «Сны» – 1912 год), Константина Бальмонта (стихотворение «Богатырь»), Осипа Мандельштама («В белом раю лежит богатырь...» – 1914 год). Вполне естественно обращение к этой тематике для раннего творчества Сергея Есенина («Сказание о Евпатии Коловрате» – 1912 год). Словотворец Николай Клюев наделяет богатырскими свойствами русскую избу («Изба-богатырица»).

Примеры можно множить. Богатырская тематика в поэзии Серебряного века, безусловно, заслуживает отдельного исследования. Однако нельзя не отметить краткость периода ее бытования. Естественная вспышка, вызванная патриотическим подъемом 1914 года, была почти полностью погашена «окаянными днями» революции 1917-го. Шлем «богатырка», изготовленный по эскизу Васнецова, вскоре обрел звезду и был переименован в «буденовку». Соответственно богатырь, как принадлежность того «старого мира», от которого всем предлагалось отречься, революционным сознанием стал восприниматься как символ белогвардейский.

Однако всерьез вычеркнуть «богатыря» из русского культурного сознания не пытался и советский Агитпроп. На некоторое время этот образ просто передвинулся из культурного мейнстрима на периферию. Когда же в 1936 году режиссер Александр Таиров предпринял попытку возобновить в Камерном театре оперу-фарс А. П. Бородина «Богатыри» по новому либретто, написанному Демьяном Бедным, последовало постановление Политбюро ЦК ВКП(б), запретившее пьесу Д. Бедного «Богатыри» в числе прочего и за то, что она «огульно чернит богатырей русского былинного эпоса, в то время как главнейшие из богатырей являются в народном представлении носителями героических черт русского народа».

Таким образом, в условиях приближающейся мировой войны концепт «Богатырь» оказался вполне годным для идеологического поворота к патриотическому воспитанию, без которого страна просто не могла обойтись. Тем более востребован был он с первых дней Великой Отечественной войны. Уже «Священная война» – песня А. В. Александрова на слова Василия Лебедева-Кумача (в основе текста были стихи, написанные А. А. Бодеем еще в 1916 году), появившаяся 23 июня 1941 года, – прочно ассоциировалась с образами богатырей, противостоящих «проклятой орде».

Александр Твардовский, пожалуй, глубже и точнее всех выразил в годы войны и родство русского солдата с былинными богатырями, и эволюцию этого образа в сознании солдата Великой Отечественной:

Богатырь не тот, что в сказке –
Беззаботный великан,
А в походной запояске,
Человек простой закваски,
Что в бою не чужд опаски,
Коль не пьян. А он не пьян.
<...>
В бой, вперед, в огонь кромешный
Он идет, святой и грешный
Русский чудо-человек
(«Василий Теркин») [7, с. 248–249].

Именно такими, «святыми и грешными», оставались в народном сознании Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович, образы которых, как и имена русских князей и полководцев, вновь были актуализированы в годы войны.

Вторая половина XX века несколько притушила актуальность богатырского концепта. Интересно, однако, что сохранялась она большей частью в связи именно с Великой Отечественной войной, а не с былинными временами. В этом отношении интересно происхождение Богатырского проспекта в Санкт-Петербурге, получившего свое название в ноябре 1973 года в память о «воинах-лётчиках, по-богатырски защищавших ленинградское небо в годы Великой Отечественной войны» [4, с. 51].

В русской литературе этого периода концепт «Богатырь» тоже проявлялся главным образом в связи с испытаниями, пережитыми страной и народом в недавнем прошлом. Так, например, Иван Шухов, герой повести Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича», вполне может трактоваться как тот же «чудо-человек», убежденный в том, что и на войне, и в лагерной преисподней нельзя выжить, впадая в грех уныния и бесчестия. Этот герой, скорее, ближе к «святोरусскому богатырю» Савелию из поэмы Некрасова, чем к былинным богатырям.

Таким образом, концепт «Богатырь», ставший органичной частью русской культуры и литературы, в ходе эволюции впитал в себя изменения, произошедшие в национальном историческом и культурном самосознании, актуализируясь на каждом историческом этапе в несколько новом качестве, но сохраняя при этом изначально присущее ему понимание чести, мужества, патриотизма.

В нынешнем, XXI столетии концепт «Богатырь» в отечественной культуре носит либо ретроспективный, либо сказочно-фантазийный характер. Однако его изменения и новая актуализация, как показывает исторический опыт, вполне возможны

Список литературы

1. Аксаков К. С. О различии между сказками и песнями русскими (По поводу одной статьи) // Аксаков К. С. Полное собрание сочинений : Т. 1. М. : Тип. П. Бахметева, 1861. С. 399–408.

2. Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина. Статья шестая // Белинский В. Г. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3. М.: Худож. лит., 1948. С. 423–450.
3. Буслаев Ф. И. Русский богатырский эпос. Русский народный эпос. Воронеж: Центрально-Черноземное кн. изд-во, 1987. 256 с.
4. Горбачевич К. С., Хабло Е. П. Почему так названы? О происхождении названий улиц, площадей, островов, рек и мостов Ленинграда. Л.: Лениздат, 1985. 511 с.
5. Поэты XVIII века: в 2 т. Т. 2. Л.: Сов. писатель, 1972. С. 226–236.
6. Семенова Ю. С. Екатерина II как либреттист: Жанровые особенности комических опер императрицы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 15. Искусствоведение. 2012. Вып. 1. С. 255–263.
7. Твардовский А. Т. Поэмы. М.: Современник, 1971. 488 с.

ИСТИННОЕ ПРАВОСЛАВИЕ: ПРОТОПОП АВВАКУМ И Н. В. ГОГОЛЬ. ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

А. А. Дударева, В. Н. Ерохин

Статья посвящена описанию типологических параллелей осмысления русского православия в текстах протопопа Аввакума и Н. В. Гоголя. В рамках дуализма русской культуры авторы четко противопоставляют православие и язычество другим религиям и конфессиям. Это противопоставление проходит и на общем уровне, и на уровне конкретных деталей: правильного написания букв, правильных блюд и напитков, употребления бранных слов, осмысления «чистых» и «нечистых» мест. Это позволяет показать, что определенные константы русской культуры остаются неизменными на протяжении веков.

Ключевые слова: история русского языка, история русской литературы, лингвокультурология, стилистика, поэтика.

В конце XV века Московская Русь становится центром православного мира. В 1453 году происходит завоевание турками Константинополя, а в 1480 году свержение в России татарского ига. С падением Константинополя московский государь становится единственным независимым правителем православного мира, если не считать Грузии, которая тогда представлялась Москве скорее легендарным, чем реальным государством. Женидьба Иоанна III на греческой царевне Софии Палеолог, дочери Фомы, одного из двух сыновей последнего византийского императора Константина Палеолога, в 1472 году [5, с. 865–871] еще более укрепила престиж Московского государства, утверждающегося в Европе. Типологически эта женидьба соответствует браку князя Владимира, принявшего христианство и крестившего Русь, с византийской принцессой Анной, сестрой императора Василия II. В результате возникает концепция Москвы, во многом определившей дальнейшее культурное развитие России как третьего Рима.

«Идея “Москва – третий Рим” по самой своей природе была двойственной. С одной стороны, она подразумевала связь Московского государства с высшими духовно-религиозными ценностями. Делая благочестие главной чертой и основой государственной мощи Москвы, идея эта подчеркивала теократический аспект ориентации на Византию. В этом варианте идея подразумевала изоляцию от “нечистых” земель. С другой стороны, Константинополь воспринимался как второй *Рим*, то есть в связанной с этим именем политической символике подчеркивалась имперская сущность – в Византии видели *мировую империю*, наследницу римской государственной мощи. Таким образом, в идее “Москва – третий Рим” сливались две тенденции – религиозная и политическая» [7, с. 352].

Так в самых широких кругах русского общества возникло твердое убеждение, что христианство Руси со всеми местными его особенностями – одно в мире истинно, и никаким поправкам и поновлениям со стороны не подлежит: как пал Древний Рим от ереси и гордости, так пал и второй Рим (Царьград) от непостоянства. Теперь Москва – третий и последний Рим, единственное убежище православной веры и истинного благочестия. В 1551 году Стоглавый собор признал истинными все обряды и все тексты русского богослужения. Аввакум идет еще дальше: в «Беседах...» он сравнивает Флорентийский собор с Московским собором 1654 года, на котором были приняты Никоновы нововведения: «Богу же попускающу, по начинанию сердец их, а врагу действующу, собираяся на сонм той лукавый царь, и патриарси гречестии, и весь Восток и Запад, от всех стран: и наш митрополит Исидор Московский таможе бысть. И сотвориша во Флоренце граде собор, яко и у нас бысть ныне при вселенских в Москве такая же лукавая сонмища; утвердиша прелесть свою паче прежнего» [4, с. 131–132].

Так же и в тексте «Страшной мести» Гоголя православная религия и культура наиболее остро противопоставлена другим: униатской, католической, исламской и даже антибожеской, сатанинской. Это ярко выражается в попытках пана Данило понять веру и суть тестя, вернувшегося из «чужой земли», где он пропал двадцать один год: «Там все не так: и люди не те, и церквей Христовых нет...» [2, с. 209].

Сначала Данило отделяет своего тестя от православных и униат, говорит ему: «Думай себе что хочешь <...> думаю и я себе. Слава Богу, ни в одном еще бесчестном деле не был; всегда стоял за веру православную и отчизну, – не так, как иные бродяги таскаются Бог знает где (намек на прошлое тестя. – А. Д., В. Е.), когда православные бьются на смерть, а после нагрянут убирать не ими засеянное жито. На униатов даже не похожи: не заглянут в Божию церковь» [Там же, с. 215].

Далее униаты характеризуются следующим образом: «Шляхетство наше все переменяло на польский обычай, переняло лукавство... продало душу, принявши унию» [Там же, с. 230]. Здесь имеется в виду Брестская уния, объединение православной и католической Церквей с признанием главенствующей роли папы и ряда католических догматов при сохранении своих обрядов и богослужения, которая была принята на церковном соборе в Бресте в 1596 г. Однако эта была не единственная уния двух церквей.

В 1439 году греческая иерархия на Флорентийском соборе заключила унию с католической церковью под угрозой турецкого нашествия в надежде обрести союзников в Западной Европе. Тем самым греческая церковь много потеряла в глазах православной России. Великий князь Василий даже посадил в тюрьму митрополита Исидора (грека по происхождению), подписавшего унию. Спустя несколько лет Константинополь был завоеван турками, в чем православные русские христиане увидели Божие наказание Византии за ересь.

В текстах Аввакума и Гоголя истинная вера от неистинной часто отличается конкретными деталями, которые сейчас можно посчитать несущественными, но они играли чрезвычайно важную роль в русской культуре.

Это видно на примере языковой полемики никонианцев и раскольников. Первые неоднократно обвиняли старообрядцев в невежестве, в незнании греческого и латинского языков и основных положений грамматики и риторики. Раскольники, признавая свою неученость, обвиняли никонианцев в отступлении от традиции, освященной именами Кирилла и Мефодия. На Руси широко было известно «Сказание о письменах» черноризца Храбра (отрывки из него вошли даже в буквари XVII века), где обосновывается божественное

происхождение славянской письменности, которую создали святые Кирилл и Мефодий, в то время как греческое письмо создали эллины язычники, причем в подражание нечестивым униатам и католикам. О них Аввакум писал следующее: «Егда же соблудиша римстии людие и весь Запад... <...> Мы же, правовернии, сие блядское мудрование Римскаго костела и выблядков его, поляков и Киевских унийт, еще же и наших никониян, за вся их нововводныя коби (*кобь* – ересь, несоблюдение христианских обрядов. – А. Д., В. Е.) еретическия анафеме трижды предаем...» [4, с. 130].

Еретические, с точки зрения старообрядцев, нововведения никоиан не затрагивали основ Св. Писания, касаясь по большей части собственно языковых особенностей текстов. Однако сторонники старого православия не могли принять никаких исправлений в священных текстах, даже «малейших черт» божественного письма (имеется в виду специфическое написание букв или употребления надстрочных знаков). Изменение этих черт могло восприниматься как еретическое, а графика новопечатных книг несколько отличалась от рукописных. Вопрос о буквах будет существен и в начале XVIII века. В 1710 году в правленной Петром азбуке были вычеркнуты всего три буквы, хотя самим Петром было задумано убрать все графические дублеты. Однако это вызвало серьезные возражения в связи с параллелизмом славянского и греческого алфавитов и разницей буквенных значений в греческом. Так, например, имя Феодоръ через θ – «фиту» обозначало «Божий дар», Феодоръ через ϕ – «ферт» – «дар змеи» [3, с. 78].

Данило испытывает тестя «правильными» напитками (медом и горилкой), но тот не пьет:

«– Горелки даже не пьет! экая пропасть! Мне кажется, пани Катерина, что он и в Господа Христа не верует. <...>

– Чудно, пани! – продолжал Данило, принимая глиняную кружку от козака, – поганые католики даже падки до водки; одни только турки не пьют» [2, с. 218].

Из-за этого Данило называет тестя «турецким игуменом». Далее следует предложение тестю «правильных» блюд: галушек («Это христианское кушанье! Все святые люди и угодники Божии едали галушки» [Там же, с. 219]) и свинины. Отец Катерины съедает немного

галушек, не находя в них вкуса («...никакого вкуса нет!» [Там же]) и отказывается от свинины. «– Для чего же не любить свинины? – сказал Данило. – Одни турки и жида не едят свинины» [Там же]. «Только одну лемишку с молоком и ел старый отец и потянул вместо водки из фляжки, бывшей у него в пазухе, какую-то черную воду [Там же].

Характерно неразличение и постановка в один ряд мусульман и иудеев. Они воспринимаются как враги: турки всегда были военными противниками казаков, а «жидовство угнетает бедный народ» [Там же, с. 230].

Еще одним важным признаком неистинной веры является брань. Ю. М. Лотман отмечал: «Ср. в этой связи матерную ругань как элемент языческого поведения: не случайно древнерусский проповедник, обличая срамословие, говорит, что матерным словом оскорбляется Матерь Божия, другая мать, родная всякому человеку, и “третья мати – земля, отъ неяже кормимся”, связь материцы и Матери Земли явно обусловлена еще дохристианскими представлениями. В свете сказанного выше представляется характерным встречающееся в древнерусской учительной литературе мнение, что матерная брань – “то есть жидовское слово”...» [6, с. 97]. Отметим, что «жидовское» может означать и языческое, и вообще иностранное (неправославное), в том числе латинское. У Аввакума тоже встречаются крепкие выражения. Кроме цитированных выше, можно привести и другие примеры: «Наипаче ж попы и бабы, которых унимал от блудни, вопят: “убить вора, блядина сына, да и тело собакам в ров кинем!”» [4, с. 64]; «Потом паки ко мне пришли власти и про аллилуйя стали говорить со мною. И мне Христос подал – посрамил в них римскую ту блядь Дионисием Ареопагитом...» [4, с. 102]. Заметим: брань вкладывается в уста противников протопопа или относится к католикам.

В «Страшной мести» тоже православные не ругаются, брань переносится на обычаи поляков (католиков) в сравнении с татарами (следует отметить, не в пользу первых): «Паны веселятся и хвастают, говорят про небывалые дела свои, насмеваются над православьем, зовут народ украинский своими холопьями... <...> С ними и ксендз вместе. Только и ксендз у них на их же стать, и с виду даже не похож на христианского попа: пьет и гуляет с ними и говорит нечестивым

языком своим срамные речи. <...> Паны беснуются и отпускают штуки: хватают за бороду жида, малюют ему на нечестивом лбу крест; стреляют в баб холостыми зарядами и танцуют краковяк с нечестивым попом своим. Не бывало такого соблазна на Русской земле и от татар» [2, с. 229].

Католичество всегда воспринималось в древнерусской культуре как ересь, сравнимая с язычеством: по данным Ю. М. Лотмана, древнерусские книжники «могли даже утверждать, что латинские еретики хуже язычников, “зане неможно блюстися ихъ, а поганых можно. Латина Евангеліе и Апостолы имѣють и ины свята, и во церковь ходять; но вѣра ихъ и законъ нечистъ; всю землю осквернили суть”. Иными словами, “латинство”, в отличие от язычества, воспринималось как кощунственное пародирование подлинного христианства – внешне ему подобное, но наполненное иным содержанием, так сказать, православие наизнанку» [6, с. 96].

С XI века возникает отдельный жанр полемических сочинений «на латины», в которых католикам иногда приписывают языческие и даже вовсе фантастические обряды и поведение, ср. данные Ю. М. Лотмана:

«Для отождествления католицизма и язычества характерно также утверждение, что “латины” ходят в церковь в “половчатыхъ ризахъ” и в “угорятъ клобуцъ”. Вне зависимости от исторической достоверности этого сообщения, знаменательно само приравнивание языческой половецкой и католической венгерской одежды.

Примечательный пример такого же рода находим в обличении католиков в Минеях митрополита Макария: “В первую же ночь лежит с невѣстою попъ въ олтари за трапезою, положивъ на коврѣ, и прекрестить женьскую срамоту и цѣлуеть въ срамоту. И речеть: то ми еси была мати, а нынѣ ми еси жена. И тако съ нею лежить, и сквернѣ уже изшедши изъ невѣсты на коверъ и измывъ и иждемъ той коверъ, и тою скверною кропать люди по церкви”. Излишне говорить о том, что никаких реальных параллелей к описанному обряду у католиков не было» [Там же, с. 97–98].

Книжник реконструирует фантастический обряд, опираясь, возможно, на глубоко архаичную традицию.

Еще более ярко разница между поляками и православными подчеркивается в следующем контексте, где поляки объявляются нехристианами: «Висит оружие, но все странное: такого не носят ни турки, ни крымцы, ни ляхи, ни христиане, ни славный народ шведский [2, с. 221]. Это подтверждают и слова Данилы о поляках: «Еще в прошлом году, когда собирался я вместе с ляхами на крымцев (тогда я еще держал руку этого неверного народа)...» [Там же, с. 224].

Подобное объединение других вер и культур в противовес единственно правильному православному миру весьма характерно для русской средневековой культуры, как и топографическое восприятие русской земли как своей, а других – как чужих, опасных и вывороченных. Это ярко показано в «Страшной мести»: «За Киевом показалось неслыханное чудо. Все паны и гетьманы собирались дивиться сему чуду: вдруг стало видимо далеко во все концы света. Вдали засинел Лиман, за Лиманом разливалось Черное море. Бывалые люди узнали и Крым, горою подымавшийся из моря, и болотный Сиваш. По левую руку видна была земля Галичская» [Там же, с. 239].

Парадоксальность описываемой ситуации заключается в следующем. Если из Киева стало возможным видеть Крым, то паны и гетьманы должны смотреть на юг, но тогда Галичская земля находилась бы справа (на западе). Ставя ее по левую руку (слева), автор описывает не географическое (профанное), а сакральное пространство. Левая сторона – сторона дьявола, в противоположность правой, правильной, православной. Поэтому Галиция, как местность по преимуществу католическая, противопоставленная в русском культурном сознании православному пространству, должна располагаться с левой стороны.

Заметим, что замок колдуна находится на левом берегу Днепра, а в итоге антигерой (анти-отец Катерины, убившей ее мать и пытающийся стать ее мужем) вообще в конце концов исключается из рамок земного мира, приравненный к Иуде и сброшенный в преисподнюю, в пропасть, где «дна никто не видал» [Там же, с. 244]. Невидимость – буквальное значение именованная *Аид*.

В качестве итога: «Русская идея» на протяжении столетий эволюционировала, но ее основу всегда составляла *религиозность (вера)*

и соотносительный с ней *патриотизм...*» [1, с. 78]. Ключевые концепты – константы остаются неизменными на протяжении веков.

Список литературы

1. Волков В. В., Волкова Н. В., Гладилина И. В. Русский менталитет и европейская идентичность. Лингвистический и лингвоментальный аспекты // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2019. № 1. С. 69–80.
2. Гоголь Н.В. Собрание сочинений: в 17 т. Т. 1–2. М.; Киев: Изд-во Моск. Патриархии, 2009. 664 с.
3. Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 591 с.
4. Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения / Под ред. Н. К. Гудзия. М.: Гослитиздат, 1960. 480 с.
5. Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. I–VI. М.: Эксмо, 2002. 1024 с.
6. Лотман Ю. М. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство–СПБ, 2002. С. 88–116.
7. Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Отзвуки концепции «Москва – третий Рим» в идеологии Петра Великого (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство–СПБ, 2002. С. 349–361.

**КОНЦЕПТ «ЗРЕНИЕ» В ЯПОНСКИХ ВПЕЧАТЛЕНИЯХ
РУССКИХ ЖУРНАЛИСТОВ
(путевые «Очерки из кругосветного плавания»
А. В. Вышеславцева
и «Ветка сакуры» В. В. Овчинникова)**

А. А. Ёлкина

Статья посвящена анализу художественного концепта «зрение» в литературе путешествий на основе антитезы «свой – чужой» в «Очерках пером и карандашом из кругосветного плавания» А. В. Вышеславцева и «Ветке сакуры (Рассказ о том, что за люди японцы)» В. В. Овчинникова.

Ключевые слова: *имагология, свой – чужой, Россия, Япония, В. В. Овчинников, А. В. Вышеславцев, концепт.*

Интерес к путешествиям и дальним странам впервые отразился в русской литературе в жанре «хождения», который первоначально был связан исключительно с описанием паломничеств. Позднее жанр трансформировался в путевые очерки и дневники путешествий. Все увиденное и услышанное тщательно фиксировалось и становилось известно широкой аудитории.

Постепенно цель путешествий в другие страны меняется, на первый план выходит дипломатия, экспедиции ведутся с целью торговли и установления мирных договоров. С середины XIX века популярность приобретает Япония. Все еще оставаясь на тот момент страной, в которую практически невозможно было попасть (Рестаурация Мэйдзи 1868 года изменила судьбу Японии, открыв для иностранцев двери в недоступный до этих пор «запертой ларец с потерянным ключом») [14, с. 82], русские путешественники и первопроходцы одними из первых начинают налаживать дипломатические контакты, тем самым приподнимая занавес тайны. Также и Всемирная выставка в Париже в 1867 году [6], и в дальнейшем Русско-японская война 1904–

1905 гг. и множество других событий все больше подогревали интерес к этой стране как в позитивном, так и в негативном плане.

Литература путешествий подразумевает, в первую очередь, сравнение и анализ чужих реалий на основе антитезы «свой – чужой». «Это противопоставление в разных видах описывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, народного, массового, национального мироощущения», – пишет Ю. С. Степанов [15, с. 126]. В этом случае стоит обратиться к художественному концепту «зрение», важной составляющей этой категории и любых путевых очерков, чтобы проследить эволюцию визуальных впечатлений от раннего путевого текста к современному.

Понятие «концептосфера» тесно связано не только с лингвистикой, но и с литературоведением, где «концепт» как понятие определяется в более широком смысле. Здесь мы имеем дело с концептом художественным или, по-другому, литературным, который несколько отличается от основной идеи. Если в лингвистике понятие «концепт» определяется как «единица коллективного знания / сознания, отправляющая к высшим духовным ценностям, имеющая языковое выражение и отмеченная лингвокультурной спецификой» [1, с. 70], то «художественный концепт», как утверждает В. З. Демьянков, – «это инструмент, позволяющий рассмотреть в единстве художественный мир произведения и национальный мир. Вводя концепт как единицу анализа, литературоведение получает возможность включить образную ткань произведения в общенациональную ассоциативно-вербальную сеть» [5, с. 47]. Стоит отметить, что «именно в произведении концепт получает статус художественного. Как элемент художественной философии он реализуется в произведении, с одной стороны, как выражение авторского мышления, а с другой – самодостаточной системы со своими законами, над которой автор уже не властен. Соответственно, и художественный концепт здесь реализуется неоднозначно: он формирует художественный мир произведения и видоизменяется им. Концепт основывает концептосферу произведения на уровне смысла, заложенного художником, передавая ум, дух, мысль автора», – пишет С. С. Неретина [10, с. 54].

Анализировать художественный концепт «зрение» мы будем на раннем и более позднем путевом материале, что необходимо для бо-

лее глубокого понимания его трансформации. Это «Очерки пером и карандашом из кругосветного плавания» А. В. Вышеславцева (1862) и «Ветка сакуры (Рассказ о том, что за люди японцы)» В. В. Овчинникова (1970), их разделяет столетие, однако вместе с тем тексты схожи как опыты популяризации японской культуры.

Вначале необходимо охарактеризовать изменения в трактовке понятия «зрение». По В. И. Далю, *зреть* означает «глядеть, смотреть, видеть; понимать, постигать; обращаться лицом куда-л.» [4, с. 694]. С. И. Ожегов же трактует *зрение* как «одно из внешних чувств человека и животного, органом которого является глаз; способность видеть; точка зрения на кого (что) чьё-н. мнение о ком-чём-н., взгляд» [12, с. 468]. Как можно заметить, спустя век семантическое поле данного слова расширилось и к физиологической составляющей («зреть = видеть») добавилась ментальная – мнение («зрение = точка зрения»), играющее ключевую роль в литературе путешествий, о которой дальше пойдет речь. В литературной среде концепт «зрение» можно определить скорее как «визуальное мнение», нежели просто «точка зрения».

Своё «визуальное мнение» о Японии одним из первых наравне с И. А. Гончаровым [7; 8; 13; 14] начал формировать русский путешественник и литератор Алексей Владимирович Вышеславцев. В середине XIX века он совершает кругосветное плавание на клипере «Пластун» и корвете «Новик» [3], которое длится три года. Во время путешествия он целый год провел у берегов Японии, успев не только оставить об этой стране путевые дневниковые записи, но и сделать серию карандашных рисунков. Вскоре по возвращении в Петербург (1860–1861) в печати появились письма А. В. Вышеславцева из Японии. Такой материал он предложил журналу «Русский вестник». Информация об интересном авторе, об эксклюзивном материале кругосветного путешествия быстро распространилась среди издателей Петербурга [9].

А. В. Вышеславцеву в Японии оказывается интересно все: культура, история, наука, религия, обычаи и традиции. К описанию каждого из аспектов он подходит очень серьезно, с присущей ему педантичностью дает точную характеристику всему увиденному, каждый раз сопровождая подробной исторической справкой. Все это представ-

ляет собой бесценный материал, благодаря которому читатель может познакомиться с Японией того времени не только с визуальной, но и с исторической точки зрения.

Вышеславцев – любопытный зритель, который пытается все увиденное «чужое» проанализировать и переосмыслить через «свое» русское миропонимание. Вот как он описывает один из обрядов на улицах древней Канагавы: «Ходя по улицам <...>, я встретил какую-то странную церемонию, значение которой я никак не мог себе объяснить. Впереди шла молодая, очень красивая женщина с распущенной косой; ее сопровождала целая толпа женщин, старух, детей и мужчин. Несмотря на участие и видимое сожаление, которое выказывали сопровождавшие, она была весела и с каким-то самодовольствием влекла за собою, как будто чарами своей красоты, разнообразную толпу. <...> как раз сделаешь заключение, вроде того, что в России, в деревнях и в городах часто видишь виселицы, и что там живут маленькие люди с одной ногой, называемые *maltchiki*. Но зачем объяснение, – удовольствуйтесь картиной, которая меня остановила и была в самом деле очень любопытна». Путешественник показывает и дипломатическую сторону жителей, и дает оценку японскому «тихому и смиренному» характеру, тонко подмечая, что «этот такт <...> нигде не оставляет японца, где бы вы ни встретили его», но в то же время «это впечатление приличности ведет малознакомых с японцами к ложным заключениям» [2, с. 300]. Удивительно, что Вышеславцев смог в какой-то степени предсказать будущее развитие японского государства и определить его историческую судьбу: «...видят в них народ с великим будущим, замечательные способности и т. п., но эта сдержанность, выражающаяся приличием, не есть залог будущей силы, а только следствие постоянных колодок, в которых исконно находился этот народ» [Там же].

Автор путевых очерков останавливает свое внимание на устройстве японского государства, объясняя читателю, на какие княжества разделяется страна, какие князья стоят у власти, когда и во время правления какого микадо произошли первые контакты с европейцами, появление христианства и гонения на христиан. Также он даёт подробную характеристику главному управленческому органу власти – государственному совету.

Описание политической жизни страны, ее управленческого аппарата, – несомненно, важная задача для Вышеславцева, путешествие которого в своем роде носило дипломатический характер. Интересно, что, начиная с фактического описания вещей или событий, автор в дальнейшем углубляется в философию и историю появления того или иного действия, пытаясь постигнуть суть японской души, лучше понять мысли этих людей для более успешного дипломатического взаимодействия. Описание принципа работы государственного совета также сопровождается подробной характеристикой наказания за несогласие тайкуна (сёгуна) с мнением советников – смертная казнь через харакири. Вышеславцев в своём очерке и этому обряду уделяет достаточное внимание: «Хара-кири значит “счастливое разлучение”. Так как в Японии казнь налагает на семейство преступника стыд, и имение подвергается конфискации, то всякий порядочный японец, совершив преступление, достойное казни, должен избавиться от нея самоубийством» [Там же, с. 308]. Вообще тема обрядов и традиций проходит красной нитью через путевые заметки Вышеславцева о Японии, что показывает некий интерес автора именно к этой стороне культуры чужого народа – самобытной, уникальной и первородной, ведь именно через обрядовость можно постараться познать загадочную суть души «другого».

Стоит сказать и о том, как путешественник старается познать японский характер через детали и отношение японцев к ним, но в то же время стараясь проанализировать увиденное через «своё». Вышеславцев заостряет внимание на таких моментах, как особенности церемонии чаепития в Японии и России, убранство и расположение кухни в русских и японских домах, являющееся диаметрально противоположным во всем – от места в доме до степени аккуратности ведения хозяйства: «У нас обыкновенно комнаты для гостей выходят на улицу, а кухня помещается где-нибудь сзади. У японцев, напротив, сначала кухня со всею своею стряпней, впрочем, чрезвычайно опрятною» [Там же, с. 311]. Внимание японцев к деталям тоже не обходит путешественника стороной. Японцы могут сотворить шедевр абсолютно из всего, и «они не лишены художественного понимания вещей», «...очень немного надо, чтобы между ними <японцами> процвело искусство»

[Там же, с. 357], – пишет путешественник. Японцы обладают тонким вкусом, в отличие от тех же китайцев [Там же, с. 342] или русских, для которых эта черта пока остается не совсем понятной и чуждой. Любовь к мелочам видна как в сервировке обеда, когда «...умеют красиво расставить свои фарфоры и лаковые вещи на столах <...> самые кушанья более красивы, нежели вкусны» [Там же], так и в образе жизни и в умении жить. «Нужно иметь вкус и даже умение жить. Все это и есть у японцев», – подчеркивает дипломат [Там же, с. 368].

Особое место в очерках уделено религии (в отличие от Вышеславцева, в очерках других исследователей этот аспект освещен весьма противоречиво): «Очень трудно составить себе представление о японской религии; японцы неохотно говорят о ней, а европейские писатели часто рассказывают совершенно противоречащие вещи» [Там же, с. 367]. Обилие исторических справок о японском религиозном характере дает понять, что Вышеславцеву важно познать эту тайну самому и донести правду до других. Важно, что он не прибегает к сравнению с религией европейской или русской, а старается вникнуть в исконно-японскую обрядовую сущность синто и буддизма, владеет терминологией и, вполне возможно, редкими историческими источниками [Там же, с. 317].

Петербуржцы высоко оценили яркое описание жизни малоизвестного народа. Вышеславцев постарался в своих «Очерках» разрушить принятое в Западной Европе клише разделения народов на развитые и неразвитые. Он писал о богатейшей внутренней жизни японцев, которую европейцы просто не знали. Полемический текст «Очерков» был снабжен комментариями по поводу новейших научных открытий и гипотез. Автор подчеркивал, что нередко европейские «гладко построенные» гипотезы мирового развития рассыпаются при столкновении с действительностью (например, гипотеза европейца Ф. Зибольда о религиозности японцев [Там же, с. 319]).

По оценке М. Соловьева, известного искусствоведа того времени, А.В. Вышеславцев «первым из русских обратил должное внимание на оригинальное и высокое искусство японцев. <...> Братья Гонкуры приписывают открытие Японии себе – для художников-импрессионистов и для парижских модисток. Однако это случилось гораздо

позже. <...> Вышеславцев первый привез в Европу образцы японской живописи и альбомы. <...> Однако оценить в России их не смогли. Ждали, по европейскому обычаю, сигнала из Франции» (цит. по: [9]).

Чуть больше ста лет отделяют японские путевые очерки А. В. Вышеславцева от знаменитой книги «Ветка сакуры. Рассказ о том, что за люди японцы» В. В. Овчинникова, советского и российского журналиста, писателя и публициста, востоковеда. В ней он затрагивает вопросы политики, культуры, искусства, истории Японского государства. Книга входит в цикл заметок о Японии, но именно на ней стоит остановиться подробнее, чтобы проследить, как менялось мировоззрение русских в отношении Японии.

В. В. Овчинников, несомненно, знаком с японской культурой гораздо лучше, нежели первые путешественники, открывшие когда-то эту страну для остального мира. Интересно, что в своей книге публицист постоянно ссылается на других исследователей Японии – старых и новых, стараясь смотреть на каждый из анализируемых аспектов не только глазами современника.

Спустя век Японское государство предстает уже не закрытым, а туристическим, Овчинников ведет свое повествование скорее как турист, описывая Страну восходящего солнца как часть популярной культуры. 1970-е в Японии – начало развития туризма, культурных обменов, активного влияния Запада. И оказывается вполне естественным, что современный автор задается уже совершенно другими вопросами и обращает свое внимание уже на иные вещи. Овчинников – поэт, словесный художник, который описывает живописные японские виды, словно картинку на почтовой открытке: «Япония – это страна зеленых гор и морских заливов; страна живописнейших панорам. В отличие от ярких красок Средиземноморья, которое лежит примерно на таких же широтах, ландшафты Японии составлены из мягких тонов, приглушенных влажностью воздуха. Эту сдержанную гамму могут временно нарушать лишь какие-нибудь сезонные краски. Например, весеннее цветение азалий или пламенеющие осенью листья кленов. Здесь порой думаешь, что не только художники, но и сама натура – сосны на прибрежных скалах, зеркальная мозаика рисовых полей, сумрачные вулканические озера – следует общепри-

нятым в этой стране канонам красоты» [11, с. 18]. К слову сказать, у Вышеславцева эту роль играют его собственные рисунки.

Однако с течением времени влияние индустриализации и западной культуры достигло лавинообразных масштабов, многие начали бить тревогу по поводу сохранности исконно японской культуры, в их среде оказался и Всеволод Овчинников. Журналист в книге часто говорит о том, что страна теряет свою самобытность, уникальность и прежнюю эстетику древности: образ Японии, сложившийся у иностранцев благодаря альбомам с гравюрами Хиросигэ и Хокуся, впоследствии перенесенный на японские рекламные афиши и открытки, начинает постепенно исчезать под влиянием глобализации: «Кажется, что хаос заводских труб, прокопченных стен и железнодорожных путей похоронил под собою подлинную, традиционную Японию. Убедившись, что образ, сложившийся по открыткам и рекламным календарям, довольно далек от реальности, иностранец вслед за этим задается вопросом: насколько же в самом деле осовременилась Япония и насколько живуче ее прошлое? То есть в какой именно пропорции сочетается в облике страны сегодняшний день со вчерашним?» [Там же, с. 9]. Журналист постоянно проводит параллели между старой Японией и новой, между пожилым поколением и молодёжью, между мифами о сотворении страны и реальностью. В какой-то степени визуальное в его трудах соотносится с историческим прошлым, а «в облике Японии сегодняшний день полностью заслонил вчерашний, незримое присутствие прошлого сказывается донныне. Словно камень, лежащий на дне потока, оно не выпирает на поверхность, но дает о себе знать завихрениями и водоворотами» [Там же]. «Падкая на крайности западной моды» [Там же, с. 7] молодёжь Японии отходит от нравов старшего поколения, но только до определенного момента – свадьбы, когда «верность заветам старины проявляется в покорности родительской воле» [Там же]. Здесь категория «свой – чужой» проявляется не только в культурном, но и во временном ключе.

В.В. Овчинников и А.В. Вышеславцев затронули тему японского характера и описали его суть практически одинаково. Вышеславцев говорит о том, что «у японцев нет правды и душевной чистоты», что «они все лжецы» [2, с. 339], Овчинников также подмечает двой-

ственность, когда «...не понять, как могут совмещаться в японском характере совершенно противоположные черты: церемонность и учтивость в домашней обстановке с грубостью на улице; жесткость правил поведения с распушенностью нравов; скромность с самонадеянностью» [11, с. 10], а «японская учтивость оказывается всего лишь областью личных отношений» [Там же, с. 9], суть которой нельзя постигнуть, но нужно просто принять. Но если Вышеславцев накладывает «визуальное другое», на западную модель сознания, указывая на важность душевного подвига и честности в жизни каждого человека, то Овчинникову важно найти и отметить исторические предпосылки такого поведения. Несмотря на такую негативную коннотацию в описании характера японцев, и Вышеславцев, и Овчинников восхищаются этой нацией и отмечают у них невероятное трудолюбие, любовь к деталям и тонкий вкус, который стал для них «неписаным законом» [Там же, с. 37].

Если Овчинников описывает стремительно меняющуюся Японию глазами обычного туриста, то Вышеславцев, скорее, видит Японию страной, с которой необходимо наладить дружеские, политические и торговые связи. Однако для него экономическая выгода пока не стоит на первом месте, «чужак» еще не признан и плохо изучен, неизвестно, что можно получить от этого народа и его странных обычаев, которые никак не соотносятся с западным миропониманием.

Для А. В. Вышеславцева понимание и сравнение «иноного» возможно только через «свое», и никак иначе. Согласно П. Рикеру, «я», «свое» осмысливается «только опосредованно, окольными путями, через различные культурные знаки всех видов, которые озвучиваются на основе символических медитаций» [16, р. 198]. В. В. Овчинников рассматривает Японию через коллективный поп-культурный взгляд и мифологию, которая оказывается для этой страны естественной и неизменной. Этот взгляд на Японию к середине XX века оказывается практически полностью сформированным, понятийная модель «чужого» базируется на проверенном веками материале. «Чуждое» уже не кажется «чужим», а воспринимается как устоявшееся и в какой-то мере «свое».

Япония у Вышеславцева еще неизведанная, и из-за несформированности коллективного взгляда страна воспринимается именно как

«чужое». Отдельные научные труды и ошибочные представления некоторых исследователей не способствовали на тот момент созданию и осмыслению полного образа Страны восходящего солнца. Визуальные впечатления в «Очерках» оказываются заведомо вторичными, на первый план выходят впечатления политические. Япония XX века у Овчинникова предстает уже визуально яркой, зрительные ощущения оказываются важнее и выходят на первый план. Удивительно, что предсказанные А. В. Вышеславцевым большой потенциал и великое будущее Японии позже стали смысловыми доминантами в «Ветке сакуры» В. В. Овчинникова.

В целом путевые очерки как одна из моделей описания путешествий способствуют созданию национально-художественной картины мира с помощью визуального и понятийного аппарата. Через визуальное «чужое» происходит переосмысление ментального «своего». Оба автора – и писатели, и художники, но у А. В. Вышеславцева концепт «зрение» важен как проявление *наблюдательности* с целью фиксации необычного, у В. В. Овчинникова реализован взгляд с позиции поп-культуры, а это означает подбор типических деталей, и «зрение» здесь оказывается *вниманием* к типическому.

Хотя способы описания «чуждого» у журналистов разные, но цель написания у А. В. Вышеславцева и В. В. Овчинникова единая – популяризация неизвестного, разрушение стереотипов и познание «иного».

Список литературы

1. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72.
2. Вышеславцев А. В. Очерки пером и карандашом из кругосветного плавания в 1857, 1858, 1859 и 1860 годах. СПб.; М.: М. О. Вольф, 1867. 599 с.
3. Вышеславцев Алексей Владимирович. [Электронный ресурс] // Википедия. URL: http://сijouhttps://ru.wikipedia.org/wiki/Вышеславцев,_Алексей_Владимирович (дата обращения 15.09.2019).

4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 1. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955. 710 с.
5. Демьянков В. З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке // Вопросы филологии. 2001. № 1. С. 35–47.
6. Ёлкина А. А. «Японизм» во французской живописи и «японская серия» В. Верещагина // Репутация и идентичность в русской и французской культурах: Сб. статей. Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2017. С. 140–161.
7. Краснощекова Е. А. «Мир Японии» в книге И. А. Гончарова «Фрегат «Паллада» // Acta Slavica Japonica. Т. 11. / The Slavic Research Center, Hokkaido University. Sapporo, 1993. P. 106–124.
8. Краснощекова Е. А. И. А. Гончаров: Мир творчества. СПб.: Пушкинский фонд, 1997. 492 с.
9. Медик, писатель, художник, путешественник [Электронный ресурс] // Япония: Japan. URL: <http://japan.aikiclub.ru/culture/av.asp> (дата обращения 15.09.2019).
10. Неретина С. С. Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм Абеяра. М.: Гнозис, 1994. 216 с.
11. Овчинников В. В. Ветка сакуры. Рассказ о том, что за люди японцы. М.: АСТ, 1970. 244 с.
12. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: Мир и Образование: ОНИКС, 2012. 1375 с.
13. Плужникова Ю. А. Актуальные проблемы изучения творчества И. А. Гончарова (на материале зарубежных исследований) // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2008. № 3 (43). С. 6–9.
14. Савада К. «Запертой ларец с потерянным ключом»: И. А. Гончаров в Японии // Русистика и компаративистика: сб. науч. ст. Вып. 9 / Московский городской пед. ун-т. М., 2014. С. 82–98.
15. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Акад. проект, 2004. 991 с.
16. Ricoeur P. Narrative Identity // On Paul Ricoeur: Narrative and Interpretation. Lnd.; N.Y.: Routledge, 1991. P. 188–199.

ЛЕКСЕМЫ ГРЕХ И ДОБРОДЕТЕЛЬ В ДУХОВНОЙ ПРОЗЕ Н.В. ГОГОЛЯ: УЗУАЛЬНЫЕ И КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ И СМЫСЛЫ

А. В. Некрасова

В статье рассматриваются узуальные и контекстуальные значения и смыслы лексем *грех* и *добродетель* в «Выбранных местах из переписки с друзьями» и «Размышлениях о Божественной Литургии» Н.В. Гоголя, что позволяет уточнить своеобразие мировоззрения писателя, его взгляды на место христианской составляющей в социальной и духовной жизни России, на пути ее развития.

Ключевые слова: *Н. В. Гоголь, грех, добродетель, лексико-семантическое поле, узуальные и контекстуальные значения и смыслы, «Выбранные места из переписки с друзьями», «Размышления о Божественной Литургии».*

Поздние произведения Н.В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847) и «Размышления о Божественной Литургии» (1857 – цензурованная рукопись, 1889 – подлинная), которые в жанрово-тематическом отношении принято рассматривать как произведения духовной прозы, представляют особый интерес для выявления особенностей его мировоззрения, его взглядов на место христианской составляющей в социальной и духовной жизни России, на пути ее развития.

Гоголевская картина мира антропоцентрична, а следовательно, как мы уже отмечали ранее, «антропоцентрическая реконструкция лексико-семантических структур языка в целом либо отдельного словесного произведения <...> носит лингвоперсоналогическую направленность, позволяя выявить существенные особенности <...> языковой личности...» [9, с. 86]. В то же время картина мира позднего Гоголя в том виде, как она предстает в произведениях духовной прозы, христоцентрична, ее специфически православные христианские

особенности в данной статье рассматриваются на основе выявления узуальных и контекстуальных значений и смыслов лексем *грех* и *добродетель*, в которых совмещаются сакрально-религиозные и секулярные компоненты.

Узуальные (из лат. *usus* ‘правило, норма’) – это такие общепринятые, социально нормативные значения, которые представлены в кодифицированном литературном языке и отражены в толковых словарях. Контекстуальные или окказиональные (из лат. *occasionalis* ‘случайный’) значения и смыслы выходят за пределы нормативно-привычного, обусловлены личностным опытом, проявляются в специфических контекстах.

В словаре В. И. Даля *грех* толкуется как (1) поступок, противный закону Божию; вина перед Господом; (2) вина или проступок; ошибка, погрешность; (3) беда, напасть, несчастье, бедствие (за грехи); (4) то, что грешно, греховно [4, т. 1, с. 402].

В современных словарях *грех* трактуется следующим образом: 1) предосудительный поступок [7; 10; 14]; 2) преступление [14]; 3) ошибка, недостаток [7]; 4) нарушение религиозно-нравственных предписаний (религ.) [7; 14]; 5) разг. То же, что *грешно* [14]; 6) перен. устар. Беда, несчастье [7]. Значение «нарушение воли Бога» сопровождается пометой «у верующих».

Этимологические словари [15, с. 216; 17, с. 114–115; и др.] фиксируют мотивирующие признаки ‘ошибка’, ‘заблуждение’, ‘путаница’, ‘кривой / косо́й’, ‘промахиваться’, ‘провиниться’. Версия с **grěchъ* – **grěti* ‘горение, жжение (совести)’, как смутное ощущение жжения, боли от неправоты, разлада с самим собой и с окружающими, отдаления от Бога, появляется позднее, в христианстве.

Русская лексема *грех*, вслед за представлением о грехе как о предосудительном поступке, изначально связана с религиозной сферой, далее с секулярной. По православному вероучению и основывающейся на нем религиозной этике, «грехом на богословском языке грехом называется всякое, как свободное и сознательное, так и не свободное и бессознательное, отступление делом, словом и даже помышлением от заповедей Божиих и нарушение Закона Божия, беззаконие» [16, с. 820]; грех – это «нарушение действием, словом или мыслью дан-

ного Богом нравственного закона, религиозно-нравственных правил, заповедей; поступок, свидетельствующий о таком нарушении» [12, с. 115].

В секулярной сфере толкование греха связывается с утратой исходного представления об обусловленности моральных норм религиозными чувствами и предписаниями, *грех* здесь понимается как нарушение делом норм человеческого общежития, как нарушение нравственных, этических, юридических норм, формируемых социумом.

В тексте «Выбранных мест из переписки с друзьями» обнаружено 12 словоформ с дескрипторным компонентом *грех-* и 6 с *греш-*; всего 3 лексем с *добродетел'*. В «Размышлениях о Божественной Литургии» выявлено 17 лексем с дескрипторным компонентом *грех-*, 22 с *греш-* (из них 3 с приставкой *без-*) и 3 с *добродетел'*.

Лексем *грех* и *добродетель* и однокоренные им наличествуют в 45 гоголевских фрагментах.

В ходе лексико-семантического анализа данных фрагментов нами выявлены следующие узуальные и контекстуальные значения и смыслы лексем с корневой морфемой *грех-* / *греш-* (выделения курсивом в последующих цитированиях сделаны мною. – А. Н):

1) 'нарушение закона Божьего, жизнь не по заповедям вследствие непонимания своей греховности, нравственной слепоты' («*Грешит* нынешний человек, точно, несравненно больше, нежели когда-либо прежде, но *грешит* не от преизобилья своего собственного разврата, не от бесчувственности и не оттого, чтобы хотел *грешить*, но оттого, что не видит *грехов* своих. Еще не ясно и не совсем открылась страшная истина нынешнего века, что теперь все *грешат* до единого, но *грешат* не прямо, а косвенно» [3, с. 94]; и др.);

2) 'недооценка собственной необходимости, неприменение способностей во благо России' («Говорю вам, что с этим вашим свойством вы теперь слишком нужны России... и *грех* вам, что вы даже не слышите этого! *Грех* был бы и мне, если б я не выставил вам этого свойства» [Там же, с. 91]);

3) 'не пытаться понять проблемы современности в свете вечной истины и небрежное отношение к собственному таланту, растрата его' («Ради Бога, не оставляя начатого дела! Перечитывай строго Би-

блию, набирайся русской старины и, при свете их, приглядывайся к нынешнему времени. Много, много предстоит тебе предметов, и *грех* тебе их не видеть. Жуковский недаром доселе называл твою поэзию восторгом, никуда не обращенным. Стыдно тратить лирическую силу в виде холостых выстрелов на воздух, тогда как она дана тебе на то, чтобы взрывать камни и ворочать утесы» [Там же, с. 69]);

4) 'неумышленное причинение зла другому человеку вследствие неисполнения должностных обязанностей' («Устройте же это дело; не то – *грех* будет на вашей собственной душе. С моей души я уже снял его этим самым письмом; теперь он повиснул на вас» [Там же, с. 122]);

5) 'незнание России посреди России' («По поводу «Мертвых душ» могла бы написаться всей толпой читателей другая книга, несравненно любопытнейшая «Мертвых душ», которая могла бы научить не только меня, но и самих читателей, потому что – нечего таить *греха* – все мы очень плохо знаем Россию» [Там же с. 76]);

6) 'склонность к греху' («Не меньше замечателен другой тип: отъявленный мерзавец Загорецкий, везде ругаемый и, к изумлению, всюду принимаемый, лгун, плут, но в то же время мастер угодить всякому сколько-нибудь значительному или сильному лицу доставленьем ему того, к чему он *греховно* падок...») [Там же, с. 185]);

7) 'сокрушение по смерти человека' («Завещаю вообще никому не оплакивать меня, и *грех* себе возьмет на душу тот, кто станет почитать смерть мою какой-нибудь значительной или всеобщей утратой» [Там же, с. 10]);

8) 'нарушение заповедей Божиих, совершенное уже умершими христианами' («Затем берет иерей последнюю просфору, изъемлет из нее частицы в поминовение всех умерших, прося в то же время об отпущении им *грехов* их, начиная от патриархов, царей, создателей храма, архиерея, его рукоположившего, если он уже находится в числе усопших, и до последнего из христиан, изъемя отдельно во имя каждого, о котором его просили, или во имя которого он сам восхочет изъять» [Там же, с. 355]; и др.);

9) 'смертные грехи' («Он Сам сказал: Аз есмь хлеб, и ядый меня не умрет. Словом: остави нам долги наша, мы просим и о снятии с нас всех тяжких *грехов* наших, на нас тяготеющих, – просим проще-

нья нам всего того, чем задолжали мы Самому Творцу в лице братии наших, Который ежедневно и ежеминутно в образе их протягивает нам руку Свою, надрывающим всю душу воплем умоляя о милости и милосердии» [Там же, с. 384]);

10) 'предосудительные поступки' («Всюду могут случиться промотры, неправда может проскользнуть везде; за самим губернатором могут завестись *грехи*» [Там же, с. 143]).

Признаки 1, 6–9, которые целесообразно обобщить как «нарушение действием, словом или мыслью заповедей Бога; поступок, свидетельствующий о таком нарушении», наиболее непосредственно соотносятся с сакрально-религиозным мировоззрением.

Признаки 2–5 связаны с идеей общественного служения, прежде всего служения своей родине – России, с представлением о необходимости приносить пользу ближним и обществу «на своем месте», через исполнение своего предназначения «поработать Христу» (контексты: писательский талант Н.М. Языкова; высокий государственный пост графа А.П. Толстого и т. д.).

Лексема *грех* в случаях 2, 3, 5 входит в состав фразеологических единств (*братъ грех на душу, грех не видеть, нечего греха таить*), значения которых основываются на прямых номинативных значениях существительного *грех*.

Признак 10 соотносится с секулярным представлением о грехе.

Добродетель в словаре В.И. Даля толкуется как (1) доблесть, всякое похвальное качество души, деятельное стремление к добру, к избежанию зла; (2) отвл. Добро, доблесть [4, т. 1, с. 444].

В современных словарях *добродетель* трактуется следующим образом: 1) положительное нравственное качество или поведение человека, высокая нравственность, отсутствие греха и порока [6; 7; 10; 13; 14]; 2) противоп. устар. Доброе дело, благодеяние [7].

Старославянское по происхождению сущ. *добродетель* представляет собой кальку с др.-греч. ἀγαθοποιῆα 'добрые дела' (ἀγαθο-ποιέω – букв. 'творить добро, хорошо поступать', из ἀγαθόν 'благо, добро; хорошие качества, достоинства; благодеяние, польза' [5, с. 16]) или κάλο-ποιέω (букв. 'творить добро' [Там же, с. 868]), сформированную сложением с суффиксацией: *добр-о* + *де-яти* + *-тель*. Праславянские

реконструируемые формы **dobrǔ* 'хороший, добрый, отзывчивый' и **dě(ja)ti* 'ставить, класть, делать' [15, с. 258; 18, с. 230; 19, с. 46] дают следующие мотивирующие признаки: 'услуга / благодеяние', 'доблесть / храбрость / мужество', 'нравственное совершенство', 'делать / говорить соответствующее / безусловно', 'творить добро'.

Русская лексема *добродетель*, в соответствии с представлением о добродетели как основоположении нравственности, изначально связана с религиозной сферой. В современной русской речи это слово редко выходит за рамки употребления в церковно-религиозном контексте. По христианскому учению о добродетели, исходящему из этико-богословского понимания бытия человека, основополагающими добродетелями считаются имеющие абсолютно бескорыстный характер «устремленность к добру, отвержение зла» [12, с. 129], «исполнение евангельских заповедей, склонность к добру» [2, с. 96; 8, с. 42]; достижение целей христианской жизни возможно «только стяжанием специфически христианских добродетелей – веры надежды, любви – по примеру Христа» [11, с. 473].

В ходе лексико-семантического контекстуального анализа гоголевских фрагментов нами выявлены следующие узуальные и контекстуальные значения и смыслы лексем с основой *добродетел'*:

1) 'одно из высших проявлений нравственной чистоты' («Во мне не было какого-нибудь одного слишком сильного порока, который бы высунулся видней всех моих прочих пороков, все равно как не было также никакой картинной *добродетели*, которая могла бы придать мне какую-нибудь картинную наружность...» [3, с. 82]; и др.);

2) 'семейные добродетели', согласующиеся с пятой заповедью блаженства «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф 5: 5) («Для проформы только какой-нибудь начальник чмокнет в щеку инвалида, желая показать подчиненным чиновникам, как нужно любить своего брата, да какой-нибудь отсталый патриот, в досаде на молодежь, которая бранит старинные русские наши обычаи, утверждая, что у нас ничего нет, прокричит гневно: “У нас все есть – и семейная жизнь, и семейные *добродетели*, и обычаи у нас соблюдаются свято; и долг свой исполняем мы так, как нигде в Европе; и народ мы на удивление всем”» [Там же, с. 197]);

3) 'Бог' («И обкадив второй покров, покрывает им Святую Чашу, произнося: Покрыла небеса, Христос, Твоя *добродетель*, и хвалы Твоей исполнилась земля» [Там же, с. 356]);

4) 'смирение', согласующееся с первой заповедью блаженства «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (Мф 5: 3) («И приступает священник к поминанию всех пред лицом Господа, собирая всю Церковь, и торжествующую, и воинствующую, в том виде и порядке, как вспоминались все на Проскомидии, начиная с Богопресвятой, Пречистой Матери, Которую тут же вся Церковь убожает, вместе с ликом, хвалебную песню, как Предстательницу за весь род человеческий, как единственную удостоившуюся, за высокое смирение свое, понести в себе Бога, – чтобы каждый в эту минуту слышал, что высшая *добродетель* – смирение, и в сердце смиренного воплощается Бог» [Там же, с. 382]);

5) 'Богоматерь' («Да внесет каждый из предстоящих смиренье в душу свою и совершится в нем также духовное воплощение Самого Христа по слову апостола: "Сам Христос вообразится в нем". Вот почему и пророки, и евангелисты, и великие Отцы церковные, и все совершеннейшие из святых, бывшие при жизни органами Духа Божия, уступили место смиренной Деве. Вот почему и Церковь величает Ее Царицею, так же, как и самое смиренье есть царица всех *добродетелей*; представительница же этого смиренья есть одна Она, Чистейшая, Богоматерь» [Там же, с. 402–403]).

Названные признаки целесообразно обобщить как 'деятельное добро', 'богосовершенствование', они отображают церковно-религиозное представление о добродетели как устремленности к добру – необходимом нравственном качестве подлинного христианина. Невысокую частотность употребления лексемы *добродетель* в исследуемых произведениях Гоголя следует интерпретировать как «проявление особо трепетного отношения к именуемому» [1, с. 280], ибо добрые качества завоевываются трудной любовью к Богу и России, требуют долгих усилий – «Пока не станешь сам хотя сколько-нибудь на них <добродетельных людей> походить, пока не добудешь медным лбом и не завоюешь силою в душу несколько добрых качеств...» [3, с. 86].

Высокий процент религиозной составляющей в выявленных контекстуальных значениях и смыслах лексем *грех* и *добродетель* у Гоголя позволяет говорить, что для писателя социальная и духовная жизнь России, ее прошлое, настоящее и будущее мыслимы лишь при опоре на основополагающие принципы христианства. Всякое отклонение от христианского вероучения и христианской жизни – неверный путь, искажение, источник неустройства и гибели.

Список литературы

1. Волков В. В., Волкова Н. В. Семантическая доминанта и семантическое поле как опорные единицы анализа художественного произведения // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014. № 3. С. 279–283.
2. Воскобойников В. М. Иллюстрированная православная энциклопедия: Толкование обрядов и символов. Описание главнейших православных святынь. М.: Эксмо, 2010. 288 с.
3. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. Т. 6: Выбранные места из переписки с друзьями. М.; Киев: Изд-во Моск. Патриархии, 2009. 744 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1998.
5. Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь: в 2 т. Т. 1. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. 1043 с.
6. Дмитриев Д. В. Толковый словарь русского языка. М.: Астрель: АСТ, 2003. 1578 с.
7. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: В 2 т. Т. 1: А-О. М.: Рус. яз., 2000. 1209 с.
8. Летягова Т. В., Романова Н. Н., Филиппов А. В. Понятия духовной сферы: краткий словарь. М.: Флинта: Наука, 2006. 160 с.
9. Некрасова А. В. Реконструкция текстового лексико-семантического поля как метод изучения духовной прозы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2017. № 3 С. 86–91.

10. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Мир и Образование, 2018. 1376 с.
11. Православная энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Т. 15. М.: Православная энциклопедия, 2007. 752 с.
12. Складаревская Г.Н. Словарь православной церковной культуры. М.: Астрель: АСТ, 2008. 447 с.
13. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1981.
14. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Русские словари, 1994.
15. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка : в 2 т. Т. 1. М.: Рус. яз., 2001. 624 с.
16. Энциклопедический словарь : В 86 т. / издатели Ф. А. Брокгауз, И. А. Эфрон. Т. 9А. СПб.: Типо-лит. И. А. Эфрона, 1893. 977 с.
17. Этимологический словарь славянских языков. Вып. 7 / Под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1980. 224 с.
18. Этимологический словарь славянских языков. Вып. 4 / Под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1977. 235 с.
19. Этимологический словарь славянских языков. Вып. 5 / Под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1978. 233 с.

О ЛИТЕРАТУРНОМ ГЕНЕЗИСЕ «СКАЗОЧНОЙ ТРИЛОГИИ» М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

С. Ю. Николаева

В статье рассматривается литературный генезис знаменитой сказочной трилогии М. Е. Салтыкова-Щедрина, раскрываются источники текста щедринских сказок, частично реконструируется круг чтения сатирика, делается вывод о целостности идейно-художественной структуры цикла, о близости мотивов «пасхального сознания» и метода «духовного реализма» щедринской творческой индивидуальности.

Ключевые слова: М. Е. Салтыков-Щедрин, традиция, древнерусские памятники, литературный генезис, жанр, послание, поучение, сказочный цикл, творческий метод, эсхатология, «духовный реализм».

При обращении к сказочному циклу М. Е. Салтыкова-Щедрина литературоведы чаще всего останавливаются на анализе особенностей его поэтики, композиции, «эзопова языка», определяют место сказок в жанровой системе писателя. Что же касается источниковедческого аспекта, то он остается малоизученным. А. С. Бушмин, рассматривавший истоки и становление жанра сказки у Щедрина, пришел к выводу: «Слова и образы для своих чудесных сказок сатирик подслушал в народных сказках и легендах, в пословицах и поговорках, в живописном говоре толпы, во всей поэтической стихии живого народного языка. <...> Опираясь на фольклорно-сказочную и литературно-басенную традицию, Щедрин дал непревзойденные образцы лаконизма в художественном истолковании сложных общественных явлений» [2, с. 22–23].

Итак, малые жанровые формы устного народного творчества и литературная басня (в первую очередь И. А. Крылов) – вот основа жанрового творчества и новаторства Щедрина. Однако, учитывая насыщенность щедринских текстов «чужим» словом, высокую степень их «литературности», выявленную в новейших исследованиях [6; 7],

следует признать, что сказкам в этом отношении «повезло» гораздо меньше, их интертекстуальность пока еще не раскрыта [14].

Попытаемся прокомментировать источники «маленькой трилогии», опубликованной в журнале «Отечественные записки» (1869, № 2–3) и включавшей в себя «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил», «Пропала совесть», «Дикий помещик». Эта трилогия положила начало сказочному циклу Щедрина, стала зерном его обширного эпического замысла.

Время создания названных произведений совпало с периодом написания «Истории одного города», когда в творческом сознании сатирика серьезное место заняли многочисленные исторические и древнерусские литературные памятники [4; 5]. Закономерно поэтому, что и в трех сказках так или иначе получили особое преломление такого рода источники.

Следует отметить, что если главная мысль первой из сказок «малого» цикла лежит на поверхности – это мысль о невозможности существования социальной элиты без непрерывно трудящегося народа, – то основная художественная коллизия требует от читателя эстетических усилий и позволяет приоткрыть нравственно-философские оттенки смысла произведения, не ограничиваясь социально-обличительными.

Щедрин создает эту коллизию с помощью фантастики, перемещая своих генералов на необитаемый остров, в «рай земной», плодами которого они не могут воспользоваться. Генералы остаются один на один с природой, с мирозданием и оказываются в положении первобытных, допотопных людей – Адамовых детей. Окружающий мир поражает их своей красотой, богатством и многообразием и вместе с тем раздражает своей недостижимостью:

«Пошел один генерал направо и видит – растут деревья, а на деревьях всякие плоды. Хочет генерал достать хоть одно яблоко, да все так высоко висят, что надобно лезть. Попробовал полезть – ничего не вышло, только рубашку изорвал. Пришел генерал к ручью, видит: рыба там, словно в садке на Фонтанке, так и кишит, и кишит. <...>

Зашел генерал в лес – а там рябчики свищут, тетерева токуют, зайцы бегают. <...>

– Кто бы мог подумать, ваше превосходительство, что человеческая пища, в первоначальном виде, летает, плавает и на деревьях растет? – сказал один генерал

– Да, – отвечал другой генерал, – признаться, и я до сих пор думал, что булки в том самом виде родятся, как их утром к кофею подают!

– Стало быть, если, например, кто хочет куропатку съесть, то должен сначала ее изловить, убить, ощипать, изжарить... Только как все это сделать?

– Как все это сделать? – словно эхо, повторил другой генерал» [11, т. 16–1, с. 8–9].

Щедринские герои оказались в положении Адамовых детей, лишенных «рая небесного» и поставленных перед необходимостью в поте лица осваивать «рай земной», но самостоятельно справиться с этой ситуацией не могут.

Яркая и очевидная параллель к этой сюжетной коллизии, тонко аранжированной сатириком, обнаруживается в любопытном древнерусском памятнике, который относится, по-видимому, к концу XVII в. и опубликован по рукописи XVIII в. Н.С. Тихонравовым в одном из его известнейших изданий [13, с. 72]. Название памятника – «Разговор о Адамовых детях, како жили». Написано это произведение в форме послания – письма к другу, а, как известно, эпистолярные формы имели особую значимость в жанровой системе Щедрина [3] и могли стать дополнительным стимулом при обращении к данному тексту. Положительная рецензия на это издание, написанная А.Н. Пыпиным, была помещена в «Современнике» за 1860 г. [11, т. 16-1, с. 26–27]. Как известно из биографии писателя, 1857–1864 гг. – период наиболее тесных идейных, творческих, деловых и личных связей Щедрина с «Современником», и присутствие журнальных публикаций в круге чтения сатирика несомненно. Более точных, прямых указаний на знакомство Щедрина с названным памятником XVII в. нам найти пока не удалось, но сопоставление текстов (тихонравовского и щедринского) убеждает в их сознательной художественной соотнесенности.

Старинный автор пишет: «...и пришло мне на мысль помянуть вкратце прадеда нашего Адама житие, как он имел по изгнании из рая за свое преступление. Диковина не малая подумать, как он завод свой заводил – хоромное строение и хлебную пашню, рыбную ловлю, сеньные покосы и прочее! Стал он прежде избу строить, где бревна сечены и не сечены. Сечь чем? топором? а топор не кован, а тупорище

не сделан. Ах беда! прежде избы надобно кузницу строить, а железо из земли не выкопано, а и копать чем, не умеет; уголья не жжены, и жечь не знает. Еще лес стоит на корене: что тут в начале завести железные заводы, аль сечение лесов? пашню ли копать, аль сохи, бороны делать? Плотники не рождены, кузнецы не зачаты, протчие мастера вси еще на свет не успели и хитрецы не вышли. Ах любезный наш праотец! Коликия слезы ты испусти о своем несчастии! Колики плачевными гласы воздух наполнил в таком горьком житии! Чрево пищи просит, а пища не сеена. Уже божием повелением бысть то, что рожь растет, но еще не жата: рвать ли ея с коренем, того бедный не знает! Сорвет колос, да другой: надобно молотить, а как молотить, и не слыхивал; обмолотивши, надобно молоть, а как молоть? и где жернова? и где огонь? и где квашня? и где мутовка? и печь не складена. Тут-то надобно жить, да не тужить. Дождь с неба пошел: надобно укрыться; стужа стала – надобно одеться: кафтан не шит, а шуба не кроена, а ножницы да игла где? того и не бывало».

Приведенный текст представляет собой контаминацию двух жанровых форм: автор соединяет послание с поучением, при этом он создает оригинальную вариацию популярнейшей в Древней Руси темы «Адамова греха», которая особенно подробно разрабатывалась в апокрифической литературе. В одной из богомильских легенд, опубликованных в фундаментальном труде И. Я. Порфирьева, Ева так рассказывает о своих страданиях после изгнания из Эдема: «Адам же пад на лица своем и плакася горько... и изнеможе душа моя голодом, и рекохъ ко Адаму: «Господине мой, востани, да поищеве себе храмины. Оуже бо сердце мое охладе во мне голодом, и душа моя омале во мне». Адам же возникнувъ рече: «О Евво, находит на сердце мое, да разорю икону твою, но не имам с кемъ быти и боюся Бога, и сердце мое не удаляется от тебе». И воставше обыдохомъ всю землю, и не обретохомъ ничтоже снадно, токмо волчець и траву сельную. И паки придохомъ во Едемъ и плакахомся с въздыханиемъ» [3]. Именно этот апокриф (наряду с другими источниками) использовал в своих сочинениях протопоп Аввакум, усилив его сатирическую направленность ради обличения современных «дьявольских детей-алманашников». Пререкания Адама и Евы комментируются у Аввакума в стиле «вяканья»: «Правится, бедной, бытто от неволи зделалося так, а беспрестанно желает тово, на

людей переводят, а сами ищут тово. Что Адам на Еву переводит? А сам где был? <...> Бедные! Все правы, а виноватова нет» [1, с. 392].

Неизвестный писатель XVII в. не просто пересказывает древний апокриф – он импровизирует в манере, напоминающую Аввакумову. Об этом свидетельствуют многочисленные, очень короткие, отрывистые, риторические вопросы и восклицания («Ах беда!»; «Как молоть? И где жернова? И где огонь?»), афоризмы («плотники не рождены, кузнецы не зачаты, протчие мастера... хитрецы не вышли»), явная ирония («рожь растет, но еще не жата: рвать ли ея с корнем, того бедный не знает!»). Ироническое сочувствие Адаму и Еве и нынешним «разумным свиньям» звучит у Аввакума лейтмотивом, почему и узнается легко его отзвук в тихонравовской рукописи (ср.: «Увы о них, бедных!»; «Бедные, бедные, как вам не сором себе!»; «Покайтесь, бедные, пред Богом!» [Там же, с. 393]). Столь же иронично и сочувствие Щедрина своим генералам.

Таким образом, оказывается, что щедринская сатира выростала и из опыта русской сатирической традиции XVII века.

В духе средневекового провиденциализма «богоглаголивый» Аввакум и анонимный автор в «Летописях...» Н.С. Тихонравова возводят грехи, пороки и преступления своих современников к первоначальному греху Адама и Евы. Суровый «прокурор русской общественной жизни» XIX в. также использует эту параллель. Но если Аввакум с ее помощью высмеивает духовно-нравственную несостоятельность современных потомков Адама и Евы, то тихонравовский писатель говорит о социальной беспомощности своих героев, которые не способны обеспечить себя пищей, одеждой, кровом в отсутствие плотников, кузнецов, пекарей, ткачей и «протчих мастеров». Щедрин в сказке про двух генералов сохраняет и усиливает социальную направленность «Разговора о Адамовых детях...» и идет по пути Аввакума, делая нравственно-философские обобщения.

Исторгнутые неведомой силой из рая, который существовал для них в регистратуре и в квартирах на Подъяческой улице, генералы уподобились Адаму и Еве и их детям и горько заплакали. Голод едва не лишил их человеческого облика:

«Вдруг оба генерала взглянули друг на друга: в глазах их светился зловещий огонь, зубы стучали, из груди вылетало глухое рычание.

Они начали медленно подползать друг к другу и в одно мгновение ока остервенились. Полетели клочья, раздался визг и оханье... Но вид текущей крови как будто образумил их.

– С нами крестная сила! – сказали они оба разом, – ведь этак мы друг друга съедем!» [11, т. 16-1, с. 9].

Точно так же в средневековом апокрифе Адам гневается на Еву: «...находит на сердце мое, да разорю икону твою, но не имам с кем быти и боюся Бога». Точно так же смеется над библейскими персонажами и своими современниками Аввакум, как Щедрин над генералами: «Кругом дело пошло: друг на друга переводят, а все заодно своровали»; «Ввел дьявол в беду, а сам и в сторону» [1, с. 391–392].

Все, чего не могут сделать генералы – «Адамовы дети», с легкостью проделывает «мужичина», причем его бытовые навыки, жизнестойкость и связь с культурой, если не сказать – цивилизацией, несомненна:

«Полез сперва-наперво на дерево и нарвал генералам по десятку самых спелых яблоков... Потом покопался в земле – добыл оттуда картофелю; потом взял два куска дерева, потер их друг об дружку – и извлек огонь. Потом из собственных волос сделал силок и поймал рябчика. Наконец развел огонь и напек столько разной провизии... <...>.

Набрал сейчас мужичина дикой конопля, размочил в воде, поколотил, помял – и к вечеру веревка была готова. <...>

Прошел день, прошел другой; мужичина до того изловчился, что стал даже в пригоршне суп варить. <...>

И выстроил он корабль – не корабль, а такую посудину, чтоб можно было океан-море переплыть вплоть до самой Подьяческой.

Набрал мужик пуху лебяжьего и устлал им дно лодочки...» [11, т. 16-1, с. 11–13].

Итак, щедринский «мужичина» способен и огонь добыть, и пищу приготовить, и укутать генералов пухом лебяжьим, одеть и согреть, и даже «Ноев ковчег» построить для возвращения домой. Весь предметно-бытовой ряд, присутствующий в памятнике XVII в., Щедрин вводит в свою сказку, подвергнув его определенной смысловой переакцентуации. Он значительно развивает, детализирует мотив пищи, недоступной его героям, как и «Адамовым детям» древнерусского произведения. «Хлеб насущный», к которому привыкли генералы,

включает в себя не только белые булки, но и «шекснинску стерлядь золотую», и фазанов, и землянику, и осетра, и налима... Жизнь в регистратуре действительно была «раем на земле»!

Любопытно, как разрешается основная коллизия в щедринской сказке и у автора тихонравовской рукописи. Религиозное мировоззрение XVII в. обуславливает единственно возможный вывод – упование на Бога: «...видно нам без власти Божей ничего не сделать, а Бог в семь дней все сотворил для нас» [13, с. 72]. Творческое сознание Щедрина и его демократические взгляды приводят к тому, что на первом плане оказывается не возвеличивание и восхваление Творца, а тонкое художественное обоснование роли «мужичины», то есть простого народа в историческом бытии нации, государства, культуры, нравственности. Грех Адама и Евы состоял в том, что они обрели лукавое знание, подсказанное дьяволом, они захотели сравниться в своей власти над миром с самим Богом – и потерпели крах. Щедринские генералы пытались съесть яблоко, но не смогли снять его с дерева. Их грех состоит не во многом знании – они совершенно невежественны. Их грех в знании лукавом, несправедном: они знают, что ради насыщения их чрева, которое тоже пищи просит, как некогда было с Адамом и Евой, должен беспрерывно трудиться «мужичина-лежебок». Только вопрос о наказании за этот первородный грех генералов (то есть верхушки общества) получает у Щедрина необычное толкование и заслуживает особого внимания.

Дело в том, что мотив «Адамова греха» в Библии и в соответствующих апокрифах, в том же сочинении Аввакума, в духовных стихах включается в целый комплекс тесно связанных между собой мотивов. Преступление Адама и Евы привело к тому, что на земле стали родиться люди-исполины, и Господь истребил их во время Потопа и рассеял по лицу земли при столпотворении. Воды Потопа и разрушение столпа – это воплощение движущих сил Истории. Это еще не Апокалипсис, но уже Возмездие – наказание людям за гордость, высокоумие, безбожие.

Эсхатологическими настроениями и мотивами пронизана «История одного города», создававшаяся синхронно с «Повестью о том, как один мужик двух генералов прокормил», причем, как замечали многие литературоведы, исторические катаклизмы в Глупове не приносят

очищения и обновления, поступательное развитие отсутствует [4; 6; 12]. Аналогичная концепция разворачивается и в сказке.

Уже насытившие свое чрево генералы ведут беседу о том, действительно ли имели место всемирный Потоп и вавилонское столпотворение:

«– А как вы думаете, ваше превосходительство, в самом ли деле было вавилонское столпотворение, или это только так, одно иносказание? – говорит, бывало, один генерал другому, позавтракавши.

– Думаю, ваше превосходительство, что было в самом деле, потому что иначе как же объяснить, что на свете существуют разные языки!

– Стало быть, и потоп был?

– И потоп был, потому что, в противном случае, как же было бы объяснить существование допотопных зверей?» [11, т. 16-1, с. 25–26].

Этот диалог знаменателен тем, что в нем всемирно-исторические катастрофы толкуются как заурядные бытовые явления, не имеющие роковых последствий непосредственно для самих участников диалога, но объясняемые вполне обыденно, на уровне шуточного каламбура про «допотопных зверей». Потоп в художественном мире Щедрина не имеет исторической силы: он уже был, но ничего не изменилось – генералы очутились на необитаемом острове посреди океана, но и тут к их радости нашелся мужик, который их напоил и накормил. Потоп, может быть, и повторится, чем-то напоминая своей разрушительной силой смерч – «Оно» – в финале «Истории одного города», но отношения генералов и мужика останутся незбылемыми. Эсхатология у Щедрина принимает трагикомический характер. Этим обусловлен финал сказки: «Однако и о мужике не забыли; выслали ему рюмку водки да пятак серебра: веселись, мужичина!» [Там же, с. 28].

Итак, «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил» связана с таким источником, как «Разговор о Адамовых детях, како жили», а через его посредство и с обличительными сочинениями Аввакума, и с апокрифической литературой. Этот источник переработан в соответствии с эстетикой и идейной позицией Щедрина, риторическое поучение и обличение в нем трансформировано в эзоповскую сатиру. Вместе с тем писатель продолжает «мощную традицию

православного мировосприятия, свойственную русской литературе», сохраняет «её интертекстуальность в отношении Священного Писания» и в результате примыкает к тем авторам, у которых «главные ценности из мира внешнего, социального перемещаются во внутренний мир человека» и эстетические ориентиры которых связаны с «духовным реализмом» [9, с. 76].

Тот же самый «Разговор о Адамовых детях...» послужил первоисточником и для сказки «Дикий помещик». Ее герой, избавившись своими стараниями от мужицкого духу, мечтает – «думает, какой он плодovitый сад разведет: вот тут будут груши, сливы, вот тут – персики, тут – грецкий орех! <...> Ломятся, по щучьему веленью, под грузом плодов дерева грушевые, персиковые, абрикосовые, а он только знай фрукты машинами собирает да в рот кладет! <...> Наконец устанет думать, пойдет к зеркалу посмотреться – ан там уж пыли на вершок насело. <...> Потом снится, что он ходит по берегам Евфрата и Тигра... – Ева, мой друг! – говорит он» [11, т. 16-1, с. 26–27].

«Дикий помещик» воображает себя Адамом в раю, и его настоящее – «дикое» состояние – это следствие утраты рая, основой которого, как и в сказке о двух генералах, является мужик.

История двух генералов и сюжет об одичании помещика образуют начало и конец «малого» сказочного цикла Щедрина. Средним, связующим звеном между ними писатель сделал сказку «Пропала совесть» – более дидактичную, с более открыто выраженным авторским голосом.

Мотив «пропавшей совести» – это попытка Щедрина объяснить «первородный грех» социальной элиты, преступившей многие заповеди, в том числе о любви к ближнему, о любви к народу. Он тоже мог быть подсказан писателю одной из публикаций тех лет.

В 1859 г. в журнале «Русская беседа» П. А. Бессонов, известный собиратель и исследователь духовного стиха, напечатал обнаруженный им в «Сборнике стихов духовоборческих» текст под заглавием: «О Горе и Веселье и о царе Разуме». Ученый сравнил этот стих с «Повестью о Горе-Злочастии», которая незадолго до того была опубликована А.Н. Пыпиным в «Современнике» (1856, № 3), а также изложил один из вариантов продолжения своего стиха: «Молодец... гуляет на чужой дальней стороне, собираются у ворот люди старые, мир, и су-

дят об его поведении; всем он хорош, да нет посоху в правой руке. Какой-то голос... убеждает его воротиться из чужой дальней стороны на родную, потому, де, что его матушка, Чиста Совесть, лежит больнехонька и чернехонька. Следует картина, как лежит на лавке больная Старая Совесть» [10, с. 26].

В старообрядческом духовном стихе Совесть названа матерью молодца – Ивана Горемыкина. Расставшись с ней, человек вынужден скитаться по белому свету. Щедрин также использует прием персонализации абстрактного нравственного понятия – Совести. Кроме того, стремясь к более широкому охвату действительности, Щедрин именно ее, Совесть, а не молодца, отправляет в путь-дорогу. Совесть начинает свои скитания и первым посещает «несчастливого пропойцу», очень похожего на героя «Повести о Горе-Злочастии»: «Жалкому пропойцу все его прошлое кажется сплошным безобразным преступлением. Он не анализирует, не спрашивает, не соображает: он до того подавлен вставшею перед ним картиною его нравственного падения, что тот процесс самоосуждения, которому он подвергает себя, бьет его несравненно больнее и строже, нежели самый строгий людской суд. Он не хочет даже принять в расчет, что большая часть того прошлого, за которое он себя так клянет, принадлежит совсем не ему, бедному и жалкому пропойцу, а какой-то тайной, чудовищной силе, которая крутила и вертела им, как крутит и вертит в степи вихрь ничтожною былинкою. <...> ...есть на свете горесть, лютейшая всех горестей, – это горесть внезапно обретенной совести» [11, т. 16-1, с. 14–15].

По сути дела, Щедрин здесь дает собственное толкование понятия «горе-злочастие» – Совесть. По его мнению, преследует героя сказки, героя духовного стиха и героя «Повести о Горе-Злочастии», не дает им покоя сохранившаяся или внезапно обретенная совесть. Раздвоение личности человека, будь то Иван Горемыкин духовного стиха, купеческий сын повести XVII в., «несчастливый пропоец», кабатчик, квартальный надзиратель, банкир из его сказки, Щедрин высмеивает и осуждает, так как смотрит на окружающую действительность с позиции народа, ведь «в народной смеховой культуре», по наблюдениям А. М. Панченко, «“двойничество” как проявление элитарной культуры подвергалось осмеянию» [8, с. 152]. Совесть, по Щедрину, не должна покидать человека и существовать отдельно от него.

Интересно, что горе доброго молодца в повести XVII в. возводится к греху Адама и Евы и мотивируется «неуимчивостью» человеческого сердца. Обращение Щедрина еще и к данному источнику могло быть подкреплено тем, что в первой и последней сказках цикла аллюзии и реминисценции из апокрифа об Адаме и Еве тоже присутствовали. Тем самым писатель добивался глубинного художественно-смыслового единства всего цикла (трилогии). (О тонком знании Щедриным духовных стихов, фольклорных и древнерусских памятников, в том числе «Повести о Горе-Злочастии», свидетельствует его рецензия на «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой земле постриженника св. Афонской горы инок Парфения» [11, т. 5, с. 42–49].)

В каждой из трех сказок Щедрин развернул тему греховности своих современников, всего современного общества. «Грех» генералов и помещика он интерпретировал как разрыв с народом, пренебрежение к нему, но он бросил упрек и многим другим людям, занимающим разное социальное положение (от пропойцы до банкира), избобличив грех утраченной совести, – грех, который обусловлен не социальными, а нравственно-психологическими причинами («неуимчивостью» сердца человеческого). Щедринская эсхатология, в которой обновление подменяется возвращением на круги своя, получает точное объяснение: невозможно изменить социальное устройство человеческой жизни, не изменив нравственной природы человека. Такова центральная идея «сказочной трилогии» Щедрина – идея по сути своей «пасхальная», позволяющая говорить о внутренней связи творчества Щедрина с принципами «духовного реализма» [9, с. 76].

Список литературы

1. Аввакум Петров. Снискание и собрание о божестве и о твари и како созда Бог человека // Сатира XI–XVII веков. М.: Сов. Россия, 1987. С. 391–394.
2. Бушмин А.С. М.Е. Салтыков-Щедрин // Салтыков-Щедрин М.Е. История одного города. Господа Головлевы. Сказки. Л., 1971. С. 3–30.
3. Елина Е.Г. Эпистолярные формы в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1981. 89 с.

4. Литвинова Е.В. К вопросу о древнерусских источниках «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск : Наука, 1982. С. 182–195.
5. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М. : Наука, 1979. 360 с.
6. Николаев Д.П. Два пути исторического переосмысления истории («История одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина и «История государства Российского» А.К. Толстого) // М. Е. Салтыков-Щедрин и русская сатира XVIII–XX веков. М. : Наследие, 1998. С. 114–147.
7. Павлова И.Б. Проблема русской национальной судьбы в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина: художественный, общественно-исторический, духовный аспекты: автореф. дис. ... докт. филол. н. : 10.01.01 / И. Б. Павлова; Московский гос. обл. ун-т. М., 2012. 36 с.
8. Панченко А.М. Русская культура в канун Петровских реформ. Л. : Наука, 1984. 205 с.
9. Редькин В. А. Духовный реализм как художественный метод современной литературы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2018. № 1. С. 71–79.
10. Русская беседа. 1859. № 6.
11. Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений : В 20 т. М. : Худож. лит., 1965–1977.
12. Слинко А. А. Чаадаевские мотивы в «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина // М. Е. Салтыков-Щедрин в зеркале исследовательских пристрастий / Тверской гос. ун-т. Тверь, 1996. С. 64–69.
13. Тихонравов Н. С. Летописи русской литературы и древностей, издаваемые Николаем Тихонравовым: В 5 т. Т. 2. Кн. 3. М. : Тип. Грачева и комп., 1859. 198 с.
14. Шаврыгин С. М. Вечные темы и сюжеты в «Сказках» М. Е. Салтыкова-Щедрина // Литература в школе. 1993. № 6. С. 40–47.

255 ЛЕТ С МОМЕНТА ИЗДАНИЯ ВОЛЬНЫМ ЭКОНОМИЧЕСКИМ ОБЩЕСТВОМ СВОИХ «ТРУДОВ...»

В. А. Парафонова

С целью популяризации науки в стране в середине XVIII в. было создано Вольное экономическое общество, сразу же приступившее к изданию своих «Трудов...», продлившемуся полтора столетия. В данной работе отражен начальный этап этого удивительного отечественного издания.

***Ключевые слова:** журналистика, научно-популярные журналы, популяризация науки, Вольное экономическое общество, Труды Вольного экономического общества.*

В истории русской печати XVIII век занимает особое место. Именно в этот период в России появляются первые газеты и журналы, а в конце века, можно сказать, уже была сформирована система периодических изданий, поскольку издаваемые в России на тот момент журналы начинают дифференцироваться по тематике, профессиональному и возрастному читательскому назначению. Выпускаются журналы научно-познавательного, в основном энциклопедического характера, прочно занявшие пока еще свое скромное место в системе российских периодических изданий. Не секрет, что российская журналистика начиналась именно с научно-популярных журналов, впрочем, истоки отечественной популяризации и сегодня мало изучены. Известно, что первыми были академические издания с ориентацией на универсальную читательскую аудиторию: «Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях», созданные как приложение к «Санкт-Петербургским ведомостям» (1728–1742), через двенадцать лет последовали «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие» (1755–1764), еще через пятнадцать – недолго просуществовавшие «Академические известия» (1779–1781), затем «Новые ежемесячные сочинения» (1786–1796). В те годы научная популяризация мыслилась как «мировоззренческое развитие аудито-

рии», потому ведущая роль на этом пути традиционно принадлежала научно-популярной журналистике и научным обществам.

В 1765 году в Российской Империи было создано «Вольное экономическое общество». Это первое в стране научное сообщество фактически сразу же, в год своего образования, начало выпускать специальное экономическое издание «Труды Вольного экономического общества к поощрению в России земледелия и домостроительства» (1766–1798), можно сказать, научно-популярного направления и свойства. Затем название было изменено на «Продолжение Трудов Вольного экономического общества к поощрению в России земледелия и домостроительства» (1779) и «Новое продолжение трудов Вольного экономического общества к поощрению в России земледелия и домостроительства» (1795–1809), публиковавшее много статей о промышленности, помимо материалов о сельском хозяйстве. Печатались даже «Еженедельные известия Вольного экономического общества» (1788–1789), скорее напоминавшие «справочник по домоводству, составленный из коротких заметок практического характера». В 1805 году Вольное экономическое общество выпускает «Круг хозяйственных сведений в пользу и удовольствие городских и сельских хозяев, помещиков, управителей имений и людей всякого звания, занимающихся земледелием и домостроительством». По предположению специалистов, возможно, впервые именно в «Трудах...» появились тематические номера, посвящаемые определенной отрасли сельского хозяйства, к примеру, целиком вопросам садоводства.

С некоторыми перерывами «Труды...» стабильно выходили вплоть до 1915 года, сыграв заметную роль в распространении знаний в стране. Основная тематика издания, естественно, связана с сельским хозяйством, поскольку «главная цель общества служила направлению земледелия в лучшее состояние», она в дальнейшем, как отмечено, была расширена и включала уже материалы, имевшие отношение к промышленности, например, статьи «Об очищении меди», «О превращении чугуна в ковкое железо», «О делаемой из разных металлов посуде...», «О делании холста из крапивы» и др. За редким исключением части выходили аккуратно три раза в год с 1766 по 1775, в 1776–1778 годах «Труды...» не издавались, а с 1779 года «стали выходить по мере накопления материала», продолжаясь и далее. В «Тру-

дах...» помещались, как тогда говорили, «пиесы», что значило «статьи», по «сельскому хозяйству, экономике, домоводству, медицине, политической экономии, статистико-географические исследования, ответы на конкурсные задачи, предложенные Обществом, и другие материалы». Многие работы переводились из иностранных изданий, для чего содержались постоянные переводчики. Всего издано 280 томов, 52 только в XVIII веке, лишь за первое пятилетие – 16 томов, содержащих 150 статей, 3280 страниц.

Учреждено Санкт-Петербургское Вольное экономическое общество (ВЭО) в подражание «примеру других народов, пекущихся о приведении до всевозможного совершенства своего земледелия и сельского домостроительства, яко первых источников государственного богатства» [8, 1768, ч. IX, с. 174]. Организация подобного ученого сообщества в России была predeterminedена временем и всем развитием естественных наук в Европе, на Востоке и в Америке. Не секрет, что начиная с XVII в. вновь открытые фундаментальные законы природы активно применяются в практической деятельности. Стремительное развитие науки способствует объединению ученых в научные сообщества. Причем создаются не только национальные университеты и академии наук, создаются различные технические общества и школы. Тогда же возникает термин «технология». Возникает такая нередкая ныне профессия, как инженер.

Не отстает от иных государств и царская Россия: в 1701 в Москве открыта Математико-навигационная школа, а в 1715 в Петербурге создана Морская академия – обе по указу российского царя Петра I (1672–1725), по его же указу в 1724 году основана Петербургская академия наук. В 1755 образован Московский университет, фактически созданный масоном графом И.И. Шуваловым (1727–1797), материализовавшим идею М.В. Ломоносова (1711–1765). Как известно, благодаря И.И. Шувалову учрежден не только Московский университет, создано университетское издательство, начала работать гимназия, основана Академия художеств, чьим первым директором он стал. Идея широкого просвещения в России – часть общественных взглядов Шувалова, «в связи с чем не Н.И. Новикову, а скорее именно И.И. Шувалову принадлежит главная заслуга среди русских вольных каменщиков в деле российского просвещения» [1, с. 266].

Давно уже отмечено, что «русские масоны 40–60-х годов XVIII века сыграли значительную роль в развитии национальной культуры. Московский университет, Академия художеств, Академия наук, Пажеский корпус, издательская деятельность, а также покровительство наукам и искусству – далеко не полный список дел, в которых русские масоны приняли самое активное участие» [Там же, с. 267]. В те годы «серьезных препятствий для развития масонского движения в России не создавалось. Не случайно в одном из масонских документов сохранилось указание на благосклонность императрицы к братству», и хотя «количество русских вольных каменщиков было относительно небольшим, многие из них принадлежали к высшим слоям общества» [2, с. 260–261]. Используя свое положение, именно они распространяли идеи Просвещения в России. Г. В. Вернадский пишет, что «к концу 1770-х годов оставалось, вероятно, не много дворянских фамилий, у которых бы не было в масонской ложе близкого родственника, Особенностью русского масонства является не только его широкая распространенность среди высшего сословия, но и представленность в России практически всех масонских систем, уставов и обрядов, которые существовали к тому времени в Европе» [9, с. 248].

Состояли в российском Экономическом обществе и иностранные члены, например, Беарде Делабей и многие другие. Насколько полезными были данные, публиковавшиеся в «Трудах...», тому свидетельство, что Академией наук дополнительно был «оттиснут» в количестве двадцати экземпляров из части VIII «Перевод сочинения, присланного в Вольное экономическое общество в ответ на заданный в 1766 году вопрос: Что полезнее для общества, чтоб крестьянин имел в собственности землю, или токмо движимое имение; и сколь далеко его права на то или другое имение простираются должны? Которое в собрании, бывшем 23 Апреля 1768 года, удостоено обещанных в награждение за лучшее решение 100 червонных и золотой медали. Творец сего сочинения Господин Беарде Делабей доктор прав церковных и гражданских в Акене» [3, 1768, ч. VIII, с. 1–2], а из части V «...напечатано в новой типографии особливой книгой 40 экземпляров пьесы <П. И.> Рычкова (1712–1777) “О содержании пчёл” и отослано в Москву» [7, с. 200]. Насколько престижно было опубликование статей в «Трудах...», говорит и тот факт, что даже профессор математики и член Российской

и Берлинской Академий наук Леонард Эйлер (1707–1783), имевший к тому времени многочисленные научные труды, печатает на его страницах «Известие о новом средстве к размножению хлеба и от происходящей от оногo пользе, которая состоит в том, что сим средством на посевах исходит семян гораздо меньше, против обыкновенного сеянния» [8, 1767, ч. VI, с. 150–155]. Кстати, математик, механик и физик, «академик и высшей Математики Профессор в Санкт-Петербургской Академии наук, Член Академии Парижской и Лондонского Королевского Общества» [3, 1806, ч. III, № VIII, с. 137] Л. Эйлер, трудясь только в Петербургской академии наук, подготовил около пятисот научных работ, общее же количество трудов Эйлера достигает почти 850, среди которых около двадцать фундаментальных книг [10, с. 307].

В части X за 1768 год размещен «Перевод с благодарственного <письма> к Вольному экономическому Обществу от ординарного каноника Галсберстатской соборной церкви господина Вёльнера (1732–1800), за принятие его в члены оногo общества». В нем, в частности, «без ласкательства» говорится: «Хлебопашество и сельское домостроительство вообще представляет такое пространное поле, что и ныне ещё во всех местах не испытано по надлежащему и не описано по пристойности. Ибо <...> оное дело так важно, что каждый человек употребляет свои силы к общей пользе, для испытания того, что ещё не изведено в сельском домостроительстве». Автор утверждает, что «ни в какой земле не сделано к тому столь превосходных распоряжений, как в благополучной России: ибо самые знатные господа не почитают за высокое обращать своё внимание к приращению сельского домостроительства <...> чтобы сия нужная часть силы и величины государства могла прийти в наибольшее совершенство. Не великие ли может сие собрание знатных сынов отечества совершить дела к приращению общественного пропитания? И состоящее из знатнейших особ государства и защищаемое Великою Императрицею Экономическое общество далеко превосходит все учрежденные в других землях...» [8, 1768, ч. X, с. 119–120]. (Активно участвуя в мasonicкой жизни с 1765 года, приходской священник Иоганн Христофор (Кристофор) Вёльнер достаточно быстро делает масонскую карьеру. Начав в 1776 году «реформу розенкрейцерских лож», он в результате создает «Орден Злато-Розового Креста Старой системы» [1, с. 313] и стано-

вится его руководителем. «В 1782 году Орден объявил свою полную независимость от других направлений масонства и в том же году был учрежден в России...» [9, с. 251]. «Показателен тот факт, что <...> русские масоны, руководимые И. Е. Шварцем и Н. И. Новиковым, считали истинным масонством именно розенкрейцерство, поскольку последнее, по их мнению, не ограничивалось нравственным учением, но обещало своим неопитам на высших ступенях постижение мистических тайн мироздания» [Там же, с. 310].)

Утверждённый 7 декабря 1765 года собранием членов «порядок издания» «Трудов Вольного экономического общества» поручался президенту и двум непременно секретарям. Первоначально редакция возлагалась на секретаря А. А. Нартова и члена общества И. И. Тауберта. С 1783 г. каждый лист подписывался к печати секретарём Общества. До 1797 года издание печаталось на средства Кабинета Екатерины II в назначенной им типографии [7, с. 199]. Первоначальный тираж в 1200 экземпляров с ноября 1766 года был увеличен до 2400. Продавались «Труды...» изначально «отдельными частями без предварительной подписки», однако уже в начале 1770-х годов общество обратилось к губернаторам с просьбой о помощи в распродаже напечатанных книг, цена которых «без переплёту» составляла сорок копеек, а в конце 1770-х годов общество уже «подыскивало надёжных книгопродавцев для распродажи “Трудов...” с 5-процентной скидкой».

Дабы ознакомить иностранцев с работами членов Общества, представляющими научный интерес, и с положением сельского хозяйства в России «одновременно с “Трудами...” “Вольное экономическое общество” издавало в 1774–1775 годах на немецком языке “Abhandlungen der Freyen oekonomischen Gesellschaft in St. Petersburg...”, содержавшие переводы статей из первых 11 частей “Трудов...” С 1790 года стали выходить “Auswahl ökonomischer Abhandlungen, welche der Frege ökonomische Gesellschaft in St. Petersburg in teutscher Sprache erhalten hat”. В 1793 году был напечатан первый том под заглавием “Preis-schrifte und Abhandlungen der Kayserlichen Freyen ökonomischen Gesellschaft zu St. Petersburg”» [Там же, с. 200].

На страницах «Трудов...» в продолжение XVIII века, таким образом, можно встретить множество имен ученых (как российских, так и зарубежных), государственных служащих (рядовых и высших санов-

ников), а также людей равнодушных, например, Андрея Болотова, и даже студентов и адъюнктов. О научном уровне и основательности работ Андрея Тимофеевича говорит уже первая его публикация 65 ответов на вопросы Т.И. фон Клингштета в первой книжке «Трудов...». Потому не удивительно, что уже в 1767 году «Его благородие Господин Капитан Андрей Болотов» [8, 1767, ч. VII, с. 0] становится вновь принятым членом Общества. Вообще практически в каждом номере публикуются списки вновь принятых членов.

Ими в свое время стали: «Правительствующего Синода Обер-Прокурор Иван Иванович Мелиссино» (1718–1795) (директор, а затем один из кураторов Московского университета, был масоном и состоял в дополнительных степенях посвящения [6, с. 144]); «Императорской Академии Наук член и Конференц Секретарь Яков Яковлевич фон Штелин»; «Леонард Эйлер, Профессор математики и член Императорской Академии Наук»; Господин Албрехт Эйлер (1734–1800) – «старший сын знаменитого Леонардайлера» [3, 1806, ч. III, № VIII, с. 139], академик, «Санктпетербургской Академии наук Физики Профессор и Академической Конференции бессменный секретарь»; «Историограф и Императорской Академии Наук член Г.-Ф. Миллер (1705–1783)» [8, 1766, ч. IV, с. 0] и многие другие. Будучи адъюнктом Российской Академии наук, будущий академик Герхард-Фридрих (Федор Иванович) Миллер дал сильный толчок развитию журнального дела в России, задумав при газете «Санкт-Петербургские ведомости» издавать особое приложение «Месячные исторические, генеалогические и географические примечания к Ведомостям». «Примечания...» издавались с 1729 по 1742 год. Спустя двенадцать лет после прекращения «Примечаний...» в России был создан новый периодический журнал «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие». Фактически он стал не просто первым русским журналом в полном смысле этого слова, но первым научно-популярным периодическим изданием. Редактировались «Ежемесячные сочинения...» в 1755–1764 годах Г.-Ф. Миллером. [5, с. 4–8].

Изначально учрежденное в Санкт-Петербурге Вольное экономическое общество «по силе своего устава», «старющееся о приведении земледелия и сельского домоводства в пространной Российской Империи в наилучшее состояние» [8, 1775, ч. XXX, с. 0], а также «прила-

гая ревностное старание как о приведении хлебопашества в приращение, так и всего сельского домостроительства в наилучший порядок <...> предприняло полезное намерение поощрять <...> рачительных и в сельской экономии искусных мужей к полезным сочинениям, награждая их за то, смотря по достоинству, золотыми и серебряными медалями» [Там же, 1771, ч. XVII, с. 214–216], для чего регулярно печатались специальные вопросы и задачи «для решения публике», за ответы на которые «назначено было награждение», подчас «в 300 червонных состоящее».

Однако не только господа «Статские» да «Надворные Советники», «Профессоры из Академии наук», «Магистры», «Ректоры гимназий» и прочие неравнодушные к сельскому хозяйству и домостроительству люди удостоивались наград Общества, встречаются среди них и студенты. Например, студенту Никите Соколову дана серебряная медаль «за описание рыбной ловли при Каспийском море» [Там же, ч. XVIII, с. 11–47], студентам Афанасию Каверзневу и Ивану Бородовскому дано по серебряной медали за опубликованные наставления, «каким образом можно удобнее пчел содержать и размножать» [Там же, 1774, ч. XXVIII, с. 72–145]. Даже переводчики сочинений, присланных для публикации в «Трудах...», удостоивались весомых наград, например «за перевод сочинённых Господином Архиатером Фишером Лифляндской Економии» [Там же, 1772, ч. XX, с. 206] дана большая золотая медаль «Господину Адьютанту <В.А.> Лёвшину». Не обойдены вниманием и инженеры-технологи, то есть изобретатели, например, малая золотая медаль вручена «Господину Механику <Христиану> Лешенколю за описание махин <машин> чесальны и прядильны и за сделание чертежей оных махин» [Там же, 1771, ч. XVIII, с. 235–247]. Неоднократно в число награждаемых «сочинителей напечатанных пиес медалями» попадает А. Т. Болотов.

Случались и неожиданности, которые успешно решались Вольным экономическим обществом. Например, в 1771 году задана была «для решения публике задача о распределении известной суммы на годовой прожиток, за решение которой назначено было награждение в 300 червонных состоящее». Но поскольку «из числа присланных на помянутую задачу пиес признаны два сочинения достойными напечатания, то и обещанное награждение разделено двум сочинителям

пополам, а именно: <...> господину магистру Иосифу Регенсбургеру, которого сочинение напечатано в XXI части трудов оного общества, дано 150 червонных, и другая половина оного награждения в 300 червонных состоящая выдана господину Эбергарду Шретеру, которого сочинение в сей XXII части и напечатано» [Там же, 1772, ч. XXII, с. 241].

Стоит, вероятно, немного подробнее остановиться на работе Иосифа (Иозефа) Регенсбургера о том, «Каким образом женатому, но бездетному Господину, имеющему в год доходов 20 000 рублей, располагать домостроительство, чтоб беспрестанно мог он иметь приличное содержание в рассуждении пищи, одежды, служителей, карет, лошадей, ливреи и проч.» [Там же, ч. XXI, с. 129]. В ней, наряду с необходимыми жизненными тратами, в частности, говорится, например, «О книгах»: «Как через многое чтение книг, исследования, опыты и многотрудное упражнение, снискивает себе благоразумный человек путь к домостроительству, того ради сей расход между прочими есть полезнейший, чтоб иметь полезные книги, поелику всякой год изыскивают новые открытия, как в естественной, так в словесной науках и художествах, то знатному господину поставляться будет сие в счет, когда он, дабы со временем собрать мог изрядную библиотеку, ежегодно сколько-нибудь из своих карманных денег на книги употреблять будет» [Там же, с. 225–226].

Не менее серьезны рассуждения «О натуральных и любопытных вещах»: «Под сим разумею я собрание натуральных вещей, также математические, физические и механические орудия и махины <машины>, посредством которых от части удивления достойные и от части полезные опыты чинены быть могут. ...Оных польза <...> есть единственно сия, что посредством их познаем больше творца, естество и самих себя. Но как все махины и собирания натуральных вещей суть драгоценны, так же довольно времени и иждивения требуют, то советовал бы я, чтоб ежегодно столько на оные издерживать денег, дабы со временем нечувствительно собрать нарочито довольно число» [Там же, с. 227–228]. И бесценные «Примечания» от Иосифа Регенсбургера: «Все заведенные махины и орудия имеют быть отданы на руки разумному человеку <...> поелику слуги <...> могут драгоценнейшие вещи, и при том такие испортить, коих ни починить, ни достать больше не можно» [Там же, с. 229].

Тема эта весьма важна и актуальна на фоне научных, технических и промышленных революций в мире. В «Трудах...» публикуются и соответствующие духу времени «Рассуждения о средствах служащих к отвращению повреждения производимого громовым ударом и молниею домам и другим строениям» [Там же, 1770, ч. XVI, с. 257–284] и, конечно же, столь необходимые «Экономические правила собранные из практических примечаний, служащие к земледелию и скотоводству и к прочему, что к должности управителей принадлежит, так же к пользе крестьян и общества: сочинения <...> села Царского управителя Федота Удолова» [Там же, ч. XV, с. 88], который пишет: «Я не намерен сюда вносить чужие правила, а представляю к сведению только те, которыми наши предки, упражнялись в экономии, и себе и всему обществу пользу приносили. Начало общей пользы и весь экономический порядок зависит от того, чтобы земледельцы всеми принадлежностями были довольны, и обнадежены всем тем, что они имеют беспрепятственно владеть. Одно сие сделает их к собственным трудам прилежными и в платеже доходов исправными. Таким образом никакие экономические предприятия без исполнения не останутся и ни в чем невозможного не будет» [Там же, с. 89–90]. За сочинение экономических правил (имевших продолжение в следующем номере) господину надворному советнику Федоту Владимировичу Удолову дана серебряная медаль, наряду с другими авторами [Там же, 1771, ч. XVII, с. 214].

Следует отметить, что эффективность и актуальность применения новых технологий в разных отраслях сельского хозяйства в «пространной российской Империи» в связи с внедрением пчеловодства, шелководства и массового распространения картофеля, а также громоотводов и оспопрививания – основные направления в деятельности Общества в плане их распространения для российского потребителя. В заключение стоит привести слова из речи «статского советника и Императорской Академии наук члена и конференц-секретаря» Я.Я. фон Штелина при вступлении его в Вольное экономическое общество: «...Коль различные труды, колико и многие должности не заключает в себе сие звание! Домостроительство, земледелие и хлебопашество, поправление земли, богатейшая добыча ее сокровищ; умножение доходов, обогащение жителей, сущее блаженство граждан; достохвальные намерения, поощре-

ние прилежности, вымышление полезных изобретений, и изыскание легчайших средств, неутомимые опыты и прилежные примечания при ваших и других стараниях, согласное ваше упражнение составляют... Екатерина Алексеевна новая основательница всех в России благ, подала сама первой случай к заведению сего полезного общества. Проницательный ЕЯ разум был уверен, сколько в России сокровищ не известными еще находятся, откровение коих только от попечения и остроты зависело» [Там же, 1766, ч. IV, с. 188–189].

Список литературы

1. Белявский В. С., Богданов А. В. Происхождение Ордена вольных каменщиков. Массонство в XVII–XVIII веках. Взгляд посвященных. М.: Москвоведение, 2015. 448 с.
2. Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II. СПб.: Изд-во им. Н. И. Новикова, 2001. 570 с.
3. Друг просвещения. Журнал литературы, наук и художеств: 36 номеров. М.: Тип. Ф. Гипиуса, 1804–1806.
4. История научно-популярной прессы в России в социокультурном аспекте: учеб. пособие / Под ред. Л. П. Громовой, Ю. Б. Балашовой. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т; Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций, 2017. 271 с.
5. Парафонова В. А. Популяризация науки в России: краткий обзор журнальной периодики (1702–1991). М.: Ин-т стратег. стабильности, 2007. 76 с.
6. Платонов О. А. Терновый венец России. История масонства 1731–1995. М.: Родник, 1995. 432 с.
7. Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Т. 4. Периодические и продолжающиеся издания. М.: Книга, 1966. 288 с.
8. Труды Вольного экономического общества к поощрению в России земледелия и домостроительства: в 52 ч. СПб.: Тип. при Имп. Акад. наук, 1765–1798.
9. Утренний свет Николая Новикова. М.: Центр книги Рудомино. 2012. 320 с.
10. Храмов Ю. А. Физики: Биографический справочник. М.: Наука, 1983. 400 с.

**«ВСЕМУ НАЧАЛО – ОТЧИЙ ДОМ»:
ТВОРЧЕСКАЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ
АНДРЕЯ ДЕМЕНТЬЕВА**

В. А. Редькин

В статье дается общий очерк поэзии Андрея Дементьева, прослеживается его творческий путь, обозначаются основные вехи эволюции, выявляются особенности литературной позиции, мировоззрения, идиостиля. Определяется место поэта в региональном и общерусском литературном процессе.

Ключевые слова: А. Дементьев, тверская поэзия, литературный процесс, лирический герой, библейские мотивы, жанр, стиль, особенности стихосложения, звукопись, песенное начало, творческая индивидуальность.

Андрей Дмитриевич Дементьев родился в Твери 16 июля 1928 года в семье агронома. Окончил мужскую среднюю школу № 6 на год раньше срока. Экзамены сдал экстерном. Уже школьником увлекался литературой, занимался в литературном кружке, писал стихи. Поэт не раз самыми добрыми словами отзывался о преподавателях литературы Н. Н. Лулакове, Н. П. Павленко и других учителях школы, которые хотели видеть своих подопечных людьми честными, добрыми и мужественными. «Нет, не случайно именно Андрей Дементьев написал “Не смейте забывать учителей” и ещё ряд прекрасных стихотворений во славу во славу Учителя. И гражданский, гуманистический пафос всей его поэзии, очевидно, берет истоки отсюда, из школы – от совестливых, добрых и требовательных, душевно щедрых людей», – справедливо подчеркивал один из первых исследователей творчества Дементьева Л. В. Сланевский [17, с. 46]. Далее Дементьев поступил в Калининский педагогический институт, но с третьего курса по совету С. Наровчатова перевелся в Литературный институт им. М. Горького, где совершенствовал свое поэтическое мастерство в семинаре М. Луконина, а затем Е. Долматовского. После окончания вуза в 1952 году

вернулся в Тверь, по совету Б. Полевого занялся журналистикой. Работал в молодежной газете «Смена» («Сталинская молодежь»), писал очерки, репортажи, фельетоны, поэмы и лирические стихи, руководил литературным кружком при библиотеке им. М. Горького. В 1967 году Дементьев переехал в Москву. Большой вклад в развитие русской литературы Дементьев внес как заместитель главного редактора, а с 1981 по 1991 год как главный редактор журнала «Юность». С 1997 по 2001 год Дементьев работал в Израиле в качестве шефа бюро Российского телевидения на Ближнем Востоке. На протяжении всей творческой жизни Дементьев не порывал связи с родной Тверью. В 70–80-е годы он часто выступал перед тверскими читателями в Тверской областной библиотеке им. А.М. Горького, в научной библиотеке Тверского университета, встречался со студентами филологического факультета. Именно он дал путевку в жизнь первым выпускникам отделения журналистики Тверского университета, согласившись быть председателем ГАК на защите дипломов. Дементьев активный участник ежегодных Дней тверской книги в Москве, Пушкинских праздников поэзии в Бернове. С 2005 года он председатель Ассоциации Тверских землячеств. А. Дементьев – лауреат премии Ленинского комсомола (1981), Государственной премии СССР (1985) за книгу стихотворений «Азарт». Он награжден орденами Ленина, Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени. За заслуги перед Отечеством отмечен высшей наградой губернатора Тверской области – почетным знаком «Крест святого Михаила Тверского». Андрей Дементьев – почетный гражданин Твери.

В основе современных поэтических течений и школ лежит тип мировосприятия и система духовно-нравственных и эстетических ценностей. Именно этим определяется содержание произведений и адекватная ему поэтика. Анализируя творчество Андрея Дементьева, приходится говорить не просто о традиционном реализме, а о реализме, в основе которого лежит антропоцентризм, свойственный искусству советского времени. Поэт остается приверженцем «веры в человека». С этой точки зрения, высказывания, что «слово в творческом миропонимании А. Д. Дементьева приобретает также высший, христианский смысл», что его этические нормы приобретают «христианскую направленность» [1, с. 36, 42], ни на чем не основаны. Можно согласиться с мнением И. А. Казанцевой, что «догматические принци-

пы христианства не отражаются в концепции мира и человека А. Дементьева», что «человеческая природа Христа в изображении А. Дементьева доминирует» [14, с. 55]. Библейские мотивы, чаще ветхозаветные, к которым он обращается с конца 90-х годов, – это часть его образной системы, а не основа мировосприятия. Парадокс состоит в том, что, оставаясь приверженцем концепции искусства советского времени, талантливый поэт не заикнулся на узко политизированной и партийно выверенной тематике и проблематике, а воплотил в своих стихах подлинно гуманистические идеалы и приоритеты.

Первый поэтический сборник А. Дементьева вышел в 1955 году в Калининe. Впоследствии поэт оценил эту книгу как «неровную, ибо неравной, негладкой и неоднозначной была жизнь» [5, с. 6]. Действительно, многие стихи этих лет декларативны и риторичны. Он прямо утверждал: «Я ненавижу в людях ложь!», «Я верю, что все женщины прекрасны...», «Люблю я людей смелых...» и т. д.

А. Дементьев – автор поэм «Мужество» (1958), «Дорога в завтра» (1960), «Огонь» (1975), сборника рассказов о М.И. Калининe, множества статей. В поэтических книгах Дементьева «Родное» (1958), «Глазами любви» (1962), «Солнце в доме» (1964), «Наедине с совестью» (1965), «Боль и радость» (1973), «Рядом ты и любовь» (1976), «Рождение дня» (1978), «Азарт» (1983), «Вирази времени» (2002), «Нет женщин нелюбимых» (2003) основное место занимает лирика, при этом преобладает монолог лирического героя, обращенный к современникам. Для него особенно важна воспитательная функция искусства, и он этого не скрывает. Многим его стихам свойствен дидактизм: «Живите так, как будто наступает тот самый главный, самый строгий суд», «Не проходи мимо горя чужого», «Не ссорьтесь, влюблённые, / жизнь коротка...», «Чтобы свет в душе не гас, / Жизнь должна быть честно прожита», «Никогда не о чем не жалеете...», «Давайте помнить их, любимых женщин». В то же время его стихи – это раздумья о современности. Дементьев признается в любви к женщине, матери, Родине. Позиция автора часто воплощается в названиях стихотворений: «Доверчивость», «Доброта», «Люблю», «Баллада о верности», «Я ненавижу в людях ложь».

А. Дементьев – яркий представитель реалистического стиливого течения в русской поэзии. Во многих стихах он отталкивается от кон-

кретного жизненного факта, он опирается на конкретную зримую деталь. Он признается: «Для меня очень важно, чтобы мой лирический герой был выразителем моих настроений, моих ощущений. Моих мыслей»*. Это не значит, что он ограничивает свою творческую фантазию. «Сам я не охотник, я никогда не стрелял и не убивал зверей», – продолжает свою мысль поэт, но вполне может это себе представить и написать: «Я выстрелил. / И вся земля / Вдруг визг собаки услышала».

А. Дементьев принадлежит к поколению тех, кому «сорок пятый выдал аттестаты», и тема детства и юности в его поэзии связана с воспоминаниями о Великой Отечественной войне. Этому посвящены стихи «9 мая в Калининe», «О юность наша!..», «Я помню первый день войны», «Памятник солдату», «Где-то около Бреста», «Колокола Хатыни», «Баллада об имени», «Медовый месяц» и многие другие. Поэт вспоминает, как «небо стреляло» и «город горел, грохотал как гроза». Возникают образы ребенка, прижавшегося «к горячему телу России» с мольбой о защите, горсти зерна как «трехсот граммов надежды» в голодные годы, хлеба как «святыни». В стихотворении «Страницы войны» он призывает «быть достойными» тех, кто не вернулся с фронта. И через много лет война может неожиданно постучать в дверь бедой («Это вновь негаданно-нежданно...»). Стихотворение «Колокола Хатыни» – это реквием тем, кто был замучен в фашистских лагерях смерти. Одним из лучших его произведений стала «Баллада о матери». Стихотворение написано на основе конкретного факта, когда мать пропавшего без вести сына через двадцать лет узнала его в кадре военной кинохроники. Это стихотворение о неизбежной материнской любви, надежде и вере, которые питают человеческое сердце и помогают жить:

Постарела мать за двадцать лет.
А вестей от сына нет и нет...
Но она все продолжает ждать,
Потому что верит, потому что мать.
И на что надеется она?
Двадцать лет, как кончилась война.

* Беседа моей дипломницы С. Г. Макеевой с А. Д. Дементьевым 28 марта 1982 года в редакции журнала «Юность». С. 2. Текст заверен подписью А. Дементьева. Личный архив В.А. Редькина.

Двадцать лет, как все пришли назад,
кроме мертвых, что в земле лежат.
Сколько их в то русское село,
мальчиков безусых не пришло? [4, с. 7].

Поэт вызывает у читателей чувства сострадания и ненависти к войне. В ряде произведений поэт представляет войну как общую беду человечества («Сказание о Чечне», «Израильские новобранцы», «В больнице Шаарей-Цедек»).

Тема войны, памяти о подвигах народа неразрывно связана у Деметьева с темой матери-Родины, которая оплакивала своих героических защитников. В стихотворении «Родина» возникает образ истерзанной, изрытой минами и снарядами, политой кровью родной земли:

Распинали.
Кромсали минами.
Измывались в злобе враги.
Под глазами твоими синими
от пожарищ легли круги.
Всю изрыли тебя окопами.
И на небо,
боясь беды,
ты глядела тёмными окнами
сквозь наклеенные кресты... [12, с. 15].

Его любовь к Родине «тиха и постоянна, как сердца стук». Говоря о просторах и лазурных небесах России, он находит самые нежные, самые сердечные слова:

Над землей пролетают птицы –
Это имя твоё струится.
Это имя твоё несется
Из-под ласкового крыла.
Это девушка из колодца
Синевой его пролила [4, с. 20].

Поэт как заклятье повторяет в своих стихах: «Я – русский», словно с кем-то полемизирует, словно кто-то сомневается в этом:

Я – русский.
Я из той породы,
Чья кровь смешалась
с небом и травой,
чьи прадеды в зеленый храм природы
входили с непокрытой головой [10, с. 20].

Утверждая свою укорененность, он обращается к историческому прошлому страны, к исконному понятию «Русь»: «Всё помнит Русь: / и звоны стрел каленых, / и отсветы пожаров на снегу...» Мысленно он постоянно возвращается к России, находясь далеко за её пределами («Чужая осень», «Уезжают мои земляки»). В 90-е годы появляются горькие строки о разорении страны, о новых тяжких испытаниях: «В беде моя Россия...», «Разорвана Россия. / Обездолена страна», «Поражаюсь ничтожеству власти. / Той, что вдруг развалила страну». Возникло горькое предсказание: «Народ российский обречен / На нищету и вымиранье...» И всё-таки поэт не теряет надежду. Он верит в русский народ: «Всё равно я верую в наш разум, / В здравый смысл российских мужиков». Основа этой веры – великий и могучий русский язык:

Хочу домой...
Хотя в России худо,
Что ныне не скрывает даже ТАСС.
Зато там есть немыслимое чудо, –
Родной язык, –
Который не предаст [6, с. 100].

Истоком чувства Родины является отчий дом. Так и называется одно из лучших стихотворений Дементьева. Дом, в котором поэт провел, по его словам, «самую лучшую часть своей жизни – детство, отрочество, юность», был в центре Твери недалеко от Волги в бывшем Пивоварском переулке. Это исток нежности, любви, добра в душе поэта:

Радость или грусть нас ждут потом...
Но всему начало – отчий дом.
Там у колыбели матери нам пели
песню любви.
Вновь сейчас во мне звучит она.
Ждет меня наш домик в три окна.
Близко ли, далёко – свет родных окон
вечно не померкнет для меня [9, с. 28].

Позже с болью он писал об утрате отчего дома: «Срывают отчий дом. / Как будто душу рушат. / Все прошлое – на слом. / Прощаемся с минувшим» [7, с. 250].

Многие стихи А. Дементьева посвящены Твери и Верхневолжью: «Тверской пейзаж», «Тверская хроника», «Тверские воспоминания», «Когда я возвращаюсь в Тверь», «Лемешев», «Берново». Эти стихи лиричны, автобиографичны и связаны с темой любви. Его стихи, вошедшие в цикл «Тверское воспоминание» («Всего лишь день», «Под тихий шелест», «Я пришел в тот дом», «Что делать...», «Здравствуй, наш венчальный город...»), искренни, проникновенны, душевны: «Здравствуй, наш венчальный город! / Давний свет в твоём окне. / Я целую землю, по которой / Столько лет ты шла ко мне...» [5, с. 46]. Образ Волги – сквозной в творчестве поэта. Она рисуется и тихой, спокойной, и могучей, когда ломает лёд, она и ласковая, всепонимающая, и требовательная. «А я без Волги просто не могу. / Как хорошо малиново-ранью / прийти и посидеть на берегу / и помолчать вблизи её молчанья», – признается он в стихотворении «Волга» [10, с. 79]. О том, что Верхневолжье питает его стихи, говорит характерная топонимика в его произведениях: Торжок, Ржев, Вышний Волочёк, Калязин, Луковниково, Ветролом, Старый Чал, Тверца, Быстрина, Вертушинка и т. д.

Его стихи посвящены семье, матери, отцу («Отец», «Руки мамы», «Когда я долго дома не бываю», «Не могу уйти из прошлого», «Дочери»). Трагичны его стихи о сыне, который в двадцать шесть лет окончил жизнь самоубийством («Остались фотографии, кассета...», «Что ж ты, сын, наделал...», «Днем и ночью я тебя зову», «Прости меня, что в тот безумный миг...» и др.)

Человеческое «Я» Дементьева раскрывается в непрестанном духовном поиске, в стремлении постичь многомерность связей общего и личного. «Поэт лирического склада – Дементьев удачно соединяет личное и общественное. Приметы сегодняшнего дня сосуществуют с лирическим чувством, с поэтическим видением происходящего в человеке, в стране, в мире» [Там же, с. 223], – подчеркивал Пётр Вегин. При этом личное и общественное для Дементьева нераздельны. Только общественная и трудовая деятельность не может дать человеку полного удовлетворения и истинного счастья. Отсюда обращение поэта к проблемам взаимоотношений в семье между супругами, между родителями и детьми. Если трудовая жизнь человека на виду, то жизнь личная была и остаётся интимно-потаённой, скрытой, а потому требует от поэта пристального внимания. От красоты и нравственного здоровья каждой семьи зависит нравственное здоровье всего общества в целом. Мелкие семейные ссоры и обиды мешают человеку жить, крадут из его жизни многие годы: «Двое комнату делят – / Разошлись, стало быть... / Ну, а с прошлым что делать? / Как его поделить?» [12, с. 58]. Лирический герой задаётся вопросом «Кто виноват? Кто в ответе за раненные судьбы и взрослых, и детей?»:

Как много объявлений о разводе.
Как много женщин одиноких ходит.
Как много непутёвых сорванцов
растёт без матерей или отцов.
Кто виноват?
Пуускай решают судьи.
Меня ж тревожат
раненные судьбы
детей [8, с. 85].

Поэт страстно призывает отцов и матерей во имя счастья своих детей не рушить семейный очаг, быть терпимыми друг к другу, уметь прощать:

Отцы, не оставляйте сыновей!
Пока малы – за них в ответе мать –
от первых слёз и до вечерней сказки.

Но как потом им будет не хватать
Мужской поддержки и отцовской ласки...
Обида вас настигнет иль любовь –
Не уходите... Вы им всех дороже.
Ведь в жилах сыновей отцова кровь.
И заменить её уже никто не сможет [13, с. 67].

На протяжении всего своего творчества А. Дементьев написал немало стихов о любви как величайшей духовной ценности в жизни человека. Лирический герой Дементьева смотрит на мир глазами любви, верной, требовательной и бескомпромиссной:

Хочу, чтоб ты была железом
и гневным окриком была,
Когда бесчестье в судьи лезет
И подлость бьёт из-за угла.
Хочу, чтоб ты объяла землю,
вместив весь мир в глаза свои...
Я лишь такой тебя приемлю
И не приму иной любви [8, с. 70–71].

Любовь для поэта – один из критериев истинной нравственности. Конечно, чувство любви, согревающее сердце лирического героя, не безоблачно. Поэт пишет и о тягостных минутах грусти, разочарованиях, когда любовь уходит безвозвратно. Возникает образ «аварийного времени любви».

Свою интимную лирику поэт собрал в сборник «Стихи о любви» (2008). Истинная любовь для него – это вершина жизни, вершина счастья. Любовь помогает преодолеть чувство одиночества, она выводит душу, приобщает её к прекрасному. Любовь у поэта предстает в разных ипостасях. Он передает страстную, одухотворенную влюбленность лирического героя, любовь женщины, восхищается верной любовью, любуясь ею со стороны. Много стихов посвящено источнику любви, женщине: «Нет нелюбимых женщин / И каждая права. / Как в раковине жемчуг, / В душе любовь жива» [5, с. 190].

В стихах, посвященных женщине, любимой, раскрываются лучшие стороны души лирического героя, воспринимающего любовь как праздник. С необыкновенной теплотой и признательностью звучат стихи поэта, обращенные к единственной на свете: «Спасибо за то, что ты есть. / За то, что твой голос весенний / приходит, как добрая весть / в минуты обид и сомнений». Он хочет видеть любимую искренней, ласковой и нежной. В нежности он видит и силу, и красоту женщины:

Будь нежной, если хочешь
быть сильной,
как море,
когда грохочет
волною синей.
Будь нежной, если хочешь
быть красивой,
как лунной ночью
январский иней [10, с. 58].

Поэт восхищается красотой и гармонией женского тела: «Ты в море шла. / Я увидал и замер, / перед искусством линий оробев./ Мне показалось – это ожил мрамор, / его прохлада, строгость и напев». Он преклоняется перед отзывчивой женской душой, перед материнством. Чувство сыновней любви к матери сопряжено у Дементьева с чувством любви к Родине: «Руки мамы... / В морщинках, в родинках. / Сколько вынесли вы, любя... / С этих рук я увидел родину, / так похожую на тебя».

В своей любовной лирике поэт остается реалистом, показывая психологически сложные отношения, сомнения, взаимное непонимание, страдания и разрывы: «Любовь не только возвышает – / Любовь порой нас разрушает». Но, так или иначе, это неисчерпаемый источник энергии, это стимул к жизни. Это сама жизнь: «Неистовый наш костер / Высветил наши души / И пламя своё простёр / Над будущим и минувшим» [3, с. 55]. Замечательны его стихи «Баллада о любви», «Спасибо за то, что ты есть...», «Лебединая верность». Дементьев пы-

тается постигнуть философию любви, чтобы понять ценность этого всепобеждающего чувства:

Промчится жизнь...
Любовь в былое канет.
Все испытай и все переживи.
Но никогда нас не покинет память –
Воспоминанья о былой любви [Там же, с. 17].

Многогранно и разносторонне реализуется в творчестве А. Дементьева и тема дружбы («Я в дружбе верен, как собака...», «В дружбе нет ни титулов, ни званий...», «Друг познается в удаче...», «Как горько обмануться в друге!», «Для кого-то дружба – тоже бизнес» и др.).

В пейзажной лирике Дементьев стремится подчеркнуть роль природы в духовной жизни человека. Она для него хранительница тайн бытия. Он одухотворяет, персонифицирует её образы: сосна «забежала в молодую рожь» и «замерла на бегу», «бродит по лесу осень...», «проходит осень тихо по земле». Березы у поэта похожи на «русских солдаток военной поры». Они «собой партизан укрывали, / плечом подпирая жильё. / Бойцам на коротком привале / тепло отдавали своё». Природа помогает и сочувствует человеку, а лирический герой, в свою очередь, страдает её бедам («В березовой роще стряслась беда...», «Лось», «Дельфин»).

Дементьев стремится нести людям добро, он постоянно напоминает, что жизнь даётся человеку лишь один раз, что она неповторима. У него возникает образ поэта – «брата милосердия», который должен помогать человеку побеждать недуги. Дементьев утверждает человеческое достоинство, он борется за моральную чистоту конкретного человека и всего нашего общества. Добро и красота для него естественны, а зло и духовное уродство – ненормальны. Поэт не приемлет ложь, фарисейство, корыстолюбие и властолюбие, предательство, зависть. Многие его стихи открыто публицистичны: «Не умею молчать, если сердце кипит. / Не меняю на выгоду горьких обид», «Я ненавижу в людях ложь!» В лирике Дементьева неоднократно повторяется мысль о правде как единственно верном жизненном пути. Лирический герой Дементьева

призывает людей не к мести за зло, а к душевной щедрости: «Не жалейте своей доброты и участия, / Даже если за всё вам – усмешка в ответ...».

Поэта отличает высокая требовательность к себе. Он утверждает: «Ты можешь всё брать, всё завоёвывать, всё требовать, но ты должен и всё отдавать. Тут взаимобмен, тут на неравных нельзя, тут только на равных можно...»^{*}. Его лирический герой склонен к самоанализу, принимающему форму внутреннего монолога: «Живу не так, как бы хотелось, / Заели суета и быт. / И осторожность, а не смелость / Порою мной руководит». Можно согласиться с Л. Озеровым, что в произведениях Дементьева 60–70-х годов «не было многозначности лирического письма, в котором боль, страсть, ирония, драма, поэзия и проза жизни проступают в их единстве» [16, с. 60]. Постепенно поэт избавляется от этого недостатка.

Особый интерес представляет книга А. Дементьева «Снег в Иерусалиме» (1993), названная так по первому впечатлению, потому что, как пишет поэт, снег своей чистотой соединил в его душе великую Россию и Святую землю: «В Иерусалиме выпал русский снег. / Наверное, мы поменялись небом». Книга проникнута пафосом единства человечества: «Все мы – дети одной Природы и одного Времени» [11, с. 4]. Его стихи посвящены истории и современности, рассказывают о судьбах соотечественников, раскрывают внутренний мир лирического героя («Сандаловый профиль Плисецкой...», «Отец», «Дочери», «Памяти Высоцкого», «Гефсиманский сад», «В Иерусалиме выпал русский снег...», «В изгнании», «Я вспомнил Волгу подле Иордана...» и др.). Здесь и горькие строки: «В Россию лишь можно верить, / А жить в ней давно нельзя» («В изгнании», с посвящением Галине Вишневской). Вместе с тем Дементьев остается верен нравственным постулатам, характерным для его поэзии предшествующих лет: «Я ничего и никому не должен, / Поскольку никогда не жил в кредит». Книгу «Снег в Иерусалиме» оформил И. Глазунов.

А. Дементьев привержен классической системе стихосложения. Но у него встречаются и белые стихи, и верлибры (например, стихотворение «Дельфин»). Как средство художественной выразительности

^{*} Беседа моей дипломницы С. Г. Макеевой с А. Д. Дементьевым 28 марта 1982 года в редакции журнала «Юность». Текст заверен подписью А. Дементьева. Личный архив В. А. Редькина.

он использует звукопись, например, в поэме «Мужество» заметны аллитерации: «Граната грохнула в шалаше, / как будто бы гром в грозу». Звуковой образ возникает в стихотворениях «Колокола Хатыни»: «Я – Анна, Анна, Анна» – издалека... «О, где ты, мама, мама?»; «Гроза»: «Гроза неслась. / Гроза играла. / И громом душу надрывала / И плачем за сердце брала».

Из книги в книгу Дементьева переходит раздел «Строфы» – это короткие афористичные стихи, отмеченные прямолинейностью и назидательностью.

Благодаря четкой ритмической организации, мелодичности, простоте и ясности образной системы стихи А. Дементьева прекрасно ложатся на музыку. На его стихи создано более ста замечательных песен. Некоторые из них стали подлинным вкладом в национальную культуру русского народа. Трудно представить человека, который бы не слышал песен на музыку Е. Мартынова «А я без Волги просто не могу», «Алёнушка», «Отчий дом», «Лебединая верность», «Чайки над водой». С поэтом сотрудничали такие композиторы, как А. Пахмутова, Д. Тухманов, В. Мигуля, Р. Паулс, А. Бабаджанян, Н. Богословский, П. Аедоницкий и многие другие. В 90-е годы поэт стал сотрудничать с композиторами А. Ковалевским, И. Крутым А. Хораловым, Катей Семеновой, И. Демариным.

На стихи Дементьева создавали свои музыкальные произведения и тверские композиторы: К. К. Тушинок, В. П. Голиков, В. Дьяконов, ряд самодельных авторов.

Наследие А. Дементьева «свидетельствует о богатстве тверской поэзии, подтверждает, что развитие тверской литературы идет различными путями, в разных направлениях, в литературном процессе участвуют поэты разных возрастов и поколений», которые являются вместе с тем «участниками общего литературного процесса, хотя и движутся каждый в своем русле», так как они «выработали себе четкое мировоззрение и пытаются не просто отображать то, что наблюдают или переживают, но воссоздавать жизнь с определенной точки зрения, выражать свою позицию» [15, с. 68].

Нравственно-эстетический идеал поэта вытекает из традиционных народных представлений и включает в себя такие понятия, как патриотизм, взаимоуважение и взаимопонимание между народами,

честность, мужество, принципиальность, доброта, человечность, совесть, чуткость, справедливость, ясность, гармония и красота, которые составляют основу ценности личности, поэзии, искусства.

Список литературы

1. Бойников А. М. Концепция творчества в лирике Андрея Дементьева // Андрей Дементьев: поэт, человек, общественный деятель / Тверской гос. ун-т. Тверь, 2008. С. 33–44.
2. Вегин П. Рядом ты и любовь // Октябрь. 1977. № 6. С. 223.
3. Дементьев А. Д. Азарт. М.: Сов. писатель, 1983. 222 с.
4. Дементьев А. Д. Боль и радость: книга стихов. М.: Моск. рабочий, 1973. 103 с.
5. Дементьев А. Д. Избранное. М.: Худож. лит., 1985. 439 с.
6. Дементьев А. Д. Избранное. М.: Эксмо, 2008. 432 с.
7. Дементьев А. Д. Лирика. М.: Эксмо, 2004. 352 с.
8. Дементьев А. Д. Наедине с совестью: книга стихов. М.: Моск. рабочий, 1965. 96 с.
9. Дементьев А. Д. Рождение дня: книга стихов. М.: Современник, 1978. 320 с.
10. Дементьев А. Рядом ты и любовь: книга стихов. М.: Мол. гвардия, 1976. 127 с.
11. Дементьев А. Д. Снег в Иерусалиме М.: Азриэль, 1993. 95 с.
12. Дементьев А. Солнце в доме: книга стихов. М.: Сов. писатель, 1964, 90 с.
13. Дементьев А. Стихи // Октябрь. 1981. № 1. С. 67.
14. Казанцева И. А. Библейские мотивы и образы в лирике Андрея Дементьева // Андрей Дементьев: поэт, человек, общественный деятель / Тверской гос. ун-т. Тверь, 2008. С. 51–59.
15. Николаева С. Ю. «Когда минет злоба дня и настанет будущее...»: новые книги тверских поэтов и литературный процесс // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2016. № 3. С. 68–81.
16. Озеров Л. После книги // Литературное обозрение. 1981. № 6. С. 60.
17. Сланевский Л. В. «Все мне памятно до боли...»: О творчестве писателей Верхневолжья / Тверской гос. ун-т. Тверь, 1993. 84 с.

ОБ АВТОРАХ

АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО Антон Антонович – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Тверского государственного университета, *e-mail: antonov-ovseenko@mail.ru.*

БОЙНИКОВ Александр Михайлович – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Тверского государственного университета, *e-mail: zoil69@mail.ru.*

БРЫЗГАЛОВА Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой журналистики, рекламы и связей с общественностью Тверского государственного университета, *e-mail: bryzgalovaelena@gmail.com.*

БУШЕВ Александр Борисович – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Тверского государственного университета, *e-mail: alex.bouchev@list.ru.*

ВАСИЛЬЕВА Светлана Анатольевна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории и теории литературы Тверского государственного университета, *e-mail: rabota165@rambler.ru.*

ВЛАСОВА Ольга Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Тверского государственного университета, *e-mail: o_vl@bk.ru.*

ВОЛКОВ Валерий Вячеславович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Тверского государственного университета, *e-mail: volk7valery@yandex.ru.*

ВОЛКОВА Наталья Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологических основ издательского дела и литера-

турного творчества Тверского государственного университета, *e-mail: volknat@mail.ru.*

ГАБЛИНА Татьяна Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Тверского государственного университета, *e-mail: tgablina@yandex.ru.*

ГАНЖИНА Ирина Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Тверского государственного университета, *e-mail: emmaus1962@yandex.ru.*

ГЛАДИЛИНА Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русского языка Тверского государственного университета, *e-mail: igladilina@yandex.ru.*

ГЛУШКОВ Сергей Владленович – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета, *e-mail: sglushkov@mail.ru.*

ДУДАРЕВА Алла Адамовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Тверского государственного университета, *e-mail: alladamova@mail.ru.*

ЕЛКИНА Анастасия Александровна – аспирант кафедры истории и теории литературы Тверского государственного университета, *e-mail: philology.ruslit@tversu.ru.*

ЕРОХИН Вячеслав Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Тверского государственного университета, *e-mail: erovyach@mail.ru.*

НЕКРАСОВА Анна Вячеславовна – ассистент кафедры русского языка Тверского государственного медицинского университета, *e-mail: nekrasova3004@yandex.ru.*

НИКОЛАЕВА Светлана Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета, *e-mail: synikolaeva@rambler.ru.*

ПАРАФОНОВА Вера Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций института издательского дела и журналистики Высшей школы печати и медиаиндустрии, Московский политехнический университет, *e-mail: wera_iss@mail.ru.*

РЕДЬКИН Валерий Александрович – доктор филологических наук, профессор кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета, *e-mail: foidid-red@rambler.ru.*

СЕРГЕЕВА Нина Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Тверского государственного университета, *e-mail: ninamserg@yandex.ru.*

УСОВИК Елена Григорьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Тверского государственного университета, *e-mail: elena_usovik@mail.ru.*

Научное издание

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ

Материалы

*научно-практической конференции, приуроченной к 65-летию
профессора филологического факультета ТвГУ*

В. В. Волкова

17 октября 2019, г. Тверь

Подписано в печать 28.10.2019 г.

Формат 60×84/₁₆. Объем 13,7 усл. п. л. Тираж 100 экз.

Заказ № 20.

Отпечатано: Издатель Кондратьев А. Н.

170024, г. Тверь, пр. Ленина, 18/1.

Тел./факс: 8(4822) 44-57-08, моб.: 8-903-630-42-50.

Эл. адрес: 445708@mail.ru

Цифровая типография «Принт-Копи»

www.print-copy.ru, www.принт-копи.рф

Сборник составлен по материалам конференции, приуроченной к 65-летию филолога-русиста, профессора кафедры русского языка Тверского государственного университета Волкова Валерия Вячеславовича. Авторы обсуждают разнообразные проблемы и направления развития современной русистики как науки о русском языке и литературе, русской культуре и русском народе, место филологического знания в различных коммуникативных практиках (художественная литература, литературоведение и лингвосемиотика, журналистика и реклама, деловое общение и лингводидактика). Особое внимание уделяется теолингвистике православия в контексте истории и современного состояния русского языка и российского общества.

Для широкого круга специалистов в области русской филологии, теории и практики коммуникации.

Ключевые слова: антропоцентризм, теолингвистика, герменевтика, менталитет, язык и культура, семантика и прагматика, языковая личность, духовный реализм.